

ЧЕТЫРЕ БЕСѢДЫ

ФОТІЯ

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

И

РАЗСУЖДЕНІЕ О НИХЪ

АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1864.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Сентября 24 дня, 1884 года.
Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

СВЯТЫЙШАГО ФОТІА АРХІЕПІΣΚΟΝΑ ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΠΟΛΕΩΣ

ПЕРВАЯ БЕСѢДА

ΠΟ ΣΛΥΧΑЮ НАΠΕШТВІА РОССОВѢ.

Τί τοῦτο; Τίς ἡ χαλεπή αὐτή
πληγή καὶ ὀργή; Πόθεν ἡμῖν
ὁ ὑπερβέριος οὖτος καὶ φοβε-
ρός ἐπέσκηψε κεραυνός; Ποῖα
νέφη παῶν πυκνωθέντα! Τί-
νων δε κριμάτων σφοδραὶ
παρατρέψεις τὴν ἀνυπόσ-
τατον αὐτήν καὶ ἡμᾶς ἐξε-
πυρίνησαν ἀστραπήν; Πόθεν
ἡ βαρβαρική αὐτή καὶ πυκνή
καὶ ἀσπρὰ κατεβράγη θάλασσα;
ὄυ καλάμους σίτου κείρουσα καὶ
τὸν στάχυν συμπατάττουσα,
οὐδὲ κληματίδας ἀμπέλου μα-
στιζουσα καὶ τὸν καρπὸν ἄωρον
τεμαχίζουσα, οὐδὲ φυτῶντα
στελέχη τύπτουσα, καὶ τοὺς
κλάδους διασχίζουσα, — ὃ πολ-
λοῖς πολλὰκίς μέτρον ἐπλήρω-
σεν ἐσχάτης κακώσεως, — ἀλλ'

I. Что это? Что за-пораженіе столь на-
губное? Что за-гнѣвъ столь тяжкій? Отку-
да упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и
страшный лерунъ? Какія сгущенныя тучи
страданій! И какія судьбы крѣпкимъ тре-
ніемъ взаимнымъ воспламенили на насъ
эту зіяющую молнію? Откуда нахлынуло это
варварское, сгущенное и грозное море, не
стебли пшеницы пожинающее и не колось
пошпрающее, не виноградныя лозы размно-
жающее и не зародыши гроздовъ истребляю-
щее, не молодыя лѣторасли побивающее и
не вѣтви отторгающее, — что у многихъ ча-
сто бывало въ воздаяніе за крайнее зло, — но
самыхъ людей губящее жалостно, и весь родъ
нашъ истребляющее горестно? Откуда, или
какъ, излились на насъ, чтобъ не сказать бо-

ἀνθρώπων αὐτῶν ἰακρῶς τὰ σώματα συναλήθουσα, καὶ τὸ γένος ἅπαν πικρῶς ὁλοθρέουσα; Πόθεν, ἢ πῶς τῶν τληκίτου των καὶ τοσοῦτον κακῶν ἢ τρυγία, ὅτι μὴ μείζον εἰπεῖν, ἐξεχυσῆ ἐφ' ἡμᾶς; Ἄρα διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν ταῦτα πάντα ἦλθον ἐφ' ἡμᾶς; κ. τ. λ.

Ὅντως ἐλασάνουσι φυλάς ἁμαρτίαι, καὶ ὡς ρομφαία διστομος πᾶσι τοῖς χρομένους αὐταῖς. Ἐβῆυσθημεν κακῶν, οἷς πολλὰκις συνεσχέθημεν· δέον εὐχαριστεῖν, ὅκ ἐυγνωμονήσαμεν. Εὐώθημεν, ἡμελήσαμεν· Ἐφρουρήθημεν, κατεφρονήσαμεν, ἐφ' οἷς δέος ἦν τιμωρίαν ὑποσχεῖν· Ὡ γνῶμης ὠμῆς καὶ ἀδιακρίτου! Καὶ τί γὰρ οὐχὶ τῶν δυσχερῶν καὶ δεινῶν πασχεῖν ἄξιον, ἐπέπερ τοὺς μικρὰ τινὰ καὶ τῶν εὐτελεστάτων ὀφείλοντας ἀποτόμως εἰσεπραξαμένα; Ἐτιμωρησάμεθα, ὅκ ἐμνήσθημεν τῆς εὐχαριστίας, παρελθούσης τῆς ἐνεργεσίας· οὐδ', ὅτι συγγνώμης ἐτύχωμεν, τοὺς πλησίον ὠκτειρήσαμεν· ἀλλ' ἐν ᾧ τῶν ἐπικρεμασθέντων φόβον καὶ κινδύνων ἀπηλλάγημεν, ἀγριώτεροι τούτοις κατέστημεν, μήτε τὸ πλῆθος καὶ μέγεθος τῶν οἰκείων ὀφλημάτων, καὶ τὴν ἐπὶ τούτοις τοῦ σωτήρος συχωρήσιν λογισάμενοι, μήτε τὴν τῶν ὁμοδούλων ὀφελῆν βραχυ-

лѣе, подонки такихъ и столькихъ золъ? Не за грѣхи ли наши все это ниспослано на насъ? Не обличеніе ли это беззаконій нашихъ, и не общественный ли памятникъ имъ? Не доказываетъ ли настоящая кара, что будетъ судъ страшный и неумолимый? Не должно ли всѣмъ намъ ожидать, что никто не избѣжить будущей огненной мѹки, когда теперь наяву никто не оставляется въ живыхъ? — Истинно, грѣхи уменьшаютъ племена. Они мечь съ двумя лезвеями для всякаго, кто преданъ имъ. Многократно мы были избавляемы отъ обдержавшихъ насъ бѣдъ: надлежало бы благодарить? не заблагоразсудили. Были спасаемы? облѣнились, хранимы? презирали тѣхъ, которые могли дать намъ острастку наказаніемъ. О правъ жестокій и безразсудный! И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно рассчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное? Были мы наказываемы? забывали благодарить по мннованіи сего благодѣянія. Получали прощеніе? не миловали ближнихъ: напротивъ, какъ только избавлялись отъ тяготѣвшихъ надъ нами утрашеній и опасностей, поступали съ ними гораздо суровѣе, не помышляя ни о множествѣ и тяжести собственныхъ долговъ, ни о прощеніи ихъ Спасителемъ, и не оставляя сорабамъ малѣйшаго долга, котораго и сравнить нельзя съ нашими долгами. Многіе и великіе изъ насъ получали свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію: а мы не многихъ молотильщи-

τάτην οὖσαν καὶ μὴδὲ ἐν σταδ-
μῇ λόγου ζυγοστατουμένην πρὸς
τάς ἡμετέρας αἰδεσάμενοι. Πλο-
λῶν καὶ μεγάλων φιλιανθρώπως
ἐλευθεροθέντων, ὀλιγους ἀλοεῖς
ἀφιλιανθρώπως ἐδουλώσαμεν.
'Ευφράνημεν, ἐλυπήσαμεν.
'Εδοξάσθημεν, ἠτιμώσαμεν.
'Ισχύσαμεν, ἐυσηγήσαμεν· ἐξυ-
βρίσαμεν, ἠφρονευσάμεθα, ἐλι-
πάνθημεν, ἐπαχύνθημεν, ἐπ-
λατύνθημεν, καὶ εἰ μὴ τὸν
θεόν, ὡς πάλαι 'Ιακώβ, ἐγ-
κατελίπομεν, ἀλλ' ὡς ὁ ἠγα-
πημένος, πληθέντων ἀπελακ-
τίσαμεν, καὶ ὡς δάμαλις πα-
ροιστρῶσα τῶν τοῦ Κυρίου προ-
σταγμάτων παροιστρήσαμεν,
καὶ τῶν δικαιωμάτων αὐτοῦ κα-
τωλιγορήσαμεν. Διὰ τοῦτο φω-
νὴ πολέμου καὶ συντριβῆς πολέ-
μου ἐν τῇ γῇ ἡμῶν. Διὰ τοῦτο
ἤνοιξε Κύριος τὸν θησαυρὸν
αὐτοῦ, καὶ ἐξήνεγκε τὰ σκεύη
τῆς ὀργῆς αὐτοῦ κ. τ. λ.

ковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами. Обрадованные всѣхъ огорчали, прославлен-
ные безчестили, сильные и всѣмъ довольные
обижали, безумствовали, утолстѣли, разжи-
рѣли, расширились, и если, подобно древне-
му Іакову, не отпустили отъ себя Бога ¹⁾, то
подобно возлюбленному (Соломону) попрали
щедроты Его, и какъ прыгающая юница пе-
репрыгнули за предѣлы заповѣдей Господа,
и поглумились надъ законами Его. «За это
«крикъ бранный и разореніе ратное въ зем-
«лѣ нашей. За это отверзъ Господь сокровищ-
«ницу свою, и вынесъ эти сосуды гнѣва сво-
«его ²⁾. За это народъ сей двинулся съ сѣвера
«съ тѣмъ, чтобы дойти до втораго Іерусали-
«ма, и людѣ сей устремился съ конца земли,
«неся съ собою стрѣлы и копья. Онъ грозенъ
«и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря.
«Услышали мы шествіе его, увидѣли гроз-
«ный строй его: и руки наши разслабѣли;
«насъ объяли скорби и болѣзни, какъ ро-
«дильницу. Не выходите на поле, и не ѣзди-
«те по дорогамъ; ибо тамъ вездѣ кругомъ

«мечи враговъ ³⁾. — Что скажу о тебѣ? Или, чему уподоблю тебя градъ-
«царь? днесъ вопіеть со мною Іеремія. Кто спасетъ тебя и утѣшитъ тебя,
«когда переполнилась чаша погибели твоей? Кто испѣлитъ тебя ⁴⁾?»

II. Вы теперь плачете. И меня объяло-было горе и прервало мою рѣчь.
Но почто вы вопіете ко мнѣ? Почто рыдаете? Послушайте меня: приоста-
новите на часъ ваши слезы. и дайте свободу словамъ моимъ.

Δακρύω μὲν γὰρ καὶ γὰρ σὺν
ὕμῃν, ἀλλ' οὔτε τὴν ἐν χρόνῳ

И я плачу съ вами. Но малыя капли
не угашаютъ пламени разжennaго давио;

¹⁾ Быт. 32, 26. — ²⁾ Іерем. 27, 22, 28. — ³⁾ Іерем. 6, 22—25. — ⁴⁾ Плачъ Іерем. 2, 13.

ἀναξήριπισοῦσαίαν φλόγα μικραὶ
 ρανίδες σβεννύουσι, τί γὰρ δεῖ
 λέγειν, ὡς πλέον ἀνάπτουσι,
 οὔτε τὸν ἐκκαυθέντα ὑπὸ τῶν
 ἡμετέρων ἀμαρτημάτων θυμὸν
 τοῦ θεοῦ πρόσκαιρον δάκρυον
 ἰσχύει ἐξίλειώσασθαι. Δακρύον
 καὶ γὰρ σὺν ὑμῖν· ἀλλὰ πολλῶν
 ταλαιπορευμένων παρίδμεν δά-
 κρυα, παρατρέχο γὰρ, ὡς καὶ
 ἐκμανώσαμεν. Δακρύον καὶ γὰρ σὺν
 ὑμῖν, εἴπερ ἐστὶ δακρύων και-
 ρὸς ὁ παρῶν καιρὸς, ἀλλὰ μὴ
 πολλῶ μείζων τῆς δακρύων φο-
 ρᾶς ἢ καταλαβούσα συμ-
 φορὰ· εἰσὶ γὰρ εἰσὶν ὄντως
 μείζονες δακρύων πολλὰ συμ-
 φορὰι, ἐν αἷς τῶν ἔνδον ὑπὸ
 τοῦ στηριχθέντος διαφυλαχ-
 θέντων, ἢ καὶ σφόδρα γε συ-
 σταλέντων τε καὶ συμμεμου-
 κῶτων, οὐδὲ ἢ διὰ τῶν ἁμμά-
 των προχεόμενη πολλάνκις κα-
 ταλείπεται νοτίς. Οὐχ ὄρω δὲ
 νῦν οὐδὲ τῶν δακρυόντων τό κέρ-
 дос. Ὅτε γὰρ πρὸ τῶν ἡμετέ-
 ρων ἁμμάτων τὰ τῶν ἐχθρῶν ἐί-
 ρη τῆς τῶν ἁμοφύλων βαπτί-
 ζεται ἄμασι, ἡμεῖς δὲ τοῦτο
 κατ'ορῶντες, ἐπικουρεῖν δεόν,
 τοῦτο μὲν ἀπορίᾳ τοῦ πράττειν
 οὐκ ἀναδεχόμεθα, εἰς δάκρυα
 δὲ καταφερόμεθα· ποταπῇ τοῖς
 ἀτυχοῦσι παράκλησις ἐπιγίνε-
 ται, μείζους ἢ ποταμούς τε

что я говорю? напротивъ еще болѣе раз-
 жигаютъ его; да и сильна ли случайная
 слеза умилостивить воспламененный грѣ-
 хами нашими грѣвъ Божій? И я плачу съ
 вами: а многихъ несчастныхъ слезы мы
 презрѣли! и полно говорить ли, какъ осу-
 шали! И я плачу съ вами, если только
 время теперь плакать, и если постигшее
 насъ горе не такъ горько, что еще можно
 выронить слезу: ибо бываютъ, бываютъ мно-
 гия несчастія безслезныя, во время которыхъ
 у страдальца, сидящаго неподвижно, сжи-
 мается и дѣпенѣтъ вся внутренность, и по-
 тому не течетъ и та влага, которая въ дру-
 гой разъ потокомъ льется изъ очей¹⁾. Да те-
 перь я не вижу и пользы отъ слезъ. Ибо, ког-
 да предъ нашими глазами мечи враговъ оба-
 гряются кровію единоплеменниковъ нашихъ,
 и когда мы, видя это, вмѣсто помощи имъ,
 бездѣйствуемъ, потому что не знаемъ, чтò и
 дѣлать, и только ударилнсь вѣ въ слезы,
 какое было бы утѣшеніе несчастнымъ, если
 бы изъ убиенныхъ тѣлъ вытекло больше по-
 токовъ крови, чѣмъ слезъ изъ очей нашихъ?
 Притомъ, когда скверна грѣховъ не омывает-
 ся даже тѣми потоками крови, кои текутъ
 тамъ²⁾ вмѣстѣ съ пылью, то могутъ ли смыть
 ее ручьи слезъ нашихъ? — Не теперь бы на-
 дележало плакать намъ, возлюбленные, а по-
 рашше бы слѣдовало ненавидѣть грѣхи. Не

¹⁾ Этими словами Фотій намекнулъ Византіяцамъ, что несчастіе ихъ такъ велико, что другіе
 отъ него оцпенѣли бы, а они только плачутъ немного. — ²⁾ Въ предмѣстіяхъ Константинополи.

ἀπό τῶν διαιρεθέντων σωμάτων ἐκίνησεν αἵματα, ἢ τὰ ἀπό τῶν ἡμετέρων βλεφάρων ἀναδιδόμενα δάκρυα; Ἄλλ' ὅτε ταῖς ἐκεῖθεν καταφερομένης τῶν λύτρων ῥοαῖς ὁ τῶν πλημμελημάτων οὐκ ἀποσμίχεται μόλις, ἦπου γε τὰ τῶν ὀμμάτων ῥεῖντρα τοῦτον ἐκπλύναι δυναθήσεται; Οὐ νῦν ἔδει κλαίειν, ἀγαπητοί, ἀλλὰ τὴν ἁμαρτίαν μισεῖν ἀπ' ἀρχῆς. κ. τ. λ.

теперь бы горевать, а поранше бы убогать отъ тѣхъ наслажденій, кои породили настоящее горе. Мы похожи на властелнна, обреченнаго горькому рабству. Какъ ему нелюбо терпѣть мученье отъ бичей: такъ и намъ, надѣланнымъ столько худыхъ дѣлъ, нестерпимы наказанія, непосланныя правосуднымъ Богомъ. Не теперь бы надлежало оплакивать себя самихъ, а всегда бы жить поумнѣ. Не теперь бы раздавать богатство, когда и самъ ты не знаешь, будешь ли владѣть имъ, а поранше бы удерживаться отъ лихоимства, ког-

да еще не угрожала намъ настоящая гибель. Не теперь бы торговать милосердіемъ, когда торжище жизни, того и гляди, что разогнано будетъ нашедшими бѣдами, но когда мы свободно могли никого никогда не обижать неправдами. Не теперь бы править всенощны и ходить на литіи, бить перси и стонать тяжело, поднимать руки и утруждать колѣна, плакать заунывно и смотрѣть угрюмо, не теперь бы, когда противъ насъ устремлены отточенные жала смерти. А прежде надлежало все это дѣлать, прежде упражняться въ дѣлахъ добрыхъ, прежде каяться въ дѣлахъ худыхъ. Ибо дѣлая это теперь предъ праведнымъ Судією, который не очень-то склоненъ прощать, когда надо осуждать, мы, думаю, не къ милости преклоняемъ Бога, а только сами себя обвиняемъ въ воспрещенныхъ намъ грѣхахъ. Такъ, нѣкоторые люди, могущіе и умѣющіе жить цѣломудренно и боголюбезно, до наступленія несчастій ничего не сдѣлавъ для добродѣтели и спасенія, и даже безпечно и лѣнливо предавшись всею душою влеченіямъ страстей, осуждаютъ сами себя.—Почему ты, плачущій теперь, не воздерживался прежде отъ непомѣрнаго смѣха, отъ блудныхъ пѣсней, и отъ музыкальныхъ разжизаній? Почему ты нахмурился теперь, свелъ брови, надулъ щеки и смотришь тиранномъ? Почему ты, ласковый теперь къ обиженнымъ тобою, и такой степенный и чувствительный, почему прежде внезапно нападалъ, на кого ни попало, какъ зараза какая? Однимъ словомъ: почему ты теперь только сталъ добръ для всѣхъ и во всемъ, а прежде никому ни въ

чемъ не снисходить, но величался какъ нечистый на-руки сановникъ, и когда не успѣвалъ метить по одному подозрѣнію, то и жить не хотѣлъ, или, за ворота выталкивалъ голодныхъ, какъ стерво, тогда какъ весельчачки шитались твоею трапезою и богатствомъ. и расхваливали твоё благоправіе? Почему ты острое копье друзей твоихъ презиралъ, какъ бы мало-крѣпкое, а на естественное сродство плевалъ, и вспомогательные союзы расторгалъ. какъ бѣшеный, какъ озорникъ и безчеловѣчный человѣкъ? Долго было бы перечислять воровства и расхищенія, блудодѣянія и прелюбодѣйства, и другія беззаконія, о которыхъ стыдно говорить, — всю эту большую и надолго достаточную подтопку возженного и устремленного на насъ огня; и я знаю, что и сами вы, перебравъ это въ умѣ своемъ, горюете и плачете. Но время не терпѣтъ, Судія неумолчимъ, угроза страшна, беззаконій много, одно покаянiе недостаточно.

III. Часто я увѣщавалъ васъ, и говорилъ вамъ даже грозно: но, какъ видно, слова мои падали въ тернія. Часто я вошлѣлъ, поражалъ васъ, припоминалъ вамъ пепель Сodomскій и потоппъ, котораго воды разжидали землю и истребили весь родъ человѣческой. Часто поставлялъ я въ примѣръ народъ Израильскій, благополучный, возлюбленный, царственно-священный: какъ онъ за ропоть, за противорѣчіе, за неблагодарность, за иное подобное прегрѣшеніе былъ наказываемъ¹⁾, смиряемъ побѣжденными врагами, умаляемъ тѣми, надъ кѣмъ торжествовалъ, и какъ онъ падалъ и погибалъ. Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку, не принимайте долготерпѣніе Божіе за поущеніе къ нерадѣнію, не лукавьте съ честными людьми. Какъ же теперь поскребсти ваши сердца. уже пылающія²⁾, или, какъ еще сильнѣе поразить васъ, удрученныхъ горестію? Не отослать ли васъ туда³⁾. безъ епитиміи, для полученія казней, поставивъ обличителемъ вашимъ настоящую кару? Или, сжалиться надъ злополучіемъ, а непокорность и грѣхъ оставить безъ обличенія? Ну что?—Вразумлялъ я васъ; угрожалъ я вамъ Божіимъ словомъ; «Богъ нашъ — ревнивъ, долготерпѣ-

¹⁾ Т. е. за небольшіе грѣхи. — ²⁾ Знать, сердца ихъ были такъ холодны и жестоки, что надлежало разжечь ихъ бѣдами, да и разжешны - то еще скребети скребкомъ, дабы смягчить ихъ. — ³⁾ Фотій разумѣлъ тѣ мѣста, гдѣ Россы губили Грековъ.

ливъ, но когда разгнѣвается, тогда кто постоитъ?» Вотъ что говорилъ я. Но, какъ видно, я бросался въ огонь; да и теперь не дай Богъ уподобиться мнѣ орѣховому маслу¹⁾. Ибо вы не обращались, не каялись: напротивъ, отягчали уши ваши, чтобы не слушать слова Господня. За это излилась на насъ ярость Его, и сталъ онъ бодръ отъ грѣховъ нашихъ, и пристально посмотрѣлъ намъ въ лице.

IV. Οἶμοι, ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροικία μου, καὶ μὴ μακρᾶς οὖσης, μετὰ ψαλμοῦδοῦ βοήσομαι Δαβὶδ, ἐμακρύνθη, ὅτι οὐκ ἐισηκούσθη παρακαλῶν, ὅτι νέφος βαρβάρων, ὄρων τοῖς πταῖσμασι καταξηρανθεῖσαν τὴν πόλιν ἡμῶν, τοῖς αἵμασιν ἐπικλύζει· οἶμοι, ὅτι ἐπὶ τοῖς ἐφυλαττόμεν τοῖς κακοῖς ἐγὼ, ὅτι ἐγενήθημεν ὄνειδος τοῖς γείτοσι ἡμῶν, μυκτηρισμὸς καὶ χλευασμὸς τοῖς κύκλω ἡμῶν, ὅτι βαρβάρων ἄπιστος δρόμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγγελίας, ὡς ἂν τίς ἀσφάλεια περινοηθεῖη, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχεν ἡ θεὰ ἀκοήν, καί τι καὶ χάρις πόσαις, ἐναρχίας τε, καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεσι τῶν ἐπελασάντων διειργόμεθα. Οἶμοι, ὅτι ἔσνος ὠμόν καὶ ἀνήμερον ἐπ' ἀδείας ὄρω τῆς πόλεως περιεχόμενον, καὶ τὰ πρὸ τῆς πόλεως ληϊζόμενον, πανταφθεῖρον, πάντα λυμανόμε-

IV. Горько мнѣ отъ того, что продолжена пресельническая жизнь моя²⁾, — вопію съ псалмопѣвцомъ Давидомъ, — и продолжена тогда, когда уже близокъ былъ конецъ мой, отъ того, что не услышанъ я молящійся, отъ того, что туча варваровъ, видя городъ нашъ засохшій отъ грѣховъ, увлажяетъ его кровями. Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій, отъ того, что мы сдѣлались поношеніемъ соудей нашихъ, подраженіемъ и поруганіемъ оружающихъ насъ³⁾, отъ того, что походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣститъ насъ, дабы могъ кто либо подумать о безопасности, и мы слышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ. хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокий и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстія его. Онъ разоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцовъ,

¹⁾ Видно, что Византіяцы не любили и порицали Фотія за его обличительныя наставленія. Не даромъ онъ въ Четвертой бесѣдѣ сказалъ про себя: «Я рѣчами своими не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій.» — ²⁾ Псал. 119, в. — ³⁾ Псал. 78, 4.

νον, ἀγροῦς, οἰκίας, βροχήματα, ὑπερύγια, γύναια, παιδάρια, πρεσβύτας, νεανίας, διὰ πάντων τὸ ἔϊφος ὠσοῦμενον, οὐδενὸς λαμβάνον οἶκτον, οὐδενὸς φειδόμενον. Παγγενῆς ἡ καταφθορὰ. Ὡς ἀκρις ἐν ληϊῷ, καὶ ὡς ἐρυσίβη ἐν ἀμπέλωνι, μᾶλλον δεῶς πρηστήρ, ἢ τυφών, ἢ χειμαρρος, ἢ οὐκ οἶδ' ὃ τι εἰπῶ, εἰς τὴν χάραν ἡμῶν εἰσπεσὼν αὐταῖς γενεαῖς τοὺς κατακείμεντας ἀνάλωσεν. Μακαρίζω... κ. τ. λ.

всегда страдают, какъ жизнь ихъ переполнена скорбями, какъ избѣжать ихъ не могутъ, и, когда ищутъ смерти, не находятъ ее. Ибо гораздо лучше умереть скоро, чѣмъ ежедневно ждать кончины, и непрерывно тужить о страданіи ближнихъ и мучить свою душу.

V. Ποῦ νῦν βασιλεῦς ὁ φιλόχριστος; Ποῦ τὰ στρατόπεδα; Ποῦ τὰ ὅπλα, τὰ μηχανήματα, αἱ στρατηγικαὶ βουλαὶ τε καὶ παρασκευαί; Οὐ βαρβάρων ἄλλων ἔφοδος ἐφ' ἑαυτὴν ταῦτα πάντα μετέστησε τε καὶ μετέδωκε; Καὶ βασιλεῦς μὲν ὑπερορίους πότους καὶ μακροὺς ἀνατλά, συναπῆρε δὲ καὶ συνταλαιπωρεῖ τὸ στρατιωτικόν· ἡμᾶς δὲ ὁ κατ' ὀφθαλμὸς ὄλεθρος καὶ φόνος δαπανᾷ, τοῖς μὲν ἐπελθόν, τοῖς δὲ ἤδη ἐπερχόμενος. Τὸ δὲ Σκυθικὸν τοῦτο καὶ ὡμὸν ἔστος καὶ βάρβαρον ἐξ αὐτῶν τῶν τῆς πόλεως

юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобща. Онъ, какъ саранча на нивѣ, и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, или не знаю, чтò и сказать, явился въ странѣ нашей и стубилъ жителей ея. Ублажаю погибшихъ отъ вражіей варварской руки; ибо они, мертвые, не чувствуютъ бѣдствій, постигшихъ насъ неожиданно. Но если бы у нихъ было чувство; то и они вмѣстѣ со мною оплакали бы оставшихся въ живыхъ: какъ они

V. Гдѣ теперь царь Христілюбивый? Гдѣ военные станы? Гдѣ оружія, машины, военныя совѣты и приготовленія? Не другихъ ли варваровъ нашествіе передвинуло и привлекло къ себѣ все это? Государь давно трудится за границую, и съ нимъ бѣдствуетъ воинство его: а насъ губить явное истребленіе и убійство, однихъ уже постигшее, а другихъ постигающее. Этотъ Скиѣскій, жестокій и варварскій народъ, выскочивъ изъ-за самыхъ Прошлеевъ города ¹⁾, какъ дикій вепрь расположился около него. Кто же за насъ выйдетъ на брань? Кто выстроится противъ враговъ, когда никого у насъ нѣтъ, и мы отведу стѣнсны? Какіе плачевныя причѣты вы-

¹⁾ Прошлеев — загородныя ворота въ видѣ нашихъ триумфальныхъ.

ἔξερπύσαν Προφυλαίων, μονοῦ δίκην ἀγρίου τὰ περίε αὐτῆς κατενεμήσατο. Τίς οὖν ἡμῶν προπολεμήσει; Τίς ἀντιπαρατάσσεται τοῖς ἐχθροῖς; Πάντων ἡμεῖς ἔρημοι, πανταχόθεν ἐξηπορημένοι. Τίς ἐξισώσει τὸν Ἰσραήλ; Ποῖον ἐξισχύσει δάκρυον ἐπαρκέσαι πρὸς τὸ μέγεθος τῶν περιστοιχισμένων ἡμᾶς δυσχερῶν; Δεῦρο μοι τῶν προφητῶν συμπαδέστατε· συνῆρήθησαν τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐ τὴν παλαιὰν ἐκείνην ἔθνους ἐνός, ἐκ μᾶς ῥίξης δώδεκα στελέχους βλαστήσαντος, τὴν μητρόπολιν, ἀλλὰ συμπάσης τῆς οἰκουμένης, ὁπόσῃν ὁ χριστιανῶν λαμπρύνει θεσμός, τὴν χροῦν καὶ κάλλι καὶ μεγέθει καὶ λαμπρότητι, πολυπληθεῖα τε τῶν ἐνοικούντων καὶ πολυτελεῖα δεσπόζουσας, συνῆρήθησόν μοι ταύτην τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐκ ἀλοῦσαν ἤδη καὶ χαμαὶ πεσοῦσαν, ἀλλ' ἐγγύς κειμένην τοῦ ἀλάματος, καὶ τοῖς ὄρυγμαῖς κατασεισμένην. Συνῆρήθησαν τὴν βασιλῖδα τῶν πόλεων, οὐκ αἰχμάλωτον ἀγομένην, ἀλλὰ τῆς σωτηρίας ἐλπίδα ἡχμαλωτισμένην. Ζήτησον.

разять наши несчастія? Гдѣ взять намъ столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ? Приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ и оплачь со мною Іерусалимъ, не тотъ древній матероградъ одного народа, разросшагося отъ одного корня въ двѣнадцать племень, но градъ всей вселенной, какую только озяряетъ христіанская вѣра, градъ древній, прекрасный, обширный, блестящій, многонаселенный и роскошный; оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ гибели и разнатыгваемыи подкапывающими его. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣнъ, но у которой уже плѣнена надежда спасенія. Поищи воды для главы моей и слезныхъ источниковъ для очей моихъ, плачь со мною, и причитай надъ нею; «какъ на взрыдъ она рыдала «ночью, и слезы текли по ланитамъ ея, и «нѣтъ утѣшителя ей; какъ грѣхомъ согрѣшилъ Іерусалимъ, и за то поколебался, и «все хвалившіе крѣпость его поглумились «надъ нимъ; какъ Господь огонь послалъ въ «кости его, и ито свое отягчилъ на выѣн «шей, и въ руки наши вложилъ болѣзни, ко- «торыхъ мы не можемъ стерпѣть. Плачь со «мною; ибо изсыяли слезы въ очахъ моихъ,

«потряслась вся внутренность моя, и поворотилось сердце мое отъ горькой «горести. Извнѣ обезчадилъ меня мечъ, и врагъ разинулъ на меня пасть «свою, заскрежеталъ зубами и сказалъ: проглочу его¹⁾».

¹⁾ Плачь Іерем. 1, 2. 8. 13. 14. — 2, 11. 20. 16.

Ὁ πόλις βασιλῆς! ὄϊων καὶ πικρῶν περιέχονται ὄχλος καὶ τὰ σὰ τῆς κοιλίας ἔγγονα, καὶ ἂ πρὸ τοῦ ἄστεως λαμπρῶς ἐπέπολιστο, λαγόνας Σαλάσσης, καὶ πυρὸς καὶ μαχαίρας στόμα, βαρβαρικῶ νόμῳ διακληρωσάμενα, κατεστίουσι. Ὁ πολλῶν ἐλπίς ἀγαθῆ! Ὅση χαλεπῶν ἀπειλῆ καὶ δειμάτων πλήθος, περικλύσαν τὰ κύκλω, τὴν σὴν περιβόητον ἐταπείνωσεν δόξαν! Ὁ πόλις βασιλεύουσα μικρῶ συμπάσης τῆς οἰκουμένης! Οἷος σε στρατὸς ἀστρατήγητος καὶ δούλοις ἐνεσκευασμένος, ὡς δούλην ἐκμυκτηρίζει! Ὁ πόλις πολλῶν ἐθνῶν λαφύροις ἐκλαμπρυνεῖσθα! Οἷον λαφυραγωγεῖν σὲ διενήσατο ἔθνος! Ὁ πολλὰ στησαμένη κατὰ τῶν πολεμίων Ἑυρωπῆς τε καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης τρόπατα! Ὅπως νῦν ἐπὶ σὲ βαρβαρικῆ καὶ ταπεινῆ χεῖρ ἐξέτεινε δόρυ, τὸ κατὰ σοῦ κράτος ἐπαρθεῖσα τροπαιοφορήσαι! Ἐπὶ τοσοῦτον γὰρ κακώσεως πάντα σοὶ ἦκει, ὥστε καὶ τὴν ἀπροσμάχητόν σου ῥώμην εἰς τρύγα ἐλάσσαι βαδυστάτης ἀρβαστίας, καὶ τὸ ἀρβαστῆν καὶ τεταπεινωμένον τῶν ἀντιπάλων, ἀφιλόνητον ὄμμα, χειρὸς ἰσχύον ἐν σοὶ ἀποφανεῖν καὶ δόξης ἐνόματι πειρασθαι διακοσμηθῆναι.

ственная трюнеза! О жертвенникъ и алтарь неприступный и святыи! Какъ

О градъ-царь! Какія бѣды столпились во-
кругъ тебя! И твоихъ утробныхъ чадь, и твои
красивыя предметя до самой Крѣпости, и
пристани моря, распредѣленные жребіемъ по
обычаю варваровъ, поядаютъ мечъ и огонь.
О благая Надежда многихъ! Какая опустоши-
тельная гроза, и какое множество ужасовъ
собралось вокругъ тебя, и унизило твою гром-
кую славу! О градъ, царь едва не всей все-
ленной! Какое воинство ругается надъ тобою,
какъ надъ рабою! — необученное и набранное
изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычами
многихъ народовъ! Что за-народъ вздумалъ
взять тебя въ добычу? О градъ, воздвигшии
многіе побѣдныя памятники послѣ пораженія
ратей Европы, Азии и Ливіи! Какъ это устре-
мила на тебя копье рука варварская и чер-
ная, и поднялась, чтобы поставить памят-
никъ побѣды надъ тобою? Ибо все идетъ у
тебя такъ худо, что и неборимая сила твоя
умалилась, какъ у больного отчаянно, и сла-
бый и ничтожный непріятель смотреть на
тебя сурово, пытается на тебѣ крѣпость руки
своей, и хочетъ нажить себѣ славное имя. О
царица городовъ царствующихъ! Многихъ
союзниковъ ты избавляла отъ опасностей, и
многихъ преклонявшихъ колѣна защищала
оружіемъ: а теперь сама ты обречена на истребленіе, и лишена помощниковъ. О красо-
та и величїиіе досточтимыхъ храмовъ, ве-
личіе, изящество, и художественное убран-
ство! О оуміамъ, безкровная жертва и таин-

это угрожаетъ тебѣ оскверненіе вражьими поганми? О святость и вѣра совершенная и служеніе чистое! Какъ это разширяются на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ? О сѣдина іереевъ и помазаніе и святительство! О храмъ мой, святилище Божіе, Святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, дщери Іерусалима. Плачьте юноши города Іерусалима. Горюйте матери. Проплывайте слезы и дѣти, пропывайте; нбо тяжкія страданія и въ васъ возбуждаютъ сочувствіе. Плачьте о томъ, что умножились наши несчастія, и нѣтъ избавителя, нѣтъ помощника.

VI. Ἀλλὰ μέχρι τίνος ὁ Ἰσραήλ, μέχρι τίνος τὸ πένθος, μέχρι τίνος ὁ ὀλουγμός; Τίς εἰσακούσεται, καὶ πῶς ἢ θραύσις κοπάσει; Τίς ἐξήλασται; Τίς βοήσεται ὑπὲρ ἡμῶν; Εἰ τίς ἦν Μωσοῦς, εἶπεν ἄν πρὸς Κύριον· «ἐὰν αὐτοῖς ἀφῆς, ἄφες, εἰ δὲ μὴ, ἐξάλειψον κἀμὲ ἐκ τῆς βίβλου τῆς ζωῆς, ἧς ἐγραψας· καὶ πρὸς ἡμᾶς δὲ· «Κύριος πολυμησίει ὑπὲρ ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς σιγήσωμεν». Ἄλλ' οὐκ ἔστιν, ὅτι ἐκλελοίπεν ὅσιος ἀπὸ τῆς γῆς. Οὐκ ἔστι Μωσοῦς. Οὐκ ἔστι Ἀβραάμ, ὥστε διαίρει τὸ στόμα καὶ παρῆρσιάσασθαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ἔθρον· «μη συναπολέσης δίκαιον μετ' ἀσεβούς, καὶ ἔσται ὁ δίκαιος, ὡς ἀσεβής». Οὐκ ἔστιν, ὅστις ἐπέλθοι τὰς φιλανθρώπους ἐκείνας καὶ θαυμασίους τῶν λόγων ἐπαγωγάς, δι' ὧν ἐπὶ δέκα δίκαιους τὴν μυριάσθρονον πόλιν, ἕξω φύσεως φερομένην, ἐντὸς σωτηρίας ἤξιον γενέσθαι, καὶ πρὸς τούτων ὄλον ἀκῆσαι παρὰ ἔσου·

VI. Но доколѣ плачь? доколѣ рыданіе? доколѣ стонъ? Кто услышитъ, и какъ прекратится пораженіе? Кто умлостивитъ? Кто возопіетъ за насъ? Если бы нашелся Моисей; то онъ Господу сказалъ бы: «ежели прощаешь имъ, то прости, а не то, изгладь и меня изъ книги жизни, въ которую вписалъ ты меня»: а намъ примовилъ бы: «Господь ополчится за насъ, мы же умолчимъ». Но нѣтъ никого! Ибо не стало праведника на землѣ. Нѣтъ Моисея. Нѣтъ Авраама, который отверзъ бы уста, и съ дерзновеніемъ сказалъ бы Богу: «не погуби праведнаго съ нечестивымъ; иначе, праведный будетъ тоже, что и нечестивый». Нѣтъ никого, кому бы въ умъ пришли тѣ человѣколюбивыя и удивительныя предложенія постепенныя, по которымъ тмочисленный городъ, нарушившій законы естества, сподобился бы спасенія ради десяти праведниковъ, и кто бы услышалъ отъ Бога: «ежели въ семь городѣ найдутся десять, то не погублю его ради десяти». Нѣтъ Моисея. Нѣтъ Авраама. Но если вы хотите,—скажу странное, но истинное,—можете приобрести себѣ Моисея, можете найти Авраама.—

ὡς ἐάν εὐρεῖσθε ἄνθρωπον ἐν τῇ πόλει δεκά, οὐ μὴ ἀπολέσω ἐν κενῶν τῶν δεκά. «Οὐκ ἔστιν οὖν Μωυσῆς, οὐκ ἔστιν Ἀβραάμ. Ἀλλ' ἐάν ὑμεῖς βούλησθε, παραδέξον μὲν ἔρω, ἀληθῆς δὲ ὅμως, δύνασθε ὑμῖν ἐαυτοῖς Μωσέα παρασκευάσαι, δύνασθε Ἀβραάμ δεῖξαι. — Καὶ Μωυσῆς γὰρ ἀνεπιστρέφως ἔχοντος τοῦ λαοῦ, — δεινὸν εἰπὼν, δεινὸν, — εἰ πρεσβέυον παρηκούετο ἄλλ' ἐκεῖνο λίαν φοβερόν, ὡς πολλοὺς πολλὰκις, ὑπὲρ ὧν ἔπραττεν, ὑποχείριον διεχρήσατο. Καὶ Ἀβραάμ δὲ περὶ ὧν ἔδυσάπει καὶ ἐκέτευεν, τούτους ἑώρα τὸν βίον εἰς πυρὸς θαπάνην καταστρέφοντας: ὅτι παῖδων αὐτοῖς ἄκανθα τὸ γέωργιον ἦν. — Δύνασθε, ἐάν βούλησθε, ἵνα λέγῃ κακῆϊνος πρὸς ὑμᾶς: «Κύριος πολεμήσει ὑπὲρ ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς σιγήσωμεν». — Ποῦεῖτε μαθεῖν, ὅπως δέδοικα τὸν κλαυθμὸν ὑμῶν, ὅτι πρόσκαιρος: τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν, ὅτι πρὸς βραχὺ: τὴν σωφροσύνην, ὅτι ἐφήμερος: τὴν φιλαδελφίαν, ὅτι μέχρις ἂν τὸ δυσμενὲς τῶν κύκλω ἐχθρῶν, ἄτε δὴ κοινὸν ὑπάρχον κακὸν εἰς ὁμόνοιαν ὑμᾶς συνωθεῖ: τὸ ταπεινὸν καὶ μέτριον τῶν ἡδῶν, ὅτι μέχρις ἂν ἡ ἀχμαλῶσια ἐμπρόσθιος: τὸν τύπον πατουμένου καὶ τὸν θυμὸν χαλινούμενον, καὶ τὴν γλώτταν πνευματικῶν ἀσμάτων, ἀλλὰ μὴ ἀσ-

Однако и Моисей, когда народъ не обращался къ Богу, — страшное скажу, страшное, — и Моисей не былъ услышанъ, хотя и молился: а гораздо страшнѣе то, что онъ не рѣдко смертію казнилъ многихъ, за которыхъ предстательствовалъ. Да и Авраамъ, за кого просилъ и умолялъ, тѣхъ увидѣлъ въ огнѣ, гдѣ догорѣла ихъ жизнь. Ибо сѣяли они страсти и пожали тернія. — Можете, если хотите, чтобы и вамъ сказалъ Моисей: «Господь ополчится за насъ, мы же умолчимъ». — Однако пожалуйте — узнайте, что я сильно боюсь; чего же? того, что слезы у васъ случайны, милостыня временна, цѣломудріе только до завтра; того, что вы братолюбивы, пока сдружаетъ васъ страхъ отъ окружившихъ враговъ и общая бѣда, смиренны и благонаравны, пока плѣтъ впереди; того, что вы сдерживаете ярость, обуздываете гнѣвъ и поете духовныя пѣсни вмѣсто срамныхъ разговоровъ, пока въ ухахъ у васъ отзываются крики сущестатовъ, правите литіи и всеобщныя бѣднія, поститесь, воздыхаете, пока грозитъ вамъ смерть отъ меча. Вотъ что смущаетъ меня и тревожитъ болѣе, чѣмъ оружіе варваровъ! Вотъ чего я боюсь! Я вижу, что всѣмъ теперь легко дѣлать то, чего прежде не дѣлали и нѣкоторые, хотя бы кое-какъ. Меня страшитъ и печалитъ то, что когда бываетъ пораженіе, тогда и мы остепеняемся, когда приходитея намъ туго, тогда и мы принимаемся за добрыя дѣла. Посему плѣтъ теперь и Моисей, плѣтъ и Авраама. Но если бы вы,

χρῶν ρημάτων, δεικνυμένην ὄργανον, ὅτι μέχρις ἂν τῶν πολέμων οἱ ἀλλαγμοὶ τοῖς ὧσιν ὑμῶν προσαρασσοῦσι· τὰς λιτὰς καὶ τὰς παννουχεῖς στάσεις καὶ τὴν νηστείαν, καὶ τοὺς στεναγμοὺς, ὅτι μέχρις ἂν ὁ διὰ ξίφους θάνατος. Ταῦτα μὲ ταράττει καὶ θορυβεῖ πολὺ τῶν ὄπλων πλέον τῶν βαρβαρικῶν. Ταῦτα δέδοικα! Ράδιως νυνὶ καὶ παρὰ πάντων ἅμα ἑρῶ συντελούμενα, ὃ τι πρότερον οὐδ' ἐνίοις τισιν, οὐδὲ χωρὶς καὶ μόλις ἐπράττετο. κ. τ. λ.

по минованіи обдержаннаго насъ бѣдствія, сохранили настоящее благоправіе, порядокъ и степенность; то нашли бы многихъ Моисеевъ и Авраамовъ, которые ополчились бы за васъ, и ходатайствовали бы предъ Богомъ; и что я говорю, — Моисеевъ и Авраамовъ? вы имѣли бы своимъ поборникомъ и защитникомъ самого, общаго имъ и намъ, владыку, наводящаго враговъ за грѣхи наши и поражающаго силу ихъ, наказывающаго и милующаго, гнѣвающагося и умиловляющагося. Ибо велика милость Господа Бога нашего ко всѣмъ обращающимся къ нему праведно. Итакъ, — говорю устами Іереміи, — исправь-

те пути ваши и дѣла ваши, и послушайте гласа Господня: и прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ ¹⁾). Но вы не хотите. . .

VII. Не вопійте и не шумите. Гораздо лучше молиться спокойно, чѣмъ вопіять, не страдавши, или бояться страданій, кои неизбежны для всѣхъ, живущихъ незаконно, послѣ того какъ обильными потоками текли къ намъ житейскія блага, или пытаться бѣжать отъ множества бѣдъ, когда отъ нихъ уже нельзя нигдѣ укрыться.

Но остановите ваши слезы. Перестаньте плакать. Будьте мужественны. Съ дерзновеніемъ говорю я, споручникъ вашего спасенія, полагаясь на ваше честное слово, а не на дѣла мои, на ваши обѣщанія, а не на слова мои, говорю: поручимся другъ другу, я за ваше спасеніе, а вы за то, что нѣтъ опасенія касательно договоровъ нашихъ, я за отвращеніе бѣдствій, а вы за обращеніе къ Богу, я за удаленіе враговъ, а вы за отдаленіе отъ страстей. Но не только за это ручаюсь я, но и за себя и за васъ. А если вы безъ всякихъ извиненій исполните сіи договоры наши; то васъ самихъ представляю споручниками, васъ самихъ объявляю ходатаями. Господь же челоуѣколюбивый и переставшій думать о злости чело-

¹⁾ Іерем. 33, 13.

вѣковъ скажетъ вамъ: «вотъ я изглажду, какъ облако, беззаконія твои, и какъ мглу, грѣхи твои. Обратись ко мнѣ, и избавлю тебя»¹⁾. Еще: «обратитесь ко мнѣ, и я обращусь къ вамъ». Еще: «скажу народу и царству конецъ изытія и погубленія его». Еще: «если отвратится народъ сей отъ грѣховъ своихъ, то и я перестану думать о всякомъ злѣ, какое помышлялъ сдѣлать имъ»²⁾).

VIII. Наконецъ, возлюбленные, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ ней — единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатаицею предъ Сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и споручицею обѣтовъ нашихъ. Пусть она возноситъ прошенія наши, и одождитъ на насъ чловѣколюбіе Рожденнаго изъ нея, и разженеть тучу враговъ, и прольетъ намъ лучи спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гнѣва, и отъ будущаго нескончаемаго осужденія, во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, которому подобаеть слава и благодареніе и поклоненіе со Отцемъ и святымъ Духомъ, нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТОГО ЖЕ СВЯТЫЙШАГО ФОТІЯ АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА ГРАДА, НОВАГО РИМА,

ВТОРАЯ БЕСѢДА

ПО СЛУЧАЮ НАПЕШТВІЯ РОССОВЪ.

Ι. Οἶδα μὲν, ὡς ἅπαντες συνεπίστασθε, ὅσοι τε δαινοὶ συνιδεῖν, ἀποστροφὴν πρὸς ἀνθρώπους θεοῦ, ὅσοι τε ἀμαρτέ-

Ι. Знаю, какъ всѣ вы понимаете угрозу Бога чловѣкамъ, и тѣ, которые слишкомъ умничаютъ, и тѣ, которые какъ-то невѣжественно полагаются на судьбы Господни, и однако

¹⁾ Исаиѣ 44, 22. — ²⁾ Иерем. 18, 7.

στερον πῶς περὶ τὰ τοῦ Κυρίου διάκεισθε κρίματα· πάντας δ' οὖν ἕως συνέναι καὶ κατανοῆσαι λογίζομαι τὴν ἐπενεχθεῖσαν ἡμῖν ἀπειλήν καὶ τὴν τοῦ ἔθνους ἀπορῶν ἐπιδρομὴν οὐκ ἄλλοθεν ποθεῖν, ἢ ἐξ ὀργῆς καὶ θυμοῦ παντοκράτορος κυρίου ἡμῶν ἐπιπολάσαι. Ἀγαθὸν μὲν γάρ τὸ θεῖον καὶ θυμοῦ κρείττον καὶ παντὸς πάθους, ἅτε δὴ πάσης ὑλαίας διαδέσεως ἀνυπερβλήτω λόγῳ τὴν ὑπόβασιν κληρωσαμένης τὴν φύσιν ἔχον ὑπεράνω κεκμηνην· ὀργίζεσθαι δὲ καὶ θυμοῦσθαι λέγουσι ἂν ἐκώσως, ἐπειδὴν τί τῶν πεπραγμένων, θυμοῦ καὶ ὀργῆς κριθῆναι ἄξιον, τὴν προσήκουσαν ἐκεῖθεν δίχην τοῖς δεδρακόσι ἐπισπάσθηται. Κατ' οὖν τρόπον καὶ νῦν ἡμῖν ἐπισφρήσασα κατεβράβη συμφορὰ, κατὰ πρόσωπον ἡμῶν παριστάσα τῶν ἡμαρτημένων τὸν ἔλεγχον. Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ ταῖς ἄλλαις τῶν βαρβάρων καταδρομαῖς προσέοικεν, ἀλλὰ τὸ τῆς ἐφόδου παράλογον καὶ τοῦ τάχους τὸ παράδοξον, τοῦ τε βαρβάρου φύλου τὸ ἀπάνθρωπον, καὶ τῶν τρόπων τὸ ἀπότημον, καὶ τῆς γνώμης τὸ ἀνήμερον, οὐρανόθεν τὴν πληγὴν ὡς σκηπτὸν μηνυεῖ ἐπαφειθῆναι. Οὐχ ὅτι δὲ πάντες τοῦτο συνεπίσασθε, καὶ ταῖς ὑμῶν καρδίαις ἦ τε τοῦ πάθους ὀξύ-

думаю, что всё вы поняли и почувствовали, что отяготѣвшая надъ нами гроза и страшное нашествіе онаго народа были послѣдствія гнѣва и ярости Господа вседержителя. Конечно, Богъ благъ, безгнѣвенъ и безстрастенъ, потому что въ существѣ Его нѣтъ никакого движенія вещества, получившаго бытіе непостижимымъ образомъ: но гнѣвъ и ярость приписывается ему примѣрно, когда какія либо дѣла, достойныя гнѣва и угрозы, сами повлекли за собою наказаніе приличное совершителямъ ихъ. Такъ точно и теперь разразилась у насъ внезапная бѣда, какъ явное обличеніе насъ въ грѣхахъ нашихъ. Она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ: напротивъ, и нечаянность нашествия и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа и жестокость его дѣйствій, и свирѣпость нрава, доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было ниспослано съ неба. Итакъ не молчать ли мнѣ потому только, что всё вы сознаете это, и потому что острая боль въ сердцахъ вашихъ, въ жаркое время, дала вамъ почувствовать всю виновность вашу въ злополучіи? Напротивъ, цеслику и вы сами вмѣстѣ со мною признаете оное наказаніе, поэтому я буду говорить и обличать васъ гораздо сильнѣе и справедливѣе, представляя и изображая вамъ тѣ бѣдствія, изъ коихъ мы сами грѣхами своими сдѣлали себѣ сцену и составили Драму, жизнію своею под-

της και η του καιρου ακμη των συνενχεθέντων το αίτιον ενεχάραξε, διά τουτο σηγήσομαι, άλλ ότι και ύμάς των έιρημένων λωβών έχω συνίστορας, διά τουτο μάλλον σύν έλέγχω δικαίω τους λόγους ποιήσομαι, έκείνα ύμιν έκτραγωδών και ύποκρινόμενος, άν άντοι την σκηνην τοις οικείοις επηξάμεσα παραπτώμασι, και το δράμα συνεπεσευασάμεσα, πασιών πολυμόρφων θεατρον την ημών πολιτείαν στησάμενοι.

II. Όργη γάρ θεου διά τας ημών άμαρτίας έπέρχεται, και της άπειλης ύλη των άμαρτανόντων αι πράξεις τυγχάνουσι, και της τιμωρίας η είσπραξις των όλιγοημάτων τό άνεπίστροφον. Όσο δέ ξένη και δεινή και άτοπος του καταβραχέντος έζνουσ η έφοδος, τοσουτο των πλημμεληθέντων η ύπερβολη διελέγχεται. Όσον δέ παλιν άφανές, άσημον, και μηδέ μέχρη της κασι ήμάς επελέυσεως γνωσκόμενον, τοσουτον ημιν ό της ασχύνης όγκος επιγράφεται, και του όνειδισμου έ βριαμβος αίρεται, και πικροτέραν αι μάστιγας την όδύνην έναπότιθενται. Η γάρ τοι των άσθενεστέρων τε και παρεωραμένων κατά των έπιφανεία λαμπруνομένων και ισχύν άμάχων επικράτεια άνυπέρβλητον παριστησι την πληγήν, άπαραμύστητον εισάγει την συμφοράν, άνε-

готовивъ зрѣлище многообразныхъ страданій.

II. По истинѣ, гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи наши; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ; безъ наказанія не обходится нераскаянность въ преступленіяхъ. А чѣмъ страннѣе, ужаснѣе и безпримѣрнѣе наше ствіе нахлынувшего народа: тѣмъ болѣе обличается чрезмѣрность грѣховъ. Съ другой стороны, чѣмъ не именитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать; тѣмъ болѣе стѣдъ намъ приписывается, и выше ставится памятникъ безславія, и пуще чувствуется боль отъ бичей. Ибо когда слабѣйшіе и презираемые одолеваютъ блестящихъ по виду и необоримыхъ по силѣ, тогда пораженіе бываетъ нестерпимо, несчастіе безгубѣшно, память о ъдствіяхъ остается неизгладима. Такъ, мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, стублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ. Ибо тѣ, которыхъ усмирjala самая

ἔαλειπτον συνέχει τῶν δυστυχημάτων τὴν μνήμην. Οὕτως αἰ νόμοις ἡμῶν ἐμαστὶχθῆμεν, καὶ τοῖς παραπτώμασιν ἐταπεινώθημεν, καὶ τοῖς κακοῖς ἐκαρῶθημεν, μυκτηρισμὸς καὶ χλευασμὸς τῆς κύκλω γενόμενοι. Οἷς γὰρ οὐδὲ Ῥωμαίων φήμη μόνη φορητὴ ποτε κατεφαίνετο, οὗτοι κατ' αὐτῆς αὐτῶν τῆς ἐξουσίας ὅπλα ἦσαν, καὶ τὰς χεῖρας ἀνεκρότησαν ἐν ἐλπίδι τοῦ λαβεῖν τὴν βασιλίδα πόλιν, ὡς νοσσιᾶν, φρουραζάμενοι. Τὰ τε γὰρ περὶ αὐτῆς ἐληΐσαντο, καὶ τὰ πρὸ τοῦ Ἰσθεως ἐλυμήναντο, καὶ τοὺς συλληφθέντας ὁμῶς ἀπεχρήσαντο, καὶ σὺν ἀδείᾳ πάσῃ ταύτην περιεχύθησαν· ἐπὶ τοσοῦτον ὑπὸ τῆς ἡμετέρας δυσπραγίας ἐπαρθέντες καὶ ὑψωθέντες, ὅστε μὴδ' ὀρθοῦς εἰς αὐτοὺς καὶ ἀπτοήτους ἐνατενίζειν τὸς ὀφθαλμοὺς τοὺς ἐνοικοῦντας δύνασθαι· ἀλλ' ἐξ ὧν εἰκὸς ἦν μᾶλλον αὐτοὺς ἀνδρικώτερον τοῖς πολεμίοις συμπλέεσθαι, τοῦτοις ἐξενευροῦντο καὶ κατέπιπτον. Τὴν γὰρ εἰς τοὺς ὁμοφύλους τῶν βαρβάρων μαιφονίαν δέον δικαίαν ποιεῖσθαι ὀργήν, καὶ μετ' ἐυλόγων ἐλπίδων τὴν ἴσῃ τιμωρίαν ἐπάγεσθαι ἀπαιτεῖν. Οἱ δὲ κατεπτηχότες καὶ ἐκπε-

молва о Ромеяхъ¹⁾, тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ, и ударили въ ладоши, борясь и надѣясь взять Царыградъ, какъ птичье гнѣздо, разорили окрестности его, истребили все до самой Крѣпости его, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ, и смѣло обружили городъ, сдѣлавшись отважными по причинѣ нашего бездѣйствія, такъ что мы не смѣли и посмотреть на нихъ прямо и неробко, напротивъ разслабѣли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего имъ повально было воевать мужественно. Ибо эти варвары справедливо развирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію. А наши отъ страха, отъ пораженія, разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна, и воображеніемъ придумывать: кто бы долженъ отмстить за несчастныхъ. Ибо когда нечаянный ужасъ внезапно проникъ въ изгибы сердца и произвелъ въ немъ жестокую боль; тогда изъ предсердія, какъ изъ источника, трусость дрожью пробѣжала по всему тѣлу, и обезсилила даже и тѣхъ, которымъ предоставлено судить о войнѣ. Такимъ образомъ мы стали игралищемъ варварскаго народа, и угрозу его сдѣлали неотвратимою, совѣтъ непостыднымъ, нападеніе не отражимымъ. Ибо гдѣ гнѣвъ Бога, тамъ и пожива; и когда онъ отвращается, тогда переворотъ бываетъ и отъ малости: а

¹⁾ Жителяхъ Константинополя, который назывался ΝΕΑ ΡΩΜΗ, новый Римъ.

πληγμένοι παρελέλυτο, τὰ πά-
 ρα τῶν ἐαλοκότεων ὀκείαν ἄλω-
 σιν οἱ σεσωσμένοι, καὶ παρ' ὧν
 ἐκεδίχησι τοῖς ἡτυχησίοι ὠφεί-
 λετο, φανταζόμενοι. Ἐφ' ἧπαξ
 γὰρ τοῦ αἰφνιδίου δείματος τοῖς
 τῆς καρδίας κόλποις ἐναποσ-
 κήψαντος, καὶ εἰς τραῦμα τὸ
 πάθος κοιλάναντος, ὅσπερ ἀπὸ
 πηγῆς τινός καὶ ἀρχῆς τοῦ πε-
 ρικαρδίου μώλωπος τὸ τῆς δει-
 λίας ρεῦμα καὶ εἰς ὄλον τὸ σῶ-
 μα μετοχετεύετο, καὶ παρεί-
 μενα πάντας φέροντας τὰ μέ-
 λητούς, ἐφ' οἷς ἡ τοῦ πολέμου
 κρίσις ἀνέκειτο, διεδείκνυεν.
 Οὕτω δὲ τοῦ βαρβάρου φύλου
 γεγενήμεθα παίγνιον, καὶ τὴν
 ἀπειλὴν αὐτοῦ ἀνυπόστατον
 ἠγησάμεθα, καὶ τὴν βουλήν
 ἀκαταίσχυντον καὶ τὴν προσ-
 βολὴν ἀπροσμάχητον. Ἐνθα
 γὰρ ὀργὴ Θεοῦ, ἐκεῖ καὶ τὸ τυ-
 χόν· καὶ ἦνίκα αὐτὸς ἀποστρέ-
 φεται, ἐκ τοῦ ράστε καὶ τὸ
 καταστραφῆναι παρισσύνεται,
 καὶ οὐς αὐτὸς μαστίζεσθαι
 παραδίδωσι, τὸ λαφυραγωγεῖν
 κατὰ χεῖρας τοῖς ἐπιχειροῦσι
 παραγίνεται. «Καὶ εἰ μὴ Κύ-
 ριος φυλάσσει πόλιν, εἰς μάτην
 ἀγρυπνοῦσι οἱ φυλάσσοντες».

III. Ἐνός ἀφανές, ἔνως
 ἀναρίθμην, ἔνως ἐν ἀνδραπό-
 δοις ταπτόμενον, ἀγνωστον μὲν,
 ἀλλ' ἀπὸ τῆς κατ' ἡμᾶς στρα-
 τεῖας ὄνομα λαβόν, καὶ ἄσσημον
 μὲν, ἀλλ' ἐπίσημον γεγονός,

кого кому онъ отдаетъ для наказанія, тому
 отъ того бываетъ и добыча въ руки. «Если
 не Господь сохранитъ городъ, то напрасно
 трудятся стерегущіе его. (Псал. 126, 1).

III. Народъ ничѣмъ не заявившій себя,
 народъ непочетный, народъ считаемый на-
 равнѣ съ рабами, не именитый, но приоб-
 рѣтшій славу со времени похода къ намъ,
 незначительный, но получившій значеніе,

ταπεινὸν καὶ ἠπορημένον, ἀλλ' εἰς ὕψωμα λαμπρὸν καὶ πλοῦτον ἀπλητον ἀναβεβηκὸς, ἔθνος πόρρω που τῆς ἡμῶν ἀπωκισμένον, βαρβαρικόν, νομαδικόν, τὸ Ἰράσος ἔχον εἰς ὄπλα, ἀφύλακτον, ἀνεξέλεγκτον, ἀστρατήγητον, οὕτως ἀτρόως, οὕτως ἐν ῥοπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς κύμα θαλάσσης, ἐξεχύθη τοῖς ὄροις ἡμῶν, καὶ ὡς μονὸς ἄγριος χόρτον, ἢ κάλαμον, ἢ λήϊον, κατενεμήσατο τοὺς ἐνοικοῦντας ἐν τῇ γῆ, — ὃ τῆς συμπεσοῦσης ἡμῖν Ἰηράτου ποινῆς! — μὴ φειδόμενον ἀπ' ἀνδρόπου ἕως κτηνούς, οὐ τῆλεως ἀσθένειαν ἐυλαβοῦμενον, οὐ νηπίαν ἀπαλόττητα δυσωποῦμενον, οὐ πρεσβυτέρων πολιὰν καταιδούμενον, ὑπ' οὐδενός, τῶν ὄσαν δυσωπεῖν εἶωθεν ἀνδρώπους, κἄν εἰς Ἰηρίων ἐκδράμοι φύσιν, μαλασσόμενον, ἀλλ' ἰδίᾳ πάσαν ἡλικίαν καὶ φύσιν τὸ ἕϊφος ὠθεῖν Ἰρασυνόμενον. Ἦν ἰδεῖν παρ' αὐτῶν νηπία μαστῶν καὶ γάλακτος ἅμα καὶ ζωῆς αὐτῆς ἀποσπώμενα, καὶ τάφον αὐτοῖς αὐτοσχέδιον, ὅμοιοι, τὰς πέτρας, αἷς προσηράσσοντα, μητέρας οἰκτρῶς, ὀλολυζούσας καὶ ἐπιφαττομένας ἔτι, σπαρασσομένας τε καὶ ψυχρῶραγούσας ἐπὶ τοῖς βρέφεισι. Ἄκρομα ἐλεεινὸν, καὶ ἕαμα ἐλεεινότερον, καὶ πολὺ κρεῖττον σιγᾶσθαι, ἢ λέγεσθαι, καὶ

смиранный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несметное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевый, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи (внутренней), неукоризненный, безъ военного искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши, и какъ дикій вепрь истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву, или тростникъ, или посѣвъ, — и какое наказаніе свыше! — не пада ни челоуѣка, ни скота, не жалѣя женскаго безсилья, не милуя нѣжныхъ младенцовъ, не уважая сѣдины старцовъ, не смягчаясь вошлями, кои укрощаютъ и звѣрей, но буйно сражая мечемъ всякій возрастъ и полъ раздѣльно. Чего не видѣли мы? Младенцы лишались сосцовъ, молока и самой жизни, и нерукотворенными гробами имъ служили, увы! тѣ камни, о которые они были разможжаемы. А матери ихъ жалостно рыдали, и зарѣзываемыя, или разрываемыя, въ истомѣ умирали подлѣ малютокъ своихъ. Жалко слушать это, болѣе жалко видѣть. О такомъ зрѣлищѣ лучше молчать, нежели говорить. Не знаешь, на кого тутъ смотрѣть, на губителей, или на страдальцовъ. Лютость губила не однихъ людей, но и безсловесныхъ животныхъ, воловъ, коней, курицъ, и другихъ, какіе только попадались варварамъ. Лежалъ мертвый волъ и подлѣ него мушца. У коня и юноши одно было мертвенное ложе. Кровь женщины сливалась съ

τῶν δεδρακότων μάλλον, ἢ τῶν πεπονθέντων ἄξιον. Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ μέχρι τῆς ἀνθρώπινης φύσεως ἢ ἀγρίότητος προέβαιεν, ἀλλὰ διὰ πάντων ἀλόγων ζῶων, βοῶν καὶ ἵππων καὶ ὀρνίθων, καὶ τῶν ἄλλων, οἷς ἀνέπιπτον, ἢ ὁμοίτης διήλαυεν. Ἐκείτο βοῦς καὶ παρ' αὐτῷ ἄνθρωπος, καὶ παῖς καὶ ἵππος τάφον εἶχον ὁμόσκηνον, καὶ γυναῖκες καὶ ὄρνιθες τοῖς ἀλλήλων συνεφύροντο αἵμασι. Μετὰ δὲ νεκρῶν σωμάτων ἐτύγγανεν ἅπαντα. Ποταμοὶς τὸ ρεῖθρον εἰς αἶμα μετεσκευάζετο. Κρήνας καὶ δεξαμενάς, τὰς μὲν οὐκ ἦν ἐτι διακρίνειν, ἐξομαλοῦντων τῶν κοιλωμάτων τοῖς πτώμασι, ταῖς δὲ παντελῶς ἀμυδρὰ τοῦ πρωτέρου σχήματος ἵχνη ἐφαίνετο, τῶν παρακειμένων αὐτοῖς ἀναπληρούντων τὰ λείποντα. Τὰς ἀρούρας νεκρὰ κατέστηπε σώματα, τὰς ὁδοὺς ἐστενοχῶρει. Τὰ ἄλλα τούτοις μάλλον, ἢ τοῖς θάμνοις καὶ ταῖς ἐρημίαις ἐξηριουτο καὶ ἐξηγρίωτο. Τὰ σπήλαια ἐπεπλήρωτο. Ὅρη καὶ λόφοι καὶ χαράδραι καὶ φάραγες οὐδὲν ἐν ταῖς πόλεσι πολυανδρίων διέφερον. Οὕτω τοῦ πάθους ἢ θράους ἐξήπλωτο, καὶ ὁ τοῦ πολέμου λοιμὸς, τοῖς τῶν ἀμαρτημάτων πτεροῖς ἐποχούμενος, πανταχοῦ περίπτατο, τὸ προστυχὸν λυμαινόμενος.

IV. Οὐδεὶς ἀν δύνατο τὴν

κροῖον κυριῶν. А что дѣлалось надъ мертвыми тѣлами? и то, и то! Рѣчныя струи превращались въ кровь. Нѣкоторыхъ колодезей и водоемовъ нельзя было распознать, потому что они черезъ верхъ наполнены были тѣлами, а другіе едва замѣтны были, и то потому, что трупы бросаемы были въ ближайшія къ нимъ водохранилища. Мертвыя тѣла загноили нивы и завалили дороги. Роѣи сдѣлались непроходимы болѣе отъ труповъ, чѣмъ отъ поросковъ и чащи. Пещеры наполнены были мертвецами. Горы и холмы, лоцины и долины ничѣмъ не отличались отъ городскихъ кладбищъ. Такъ велико было пораженіе! Въ добавокъ губительная язва отъ войны, носимая на крыльяхъ грѣховъ нашихъ, перелетала съ мѣста на мѣсто, заражая, что падется.

IV. Никто не могъ бы тогдашняго злопо-

ἐπιστάσαν ἡμῖν τότε τῶν κακῶν Ἰλιάδα ἐφικέσθαι τῷ λόγῳ. Καὶ τίς τὰυτα συνοραῶν, οὐ τὴν τρυγίαν τοῦ πότρηιου, ἦν ὁ θυμὸς ἐκέρασε Κυρίου ταῖς ὑμῶν ὑπερφυεῖσι πλημμελήμασι, οὐκ ἐφ' ἡμᾶς ἐκχυθῆναι ἀνομολογήσεις; Τίς ταῦτα μελετῶν καὶ συλλογιζόμενος, οὐ πενθῶν καὶ σκυθροπάζων ὄλου τοῦ βίου καὶ πρὸς δυσμάς αὐτὰς ἀφικόμενος πορεύεοιτο; Ὡπως ἅπαντα τότε συνεκέχυτο, καὶ πῶς ἡ πόλις μικροῦ δέον φάναι δορυάλωτος ἐγεγένητο! Ἐν ᾧ γὰρ βράδιον μὲν τὸ ἀλῶναι, ἄπορον δὲ τοῖς ἐνοικοῦσι τὸ ὑπερασπίσαι, ἐν ἐξουσία δηλονότι τῶν ἀντιπάλων τὸ παθεῖν ταύτην, ἢ μὴ παθεῖν ἔκειτο. Ἐν ᾧ δὲ ἡ τῆς πόλεως σωτηρία τοῖς τῶν πολεμίων ἤρτητο δακτύλοις, καὶ τῇ τούτων εὐμενείᾳ ἢ ταύτης διεμετρεῖτο στάσις, παραβραχὺ, φημι, διαφέρειν, μᾶλλον δὲ πολὺ χαλεπώτερον εἶναι τὸ μήπω πεσεῖν τὴν πόλιν τοῦ πάλαι πεσεῖν. Τὸ μὲν γὰρ ἴσως τῷ τάχει τοῦ πάθους ἀδελον ἂν παρεῖχε τῆς μὴ παραυτίκα ἀλώσεως τὴν αἰτίαν· τὸ δὲ τῷ μήκει τοῦ χρόνου, καὶ τὴν τῶν ἀντιπάλων ἐπαίρειν ἀφιλανθρωπίαν, ὡς τῆς ἐκείνων οὐπω συγκατενεχθείσης εὐσπλαγχνίας, καὶ τὸ πάθει συνάπτον τὴν ἀπὸ τῆς συμπαθείας ἀδο-

лучія нашего описать стихами Илиады. И кто, видя все это, не сознался бы, что на насъ изъ чаши вылились самыя подонки, приготовленные гнѣвомъ Господнимъ для нашихъ грѣховъ неестественныхъ? Кто, припоминая и обсуживая все это, не скорбѣлъ и не горевалъ бы во всю жизнь, приближаясь даже къ могилѣ? Какъ все тогда смѣшалось, и какъ городъ едва не былъ поднятъ на копьѣ! Когда легко было взять его, а трудно защитить, тогда по крайнѣй мѣрѣ отъ воли непріятелей зависѣло, — пострадать ему, или не пострадать: когда же спасеніе его зависѣло уже отъ расчетовъ ихъ по пальцамъ и сохраненіе его — отъ ихъ великодушія, тогда не много было разницы, лучше сказать, было гораздо лучше сдаться городу скорѣе, чѣмъ не сдаваться долго. Ибо въ первомъ случаѣ могло быть непродолжительно страданіе; да и неизвѣстно, случилось ли бы то, что бываетъ послѣ долгой осады; во второмъ случаѣ, при продолжительности ея, съ одной стороны раздраженіе жестокости непріятелей, еще не почувствовавшихъ жалости, съ другой, присоединеніе къ страданіямъ безславія отъ состраданія ихъ, слишкомъ усиливаютъ болѣзненное чувство плѣна.

ξίαν, ἀλγεινότεραν ποιεῖται τὴν συναίσθησιν τῆς ἀχμαλωσίας.

V. Ἄρα μέμνησθε τοῦ κλύου, καὶ τῶν δακρύων καὶ τῶν ὀλοχυγμῶν, εἰς ἃ τότε ἡ πόλις πᾶσα σὺν ἀπογνώσει τελευταία κατεφέρετο; Ἰστε τὴν νύκτα ἐκεῖνην τὴν ζωφόδην καὶ φοβεράν, ὅτε συμπάντων ἡμῶν ὁ τοῦ βίου κύκλος τῷ τοῦ ἡλίου κύκλῳ συγκατεδέυετο, καὶ τὸ τῆς ζωῆς ἡμῶν φέγγος εἰς τὸ βαθὺ τοῦ θανάτου σκότος ἐβυθίζετο; Ἰστε τὴν ὥραν ἐκεῖνην τὴν ἀφόρητον καὶ πικράν, ὅτε κατέπλεον ὑμῖν αἱ βαρβαρικά νῆες, ὁμῶν τι καὶ ἄγριον καὶ φοινικὸν ἀποπνεύουσαι; ὅτε ἡ θάλασσα γαληνῶσα καὶ ἀτρεμίζουσα τὰ νῶτα ἐξήπλωτο, αὐτοῖς μὲν τὸ πλοῦν ἡδὺ καὶ κατασύμιον παρεχόμενῃ, τὰ δὲ τοῦ πολέμου κύματα κατ' ἡμῶν ἐπεκύμαιεν ἀγριαίνουσα; ὅτε τὴν πόλιν παρεπορεύοντο, καὶ ἀνατέινοντες τὰ ἔπιφ' ἡπείλουν κατὰ τῆς πόλεως; ὅτε πᾶσα μὲν ἐλπὶς ἀνθρώπινῃ ἐξ ἀνθρώπων ἐρῆυει, τῇ δὲ πρὸς τὸ θεῖον μόνῃ καταφυγῇ ἡ πόλις ἠσάλευεν; ὅτε σεισμὸς καὶ γνόφος κατεῖχε τοὺς λογισμοὺς, καὶ τὰ ὦτα πρὸς οὐδὲν ἠνέγκτο ἕτερον, ἢ ὡς οἱ βάρβαροι τειχῶν εἰσῆλασαν ἐντός, καὶ τοῖς ἐχθροῖς ἡ πόλις κεχεῖρωται; Τὸ γὰρ τοῦ συνεχθέντος

V. Помните тотъ трепеть, тѣ слезы и рыданія, кои тогда были во всемъ городѣ, влвшемъ въ крайнее отчаяніе? Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догараала съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія нашего поглощалась глубокимъ мракомъ смерти? Помните тотъ часъ несносный и горькій, когда въ виду нашемъ плыли варварскіе корабли, навѣшавшіе что-то свирѣпое и дикое и убійственное? когда это море, утихнувъ, трепетно разстиало хребеть свой, содѣлывая плаваніе ихъ приятнымъ и тихимъ, а на насъ воздымало шумяція волны брани? когда они проходили предъ городомъ, и угрожали ему, простерши свои мечи? когда вся человѣческая надежда убыла изъ человѣковъ, и единственное убѣжище оставалось только у Бога? Когда мракъ объялъ трепетные умы и слухъ отверзался лишь для одной вѣсти: «варвары уже перелѣзли черезъ стѣны; городъ уже взятъ непріятелями». Ибо неожиданность бѣдствія и нечаянность нашествія заставила вѣхъ воображать и слышать только это одно. Такая слабость, обыкновенно, появляется въ людяхъ и въ другихъ случаяхъ. Ибо чего они слишкомъ боятся по мнительности своей, тѣ почитаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ: а чего даже и не подозрѣвали, тѣ хотя и висятъ надъ головами, но имъ ка-

ἀπροσδόκητον, καὶ τῆς ἐφόδου
τὸ ἀνέλπιστον τοιαῦτα φαντά-
ζεσθαι καὶ ἀκούειν ἀνέπεισεν
ἅπαντας· εἰωθὸς μάλιστα τὸ
πάσῃμα τοῦτο τοῖς ἀνθρώποις
καὶ ἄλλως ἐπιφοιτᾶν· ὁ μὲν
γὰρ ἐκτόπως δεδίασιν ἀκρίτω
δόξῃ, καὶ μὴ παρὸν, ἐστάναι
νομίζουσι· οὐ δ' ὑπόνοιαν οὐ
προελαβόν, ἀυτεξουσίῃ γνώμη,
καὶ φθάσαντος, πόρρω πέμ-
πουσι. Ἦν ὄντως τότε πένθος
καὶ θρήνος καὶ οὐαί. Τότε κ.
τ. λ.

ἽΟιδε γὰρ ὶδιδε κοινὴ συμφο-
ρὰ καὶ προσδοκωμένη μετανά-
στασις ἐπιγνώμονας τῶν ἐλατ-
τομάτων ποιεῖν, καὶ ἐαυτῶν
γίνεσθαι, καὶ βελτίους ταῖς
πράξεσι ἀπεργάζεσθαι.

жется, что до того еще далеко. Поистинѣ,
тогда былъ плачь и вопль и увы! Тогда
каждый дѣлался неумолимымъ судією грѣ-
ховъ своихъ, не упрекая обвинителей въ на-
праслинѣ, дабы отклонить обвиненіе, не тре-
буя постороннихъ уликъ и не извертываясь
приглашеніемъ свидѣтелей для своего оправ-
данія; тогда каждый, видя гнѣвъ Господа,
сознавалъ свою виновность, и за безумное
житіе не по заповѣдямъ считалъ себя до-
стойнымъ наказанія, а вразумленный скорб-
нымъ опытомъ ближнихъ уклонялся отъ чув-
ственныхъ наслажденій, перемѣнялся, уцѣ-
ломудривался, исповѣдовался Господу воз-
дыханіями и слезами и возносилъ къ нему
мольбы и прошенія свои. Ибо умѣло общее
несчастіе и ожидаемое переселеніе, умѣло
оно заставить насъ раскаяться въ грѣхахъ,

образумиться, и приняться за добрыя дѣла.

VI. Когда же мы перемѣнились, когда совѣтъ свою поставили неподкупнымъ судією грѣховъ своихъ и, ослабленную, признали ее побѣдительницею, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ, когда умоляли Бога лиціями и пѣснопѣніями, когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе, когда во всю ночь, поднявъ руки къ Богу, просили у него помилованія, возложивъ на него все надежды свои; тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отмѣны постигшихъ насъ золь, тогда узрѣли разсѣяніе грозы и уклоненіе отъ насъ гнѣва Господня, увидѣвъ удаленіе враговъ нашихъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и раззореніе, тогда... Когда это? когда мы, лишеныя всякой помощи и не имѣющіе никакой подмоги отъ людей, воодушевлялись надеждами на одну Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умиловитъ за грѣхи наши, Ее дерзновеніе призывали во спасеніе, Ее умоляли покрыть насъ покровомъ своимъ, какъ стѣною нерушимую, и сдержатъ

дерзость варваровъ, смиритъ ихъ гордость, защитить отчаянный народъ и поборать за собственную паству ея, когда Ея ризу носили все до одного вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ, и усердно совершали прилежныя моленія и литіи: тогда по неизреченному человѣколюбію, при Матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и божество преклонилось, и гнѣвъ Его утихъ, и помиловалъ Господь достойнае

Ὅπως μητρὸς Θεοῦ περιβολῆ ἡ πάνσεπτος αὐτῆ στολῆ. Ἄυτη περιεκύκλου τὰ τεύχη, καὶ τὰ τῶν πολεμίων ἀρβήτηρ λόγῳ ἐδείκνυτο νότα. Ἡ πόλις ταύτην περιεβάλλετο, καὶ τὸ χαράκιωμα τῶν πολεμίων ὡς ἐκ συνῆματος διελύετο. Ἄυτη ταύτην ἐστολίζετο, καὶ τῆς ἐλπίδος αὐτῶν, ἐφ' ἧς ἐπαχοῦντο, ἐγυμνοῦτο τὸ πολέμιον. Ἄμα γὰρ τὸ τεύχος ἡ παρθενικὴ στολὴ περιελήλυθε, καὶ τῆς πολιορκείας οἱ βάρβαροι ἀπειπόντες ἀνεσκεύασαντο, καὶ τῆς προσδοκωμένης ἀλώσεως ἐλυτρώθημεν, καὶ τῆς ἀδοκῆτου σωτηρίας ἠξιώμεθα. Οὐ γὰρ ἐπέβλεψε Κύριος ἐπὶ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν, ἀλλ' ἐπὶ τὴν μετάνοιαν, οὐδὲ ἐμνήσθη τῶν ἀνομιῶν ἡμῶν, ἀλλ' ἐπὶ τὸν συντριμμὸν ἐπέιδεν τῶν καρδιῶν ἡμῶν, καὶ ἐκλινε τὸ οὖς αὐτοῦ τῇ ἐξομολογήσει τῶν χείλων ἡμῶν. Ἀπροσδόκητος ἐπέστῃ ἡ ἔφοδος τῶν ἐχθρῶν ἀνεπίστος ἐδείχθη ἡ ἀναχώρησις αὐτῶν· ἐξαίσιος ἡ ἀγανακτής, ἀλλ' ὑπὲρ λόγον τὸ ἔλεος· ἄφατος ἦν ἀντῶν ὁ φό-

свое. По истинѣ, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вовругъ этихъ стѣнъ: и непріятели, не постижимо, какъ, обращали тыль свой. Покрывала она городъ: и насыпь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Пріосѣняла она осажденныхъ: и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Ибо, какъ только дѣйственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, и — варвары сняли осаду города, и — мы избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія. Тогда Господь возрѣлъ не на грѣхи наши, а на покаяніе, не вспомнилъ беззаконій нашихъ, но посмотрѣлъ на сокрушеніе сердець нашихъ, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ. Неожиданно было нашествіе враговъ, и нечаянно и удаленіе ихъ; чрезмѣрно негодование, но неизреченна и милость; невыразимо устрашеніе ихъ, но посрамительно и бѣгство. Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ: но за ними, какъ мы видѣли, слѣдовала Божія милость и отвратила ихъ набѣгъ. Итакъ не обратимъ человѣколюбіе Его въ поводъ къ нерадѣнію, и милосердіе Его не примемъ за поощреніе къ лѣности, и тамъ, гдѣ началось наше спасеніе, не поста-

βος, ἐκαταφρόνητοι γεγόνασι
τῇ φυγῇ. Ὁ ρ γ ῆ ν εἶχον εἰς
τὴν κατ' ἡμᾶς ἐπιδρομὴν· συ-
νελάυνουσαν αὐτοὺς φιλανθρω-
πίαν εὐρισμεν θεοῦ, τούτων ἀνα-
στελλουσαν τὴν ὄρμην. Μὴ
οὖν τὴν φιλανθρωπίαν ἀφορ-
μὴν ὀλιγωρίας ποιησώμεθα...
κ. τ. λ.

вимъ воротъ, ведущихъ къ погибели, не раз-
слабнемъ во время милости Его¹⁾, да не бу-
детъ послѣднее горше перваго, и да не нав-
лечемъ на себя проклятія, изреченнаго Іу-
деямъ устами Исаи: «увы, народъ грѣш-
ный, людъ исполненный грѣховъ! За чѣмъ
уязвляетесь еще, прибавляя беззаконіе, такъ
что уже негдѣ приложить ни пластыря, ни
елея, ни перевязокъ» (Гл. 1. 4. 5. 6.).

VII. Такъ, возлюбленные, не будемъ виновниками столькихъ несча-
стій, и не забудемъ тѣхъ обѣтовъ, которые дали мы Богу, когда видѣли ту
страшную тучу, чтó висѣла въ виду нашемъ. Ибо вы знаете, всѣ знаете,
бывъ научены совѣстію своею: какъ въ то время иной, сдѣлавшій что либо
несправедливое, обѣщался предъ Богомъ не дѣлать того впредь, другой,
растлившій тѣло блудомъ, возненавидѣлъ любострастіе и добровольно далъ
обѣтъ цѣломудрія, а преданный пьянству протрезвился и обѣщался не пить
во всю жизнь, жестокосердый и безчеловѣчный сталъ милостивъ, прося у
Бога помилованія подѣ залогъ милосердія къ ближнимъ, досадитель друзь-
ямъ и губитель согражданъ, палачъ рабовъ и тиранъ свободныхъ людей,
смягченный слезами и стонами, укрощалъ свирѣпый нравъ свой и дѣлался
смирненъ. Было что посмотреть тогда! Гордые смирились; сластолюбцы по-
стились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ро-
стовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ, оплевавъ недугъ
сребролюбія; и вообще сказать: всѣ сознавая слабости свои, съ великимъ
усердіемъ разрушали все старое и созидали все вновь, и каждый, кто жилъ
худо и безпечно, руками и ногами и всѣми силами давалъ знать, что онъ
будетъ служить образцомъ добродѣтели, и рѣшался и обѣщался впредь
исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно. Пусть же помнить это
всякій. Пусть никто не забывается, и обѣцаній своихъ не сбываетъ
какънибудь; ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій. Да при
томъ и Матерь Слова и Бога нашего мы представили Ему порукою своихъ
обѣтовъ: и ихъ-то челоуѣколюбіе посѣтило насъ и избавило отъ плѣна. Все

¹⁾ Μηδὲ καταμαλακισθῶμεν ἐν τῷ ἐλέει αὐτοῦ.

это перечистивъ и посѣявъ въ сердцахъ своихъ, мы пожали плоды покаянія, и улучшивъ нравы, освободились отъ бѣдъ. А положивъ такое основаніе новаго житія, не будемъ скоплять хворость, или сѣно, или тростникъ, то есть, удобовозгараемый матеріалъ грѣховъ, испепеляющій всѣхъ, кто только навьюченъ имъ: напротивъ, будемъ строить зданіе изъ золота и серебра — изъ добросовѣстныхъ и чистыхъ дѣлъ, въ которыхъ нѣтъ яда лукавства, да послужитъ оно намъ нерушимымъ кровомъ и священнымъ убѣжищемъ во время напастей. Не станемъ обращаться вспять, да не будемъ осуждены за то, что оказались неготовы въ царство небесное. Не будемъ дѣлать худыхъ дѣлъ, дабы вслѣдъ за ними не воротились минувшія бѣды, и не остались у насъ навсегда. Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ всѣмъ сердцемъ своимъ, взвѣсивая и испытывая себя самого: «какими поступками своими сѣумѣлъ оскорбить Бога такъ, что подвергся такому гнѣву Его; за какіе чрезвычайные пороки даны такіе страшные уроки; какія дѣла воспламенили на насъ ярость его, и какія способствовали къ тому, что насъ пріосѣнило облако челоуѣколюбія Его; чѣмъ заслужена кара, и какъ отклонено пораженіе; за что мы изъязвлены, и какъ испѣлѣли отъ ранъ». «Ибо если мы все это пересмотримъ, если испытаемъ себя такимъ образомъ, и затвердимъ этотъ урокъ; то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою. «Ибо онъ близокъ ко всѣмъ, призывающимъ «Его истинно, и волю боящихся Его исполнить, и молитву ихъ услышитъ, «и спасетъ ихъ, потому что онъ есть защита всѣхъ уповающихъ на него»¹⁾. А если мы будемъ грѣшнить по прежнему, — но дай Богъ, чтобы у васъ не оказался ни одинъ такой безчувственный и неисправимый, которому ни почемъ толикое и такое богосправедное наказаніе, — если осквернимся тѣми же страстями, и загрязнимся тою же тиною сластей, если не очистимся прилежнымъ покаяніемъ, и если минувшія печали не научатъ насъ поберечь себя для вѣчной жизни: то, увы, какую снова приготовимъ себѣ гибель! какую ископаемъ глубь несчастій! сколько наживемъ себѣ зимнихъ бѣдъ, взбѣсившись на себя самихъ! Ибо Писаніе говоритъ: «ежели вы не обратитесь, (къ Богу) то Онъ отточитъ своей мечъ». Еще: «Онъ патянулъ своей лукъ и приготовилъ Его». Еще: «одождитъ на грѣшниковъ сѣти, огонь

¹⁾ Псал. 144, 18.

и сѣру: и духъ бурный часть чаши ихъ¹⁾). Еще: «огонь и градъ, голодъ и смерть, мечъ и бичъ, все это создано для грѣшниковъ²⁾». — Нѣтъ намъ надобности въ чужихъ примѣрахъ для собственнаго вразумленія: своего опыта достаточно для нашего исправленія и умудренія, своихъ страданій — для нашего исцѣлѣнія, своихъ минувшихъ бѣдъ — для предупрежденія золъ будущихъ. Ибо когда мы жили роскошно, безпутно и сладострастно, о прочемъ и не говорю уже; тогда увидѣли, что гнѣвъ Господа стремится на насъ, какъ туча града на плоды. Но пораженіе остановлено покаянiемъ:

Ἔστι ἡ θραύσις τῇ μετανοίᾳ, μὴ κινήσωμεν αὐτὴν τῇ ἀμελείᾳ. Κατεπραύνησθ' ὁ θυμὸς αὐτοῦ τοῖς τῶν δακρυῶν ἡμῶν ὄχετοῖς, μὴ ἀνάψωμεν πάλιν αὐτὸν βρασμῶ γέλωτος ἀκρατοῦς, καὶ θυμελικῶν ἀθυρημάτων ἐνδελχισμοῖς. Ἡ κατ' ἡμῶν ἡκουμένη συνστάλη βομφαῖα λιταῖς καὶ δεήσεσι ὑποχωρήσασα, μὴ σπλιβῶσωμεν πάλιν αὐτὴν δείπνοις καὶ μέθαις καὶ θεραπείᾳ τοῦ ἀκολάστου σχολάζοντες γαστροῦς. Τοῦ στεναγμοῦ τῆς καρδίας ἡμῶν καὶ τῆς βοῆς ἐκείνης ἤκουσεν ὁ Θεὸς καὶ οὐχ ὑπερέβδε, μὴ παυσῶμεθα τοῦτο ποιεῖν, ἵνα διὰ παντὸς ἡμῖν ἡ θεῶθεν φιλανθρωπία ἐπικουρηῇ. Κακὸν ἡ μέση. Κακὸν ἡ πορνεία. Κακὸν τὸ ἀδικεῖν. Κακὸν ἡ μισαδελφία, ἡ κατὰ τοῦ πλησίον ὀργή, ἡ ὑπεροψία, ὁ φόβος, ὁ φθόνος. Κακὸν ἡ ραθυμία καὶ ἡ ἀμέλεια. Φύγωμεν ταῦτα

не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ и несдержаннымъ смѣхомъ и непрерывными мускательными потѣхами. Отточенный на насъ мечъ удержанъ литіями и моленіями: не изостримъ же еко паки вечеринками и попойками и угожденіемъ ненасытному чреву. Услышала Богъ стenanіe сердца нашего и не презрѣлъ вошлей нашихъ: не прекратимъ же ихъ, да всегда помогаетъ намъ чelовѣколюбіe Божіe. Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда. Худое дѣло ненависть къ братьямъ, гнѣвъ на ближняго, гордость, убійство, зависть. Худое дѣло лѣность и безпечность. Будемъ же избѣгать сего, возлюбленные, сколько можемъ. Общи страсти у бояръ, богачей, бѣдняковъ, мущинъ и женщинъ: да будетъ же и исправленіе общее. Все это воспламеняетъ гнѣвъ Божій. Все это скопляетъ грозу, отвращаетъ чelовѣколюбіe, готовитъ намъ униженіe предъ врагами, и возвышаетъ ихъ бранную силу.

¹⁾ Псал. 40, в. То есть, въ чашѣ у нихъ, вмѣсто вина, бурный вѣтеръ. Они, глотаютъ его. — ²⁾ Сирах. 39.

πάση δυνάμει, ἀγαπητοί. Κοι-
νά τὰ πάση ἀρχόντων, πλουσί-
ων, πενήτων, ἀνδρῶν, γυναι-
κῶν κοινὰ γενέσθω καὶ τὰ κα-
τορθώματα. Ταῦτα τὴν ὀργὴν
ἐκκαίει τοῦ θεοῦ. Ταῦτα τὴν
ἀπειλὴν αὐξάνει, τὴν φιλαν-
θρωπίαν ἀναστέλλει, καὶ τα-
πεινοῦς μὲν παρασκευάζει ἡμᾶς
τοῖς ἐχθροῖς, ὑπερῷοι δὲ τὸ
πολέμιον κατ' ἡμῶν. Ταῦτα
βδελυξώμεθα καὶ ἀποστραφῶ-
μεν ἐκ ψυχῆς, ἵνα μὴ τὴν ἀπὸ
θεοῦ καταδικασθῶμεν ἀποστ-
ροφήν.

Отвратимся же отъ этихъ мерзостей всею ду-
шею, да не будемъ наказаны отвращеніемъ
отъ насъ Бога. Ибо и древній Израиль, когда
овладѣвали имъ страсти, погибалъ подъ лез-
веемъ меча. Тотъ Израиль, который слылъ не
побочнымъ племенемъ и не презрѣннымъ на-
родомъ, но славился какъ отмѣренный удѣлъ,
и ублажаемъ былъ какъ народъ благополуч-
ный, и онъ, при такихъ преимуществахъ,
когда грѣшилъ, бичуемъ былъ врагами, а
когда исправлялся, одолевалъ ихъ и овладѣ-
валъ ими; и онъ, когда соблюдалъ заповѣди,
тогда оружіемъ добывалъ чужую землю и ве-
село жилъ чужими трудами: когда же прене-

брегалъ закономъ, тогда, отходя въ плѣнь, видѣлъ, какъ враги селятся на
родной землѣ его, поя побѣдныя пѣсни и приплясывая съ подскокомъ. И
это премудро и справедливо. Ибо народу возлюбленному и богоизбранному
не должно надѣяться на грѣбность рукъ своихъ, величаться силою мышцъ
своихъ, опираться на запасныя оружія, а надобно овладѣвать супостатами
и господствовать надъ ними съ помощію Всевышняго, помощь же Его умѣть
снискивать наилучшими дѣлами и множествомъ доблестей. Если же кто
утратилъ добродѣтель и чистоту нравовъ, тотъ неизбѣжно лишается и Бо-
жіей помощи: а кто украсилъ жизнь свою добрыми дѣлами, какъ броней,
тотъ добродѣтель дѣлаетъ неборимую союзницею и помощницею противъ
враговъ. Но если народъ Божій силенъ и побѣдоносенъ съ помощію Бога; то
прочіе народы, у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно, не своими
благодѣланіями, а нашими худыми дѣлами увеличиваютъ свою силу, и такъ
державятъ и величаются надъ нами. Ибо они сберегаются для насъ, какъ
бичи, и бичуютъ наши грѣхи. Однако господство надъ нами предоставляется
имъ на столько времени, на сколько ополчаются на насъ страсти, и на
сколько мы склоняемся и стремимся къ злу, и оставляемъ тотъ порядокъ,
въ который поставилъ насъ спасительный и божественный законъ. Итакъ,
когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удается намъ и дер-

жавить надъ врагами при сдержаніи страстей: а грѣша мы навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій, и впадаемъ въ руки враговъ. Какъ же не убѣгать намъ отъ беззаконій, какъ не гнушаться ими, и какъ не преуспѣвать въ добродѣтеляхъ, какъ не украшаться ими, и не совершенствоваться въ теченіи всей жизни? Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда у себя

Πῶς δ' ἂν τις καὶ κατασχῆσαι παρρησίῃ ἐχθρῶν, ὅτε τοὺς ἐν αὐτῷ πολεμίους καὶ τὰς στάσεις ἐνδον θάλπει πορβοῦντας αὐτὸν, ὅτε θυμὸς ἄλογος τοῦ αυτοκράτορος λογισμοῦ κρατεῖ, καὶ κατὰ τοῦ πλησίον, μηδὲν ἴσως ἠδικηκός, ἀναπέψει φόνον; Πῶς σοὶ πολεμίους περιεῖναι τὸ νικᾶν ζητεῖς, ὅτε τὸ λίχνον τῆς ἐπιθυμίας ὑποχείριον λαβὼν τὸν αὐτοδέσποτον λογισμὸν ἔλκει τε καὶ μετελκεί περιάγον καὶ δουλαγωγῶν, ἐνῆα ἂν ἐπιτάτῃ τὸ πάθος; κ. τ. λ.

питаешь разрушительные раздоры и вражды, когда неразумная ярость овладѣваетъ самодержавнымъ умомъ и склоняетъ убить ближняго, который, быть можетъ, не сдѣлалъ никакой неправды? Какъ тебѣ побѣдить непріятелей, когда чувственные похотѣнія подчиняють себѣ самодержавный умъ твой, и водятъ и переводятъ его, какъ раба, куда велить страсть? Какъ достался бы вѣнецъ побѣды надъ супостатами такимъ изнуреннымъ рабамъ? Невозможно, совершенно не возможно одолѣть враговъ внѣшнихъ тому, кто, какъ плѣнные, связанъ врагами домашними, и преданъ страстямъ. Итакъ если мы желаемъ низложить враговъ первыхъ, то напередъ

постараемся покорить враговъ вторыхъ, и прекратимъ ихъ распри и раздоры. Пусть страстями править умъ: тогда мы одолѣемъ и тѣхъ внѣшнихъ непріятелей, которымъ попущено воевать и уязвлять насъ. Ибо если ты свой умъ, который далъ тебѣ Богъ, какъ самодержца, подчинилъ чувственнымъ удовольствіямъ, какъ раба; то какъ желаешь сдѣлаться властелиномъ надъ врагами, посланными противъ тебя извнѣ? Какъ тебѣ совладѣть съ бѣдами, когда умъ твой ежедневно бываетъ добычею внутреннихъ несогласій и навітовъ? Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ силу иноплеменниковъ. Не извѣстно ли, что когда Израиль сдерживалъ свои страсти, тогда одолѣвалъ и враговъ, потому что сорадовалъ съ нимъ Богъ, когда же порабощался грѣхамъ, тогда предаваемъ былъ непріятелямъ, потому что его оставляла сорадующая сила Божія? Этотъ народъ, благоугождая Богу, посредствомъ Моисея избѣгъ страш-

наго и тяжкаго рабства у Египтянъ. Да и не это одно удалось ему, а и бурное море чудно сдѣлалось удобопроходимою стезею для него, гонящимъ же его Египтянамъ — вѣчною могилою, въ которой страшно погибли и кони и колесницы ихъ и самъ Фараонъ, тогда какъ возлюбленный Богомъ народъ радовался и веселился, и въ восторгѣ пѣлъ исходную пѣснь вождю и побѣдителю Богу. Но онъ же, въ другое время, когда возросталъ и началъ войну безъ повелѣнія Божія, и надѣяніе на самодѣльный уставъ свой предпочелъ Божіей волѣ, тогда былъ разбитъ наголову, побѣжденъ, и своимъ прегрѣшеніемъ усилилъ державу непріятелей, и возвысилъ ихъ славу. Опять, онъ же, когда ополчался по волѣ Божіей и повиновался приказаніямъ Моисея, тогда опустошалъ многіе города непріятелей, пріобрѣталъ множество рабовъ, получалъ большую добычу, радовался и ликовалъ. И его радость и веселіе о побѣдѣ не прекращались бы, если бъ неблагодарность не ополчила противъ него змѣй, тогда какъ не было народа, который мечемъ доказалъ бы, какъ справедливо гнѣвается Богъ за неблагодарность его. Такъ карается народъ грѣшный. То, мечи враговъ пожираютъ его, то, зубы зверей пожираютъ его, то землетрясеніе, или нестерпимый зной караетъ его, то небесныя молніи испепеляютъ его, то безплодіе угнетаетъ его, то порча воздуха портитъ его. Нѣтъ недостатка въ наказаніяхъ, соответствующихъ искусству грѣшнить. Избѣгаетъ ли кто одного изъ нихъ, постигается другимъ, уклоняется ли и отъ этого какимъ либо образомъ, карается иначе. Вообще, жизнь незаконная и повинная осужденію не обходится безъ наказанія. Нужно ли перечислять всѣ прочія обстоятельства Израиля, побѣды его надъ врагами, когда онъ былъ благоразуменъ, нанесенныя ему пораженія нечаянныя, когда онъ безумствовалъ, его плѣнъ и возвращеніе изъ плѣна, возстаніе и потомъ благостояніе, разрушеніе Иерусалима и построеніе его вновь? Достаточно сказать, что за добрыя дѣла ему было воздаяніе благое, а за худыя — страшное. Итакъ, возлюбленные, имѣя въ виду свои собственныя несчастія и примѣры древняго Израиля, показанныя для нашего исправленія, возненавидимъ грѣхи и возлюбимъ добродѣтели, и удалимся отъ круговыхъ и душевредныхъ беззаконій, отъ пьянства, блуда, зависти, злорѣчія, любоствія, неправды, превозношенія, ненависти къ братьямъ, и всѣхъ

исчадіи ихъ, да получимъ даръ побѣды на браняхъ, и да не лишимся и небеснаго наслѣдія.

VIII. Но такъ какъ мы уже избавились отъ грозы, избѣжали меча, и губитель миновалъ насъ, покрытыхъ ризою Матери Слова — этимъ достоинствомъ нашимъ; то всё вмѣстѣ съ нею воспоемъ благодарственныя пѣсни рожденному изъ нея Христу Богу нашему, всякій домъ избѣжавшій меча, всякій возрастъ, жены, дѣти, юноши и старцы. Ибо кому угрожала общая погибель, тѣ должны всё съобща воспѣть Бога и Матерь Его голосами преподобными. Мы сподобились общей свободы: принесемъ же и благодареніе общее. Скажемъ Матери Слова съ искренностію чистой души: «мы вѣруемъ въ тебя несомнѣнно и любимъ тебя крѣпко. Сама ты спасай градъ твой, какъ знаешь, и какъ хочешь. Тебя мы предпоставляемъ, какъ оружіе и стѣну, какъ щитъ и воеводу. Сама ты ратуй за людей твоихъ. А мы потщимся представить тебѣ чистыя сердца свои, напряженно исторгнувъ себя изъ тины страстей. Сама разори совѣты гордыхъ враговъ нашихъ. А если мы и не исполнимъ чего либо заповѣданнаго намъ, твое дѣло исправить насъ, твое дѣло подать руку преклонившимъ колѣна, и поднять ихъ изъ праха». Скажемъ это Дѣвѣ, но не солжемъ, да не оболжеться благая надежда наша, да не обманется чаяніе наше, да не погибнемъ въ житейскихъ тревоженіяхъ и въ пучинахъ бѣдъ, и да войдемъ въ пристань нашего спасенія, и сподобимся славы небесной благодатию и человеколюбіемъ Христа истиннаго Бога нашего, которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, какъ и Отцу и Духу святому, Троицѣ единосущной и живоначальной, нынѣ, всегда и во вѣки. Аминь.

ЕГО ЖЕ БЕСЪДА,

ГОВОРЕННАЯ СЪ ЛЯВОНА ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ, ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ, ВЪ ПРИСУТСТВИИ ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ, КОГДА ОТКРЫТЬ БЫЛЪ ЖИВОПИСНЫЙ ОБРАЗЪ БОГОМАТЕРИ.

I. Если бы кто учился молчать во всю жизнь, то въ настоящій день заговорилъ бы по всеѣмъ правиламъ витійственнаго искусства. . .

(Такъ начинается эта Бесѣда, и спустя немного продолжается).

. . . Такимъ утощеніемъ увеселяетъ насъ написанный образъ Дѣвы, упоевая не чашами вина, а прекраснымъ видомъ, такъ что умъ нашей души, насытившись имъ при посредствѣ тѣлеснаго зрѣнія, и по любви къ божественному напечатлѣвши въ себѣ это произведеніе Православія, живѣе представляетъ себѣ истину и плодотворность ея. Такимъ образомъ благодать Дѣвы радуется, воодушевляетъ и укрѣпляетъ насъ и посредствомъ

Πάρθενος-Μήτηρ ἀγναῖς ἀγκάλαις τὸν κοῖνον φέρουσα πλάστην, εἰς κοινὴν τοῦ γένους σωτηρίαν ὡς βρέφος ἀνακλινομένον· τὸ μέγα τοῦτο καὶ ἀφραστον τῆς οἰκονομίας μυστήριον· Πάρθενος-Μήτηρ, παρθένον ἅμα καὶ μητρικὸν ὁρῶσα, καὶ πρὸς ἅμω τὰς σχέσεις ἐν ἀμερίστο σχήματι μεριζομένη τὸ βέλημα, καὶ μηδ' ἕτερον μέρος τῷ ἀτελεῖ ἐξυβρίζουσα· — ὑπόκρισις ἄρα τῆς ἀνωθεν ἐπιπνοίας ἢ ζωγράφου τέχνη· οὕτως ἀκριβῶς εἰς φύσιν τὴν μίμησιν ἔστηκε!

ионъ. — Се, Дѣва-Матерь въ чистыхъ объятіяхъ своихъ носить, какъ младенца, общаго Создателя, склонившагося спасти весь родъ нашъ. Велика и неизреченна сія тайна смотрѣнія Божія! Се, Дѣва-Матерь смотритъ дѣвственно и вмѣстѣ матерински, и по этой обоюдности въ одинаковомъ лицѣ своемъ обнаруживаетъ два дѣйствія воли своей, вполне выражая въ немъ не одну дѣвственность, но и материнство: — знать, живописецъ вдохновленъ былъ свыше: такъ вѣрно подражалъ онъ природѣ!! — ибо она съ внутреннимъ восторгомъ сострастно¹⁾ смотреть на Рожденнаго, склонивъ къ Нему лице

¹⁾ Нежно.

— Καὶ γὰρ οἶονεὶ τῇ μὲν στοργῇ τῶν σπλάγγων τὴν ὄψιν πρὸς τὸ τεχνῶν συμπαθεῖς ἐπιτρέφουσα, οἷα δὲ τῷ ἀπαθεῖ καὶ ὑπερφυσί τοῦ τόκου εἰς ἀσχετον ἅμα καὶ ἀτάραχον ἀρμολογμένη κατάστημα διαδέσεως, παραπλησίον φέρει τὸ ὄμμα σχηματιζόμενον. Εἴποις ἂν αὐτὴν, μηδ' εἴτις ἐπερωτῶν, πῶς δὲ παρθελεύεις καὶ τέτοκας, μηδ' ἂν τὸ φθέρῃσαι παραιτήσασθαι. Οὕτω διασαρκώσῃ τὰ χεῖλη τοῖς χρώμασι, ὥστε καὶ συνεπτύχθαι μόνον καὶ ἡρεμεῖν, ὡς ἐν μυστηρίῳ, ἀλλ' οὐκ ἔχειν δι' ὅλου τὴν ἡσυχίαν ἀκίνητον, οὐδὲ μιμήσει τὴν μορφήν ἐνορατίζεσθαι, ἀλλ' αὐτόχρημα τυγχάνει ἀρχέτυπον. Ὁρᾷς, οἷου κάλλους τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐγήρευε πρόσωπον; ὄσης δὲ λαμπρότητος ἀπεστέρητο; ἡλικίων δὲ χαρίτων σκυδρωπὸς ἐκράτει κατῆφεια;

свое, а по причинѣ безстрастнаго и сверхъестественнаго рожества удерживаетъ невозмутимое и спокойное состояніе души, отчасти выражая оное и во взорѣ своемъ. Смотри на нее, ты сказалъ бы, что она и безъ чьего либо вопроса, — какъ же ты дѣствуешь, когда родила? — не отказывается говорить. Такъ живо красками написаны уста ея! Они сжаты и умоляли отъ какой-то тайны, однако нѣтъ въ нихъ и неподвижнаго спокойствія. Во всемъ лицѣ не видно никакой искусственной прикрасы: напротивъ онѣ какъ бы живыи первообразъ. Смотри, какого украшенія лишена была церковь! Какой славы недоставало ей! И какую красоту замѣняла утрусость!

II. Иконоборство есть озорничество ничѣмъ не меньшее дерзости Гудеевъ. А почитаніе иконъ есть блистательное проявленіе ума боговдохновеннаго и той любви къ Господу, которая усовершала тайноводственный лицъ апостоловъ, окрыляла страстотерпцовъ во время ихъ шествія къ побѣднмъ вѣнцамъ, а пророкамъ, этимъ языкамъ Бога, которые знали и вѣрно прорицали людямъ будущее, доставляла неуваждаемую славу. Всѣ эти подвиги и дарованія, по истинѣ, были плодъ этой искреннѣйшей и божественной любви. Она же установила и почитаніе честныхъ иконъ, какъ ярая и скверная ненависть причинила истребленіе ихъ.

III. Иконоборцы, лишивъ невѣсту Христову — Церковь собственнаго

украшенія ея, и нанесши ей такія глубокія раны, какими изрыто было все лице ея, съ бѣшенствомъ усиливались погубить ее въ пучинѣ забвенія, обнаженную, лишенную образовъ ¹⁾ и покрытую многими язвами, подражая тѣмъ Іудейскому безумію. Но теперь она, хотя еще и носить на тѣлѣ своемъ слѣды этихъ язвъ въ обличеніе Христорборнаго мудрованія Исавра, но заглядивъ ихъ и облекшись въ веледѣшіе славы своей, преобразуется и воспріемлетъ прежнюю сановитость свою, посрамляя многихъ, гордыхъ, ругателей своихъ, и сожалѣя о безуміи ихъ, по истинѣ, безпримѣрно. — На-

Ταύτην τὴν ἡμέραν εἶ τις ὀρθοδοξίας ἀρχὴν καὶ ἡμέραν, ἵνα μὴδὲν ὑπέρογκον εἰπῶ, καλέσειεν, οὐκ ἂν ἁμάρτοι τοῦ βέοντος. Καὶ γὰρ εἰ καὶ οὐ βραχὺς ὁ χρόνος, ἐξ οὗ τῆς εἰκονομαχικῆς αἰρέσεως ἀπηρῆαλώθη τὸ φρόνημα, καὶ τὰ τῶν ὀρθῶν δογμάτων εἰς πάντα τῆς οἰκουμένης περιηγάσθη τὰ πέρατα, βασιλικῶ καὶ θεῶ προστάγματι φρυκτορούμενα: — ἐμὸν καὶ τοῦτο καλλώπισμα: τῆς γὰρ αὐτῆς θεοφιλοῦς βασιλείας ἀγώνισμα: — ἀλλ' οὖν ἐπεὶ περὶ ὁ τῆς οἰκουμένης ὀφθαλμὸς, ὁ περιώνυμος οὗτος καὶ θεῶς ναὸς, οἶονεὶ τὰ τῆς ὀράσεως ἐκκεκολλημένους μυστήρια, ἐσκυβρώσαζε: τῆς γὰρ εἰκονομαχικῆς ἀναστηλώσεως οὕτω ἀπειλήθει τὸ δικαίωμα: ἀμυδρὰς τοὺς προσοῦσι τὰς ἀκρίνας ἠφείει τῆς ἔψεως, καὶ στρυγνὸν ἐπὶ τοῦτους τὸ τῆς ὀρθοδοξίας εἰδένοντο πρόσωπον. Νῦν δὲ καὶ ταύτην ἀπο-

стоящій день если бы кто назвалъ началомъ и днемъ Православія, дабы не сказать полновѣнѣе, тотъ не погрѣшилъ бы въ должномъ. Ибо хотя и не короткое время прошло съ той поры, когда померкло мудрованіе иконоборной ереси, и когда во всѣхъ концахъ вселенной возсіяли правые догматы, возженные по царскому, священному повелѣнію: — мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы! — но это око вселенной, этотъ знаменитый и божественный храмъ, въ которомъ изглажены были священные изображенія, еще угрюмъ былъ, потому что еще не получилъ права возстановленія иконъ, и входящихъ въ него поражалъ блѣдною пустотою облицовки, а отъ этого и Православіе казалось угрюмымъ. А теперь невѣста Христова, не имѣя этой угрюмости, и благопрістойно украсившись всеми убранствами своимъ, и нося все богатое приданое свое, радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго: «вся хороша ближняя моя, и недостатка нѣтъ въ ней ²⁾». Хороша ближняя моя! Она жи-

¹⁾ ἄμορφον = безъобразную. — ²⁾ Пѣсь пѣсней, 4, 7.

τιδέμενη τὴν σκυδρῶπότητα, καὶ τοῖς οἰκειοῖς πᾶσι ἐνωραίζομένη καὶ διαπρέπουσα ἀγλαΐσμασι, καὶ τὸν πλείσιον αὐτῆς προῖκα φέρουσα, καὶ χαίρουσα, φαιδρὰ φαιδρῶς ὑπακούει τῆς τοῦ νυμφίου φωνῆς, διακεκραγότες καὶ λέγοντες: «ἔλλη καλὴ ἢ πλησίον μου, καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν αὐτῇ». Καλὴ ἢ πλησίον μου. Τῇ γὰρ τῶν δογμάτων ὀρθότητι τὰ τῶν χρωμάτων ἀνῆ κεράσασα, καὶ κάλλος ἱερὸν ἱεροπρεπῶς αὐτῇ δι' ἀμοιβῶν ἐμμορφώσασα, καὶ οἶονεῖ ἔλλην δι' ἔλου καὶ παντέλειον ἀγαλματοφοροῦσα τὴν εὐσέβειαν, οὐ παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων ὥραία κάλλει γνωρίζεται, ἀλλὰ καὶ παρ' οὓς τινὰς οὖν ἐτέρους εἰς ἄφραστον εὐπρεπείας ἐξήρτυται ὥραιότητα. «Ὀλλή καλὴ ἢ πλησίον μου:» τὰς πληγὰς διαπέφευγε, τῶν τραυμάτων ἐλευθέρωται, τοὺς σπύλους ἀπερβύψατο, τοὺς ὕβριστὰς ἐταρτάρωσε, τοὺς ὑμνητὰς ὑπερῴψωσε. «Καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν αὐτῇ:» τῶν στυγμάτων κρεῖσσων γέγονεν, οἷς ἀλλόφυλος καὶ μεταρὰ χεῖρ ἔλον ἀικιζομένη τὸ σῶμα κατέστιξε. Τούτων ἀπάντων τὰς κηλίδας ἀπεσμήξατο, τὸν νυμφικὸν καὶ ἀρχαῖον ἐπανηρημένον κόσμον περιέβετο. κ. τ. λ.

вопнсью распѣвила истинны правой вѣры, и такимъ образомъ священноприлично прида- ла себѣ священное благолѣпіе, и какъ бы изваяла все сполна вѣроученіе свое совер- шенное, и потому не одними сынами чело- вѣческими признается прекрасною, но и бо- говдохновенными мужами предвосхвалена, какъ красота неизреченная. Вся хороша ближняя моя. Отъ пораженій укрылась, отъ язвъ нецѣлилась, прахъ отрясла, руга- телей низринула въ тартаръ, пѣвцовъ пре- вознесла до неба. Недостатка нѣтъ въ ней. Она лучше стала послѣ того, какъ ино- племенная и скверная рука изъязвила все тѣло ея. Раны ея зажили; старинное убран- ство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. «Уви- дѣли ея дѣвы и убажжаютъ ея царицы и вос- хваляютъ: кто она, проникающая какъ утро? прекрасная, какъ луна, и превосходная, какъ солнце!»? Это благолѣпіе ея, это царствен- ное убранство ея описалъ свыше вдохновен- ный Давидъ, когда владыкѣ и царю всѣхъ пѣлъ пѣснь: «предстала царица съ правой стороны твоей, облеченная въ одежду попла- щенную и испещренную¹⁾. Стопы ея укра- шены²⁾». Это благолѣпіе ея провидѣлъ и Исаія, когда вѣщалъ: «встань Сіонъ, какъ въ началѣ дня, какъ новое поколѣніе вѣка; ибо на головѣ твоей веселіе и хвала: и обмыетъ тебя радость. Это я, это я утѣшаю тебя, го- ворить Господь³⁾. Вотъ я на рукахъ моихъ живописалъ стѣны твои, и ты предо мною

¹⁾ Пѣснь пѣсн. 6, 8. 9. — ²⁾ Псал. 44, 10. — ³⁾ Пѣснь пѣсн. 7, 2. — ⁴⁾ Исаія 51, 9. 11. 12.

всегда¹⁾). Это же провидѣла и сама она, и устами Исаи возгласила, говоря: «да возрадуется душа моя о Господѣ; ибо онъ одѣлъ меня въ ризу спасенія и въ одежду веселія: возложилъ на меня, какъ на жениха, вѣнецъ, и какъ невѣсту, украсилъ меня красотою²⁾; и я буду уже, не какъ покинутый городъ, а какъ вождѣлѣнный, и какъ прекрасный вѣнецъ въ рукѣ Господней и царская діадима въ рукѣ Божіей³⁾). При этомъ торжествѣ и мы, въ веселіи и радости душевной, составивъ ликъ и празднуя обновленіе почитанія иконъ, сего дня вѣщаемъ устами пророковъ: «Вельми радуйся дщерь Сіона. Проповѣдуй дщерь Іерусалима. Отъялъ Господь обиды твои. Избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ⁴⁾). Возведи окрестъ очи твои, и посмотри на собранинхъ чадъ твоихъ. Вотъ всѣ сыны твои и дочери твои пришли къ тебѣ издалека и принесли тебѣ⁵⁾, не золото, не ливанъ, не дорогіе камни, не эти произведенія земли, обогащающія святилище по человѣческому закону, но чистѣйшую паче всякаго золота и драгоцѣннѣйшую паче всѣхъ камней, отеческую, неповрежденную вѣру. Радуйся и веселись отъ всего сердца твоего. Ибо вотъ идетъ Господь, и водворится у тебя⁶⁾).

IV. Что лучше настоящаго дня? Что воодушевительнѣе и радостнѣе нынѣшняго праздника? Сего дня иное жало вонзено въ самое сердце смерти, не положеніемъ Спасителя въ мертвенный гробъ для общаго воскресенія рода нашего, а возстаніемъ иконы Матери Его изъ самыхъ глубинъ забвенія, и сопоставленіемъ подлѣ нея прочихъ святыхъ образовъ.

V. Христосъ пришелъ во плоти, и былъ носимъ въ объятіяхъ Родившей Его. Это видится и на иконахъ, и ими подтверждается и возвѣщается, такъ что сіе ученіе, уясненное такимъ нагляднымъ образомъ, принимается зрителями съ увлеченіемъ неудержимымъ. — (Если же кому нелюбо такое наставленіе посредствомъ иконъ; то почему онъ прежде не возненавидѣлъ евангельскаго слова о томъ?) — Ибо какъ слово посредствомъ слуха, такъ икона посредствомъ зрѣнія впечатлѣвается въ душахъ, и внушаетъ согласное съ Вѣрою наставленіе тѣмъ, которые не заражены ложными догматами. Мученики страдали за то, что любили Господа. и любовь свою къ нему запечатлѣли кровію своею. Воспоминаніе о нихъ содержится въ кни-

¹⁾ Исаи 49, 16. — ²⁾ Исаи 61, 10. — ³⁾ Исаи 62, 12. 3. — ⁴⁾ Софон. 3, 14. 15. —

⁵⁾ Исаи 60, 4. — ⁶⁾ Софон. 3, 18.

гахъ; но они же, страждущіе, видятся и на иконахъ: только живопись гораздо впечатлительнѣе представляетъ подвиги этихъ блаженныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, живые, принесены были въ жертву всеожженія послѣ того, какъ молитва, постъ и другіе подвиги украсили и освятили сія жертвы. Это кромѣ книгъ изображаютъ и иконы, располагая къ подражанію большее число зрителей въ сравненіи съ слушателями. Дѣва на рукахъ своихъ носить Творца, какъ младенца. Кто, видя очами это великое таинство, не изумился бы болѣе, чѣмъ тотъ, кто только слышалъ о немъ? И кто не сталъ бы воспѣвать неизрѣченное снисхожденіе, превышающее всякое вѣ-

Ἐγὼ γὰρ καὶ δι' ἀλλήλων ἐκά-
τερον συνηγάγεται, ἀλλὰ πολὺ
προέχει, ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν
ἐπιδεικνύται, τῆς κατὰ τὴν ἀ-
κοὴν εἰσδυομένης μαθήσεως ἢ
διὰ τῆς ὀψεως ἐγγινομένη κα-
τάληψις. Ἐκκλινέν τις τὸ οὖς
εἰς διήγημα, εἰλκυσε φαντα-
ζομένη τὸ ἀκουσῶν ἢ διάνοια,
νηφούση μελέτη τὸ κριῶν τῇ
μνήμῃ ἐναπέθετο. Οὐδὲν τού-
των ἔλαττον, εἰ μὴ καὶ πολὺ
μᾶλλον κρατεῖ τὰ τῆς ὀψεως.
Καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ γε διήπου τῇ
προχύσει καὶ ἀπορροῇ τῶν ὀπ-
τικῶν ἀκτίνων τὸ ὄρατὸν οἰοεὶ
πῶς ἐπαφομένη καὶ περιέπου-
σα, τὸ εἶδος τοῦ ὁραζέοντος
τῷ ἡγεμονικῷ παραπέμπεται·
ἐκεῖθεν διαπορρῶμευῶναι δίδου-
σα τῇ μνήμῃ πρὸς ἐπιστήμην
ἀπλανεστάτην συναΐροισαι.
Εἶδεν ὁ νοῦς, ἀντελάβετο, ἐφαν-
τάσθη τοὺς τύπους, ἀκόπως
ἐν τῇ μνήμῃ παρεπέμφατο.

тѣйство? — Конечно, и слухъ такъ же, какъ и зрѣніе, служить проводникомъ понятій; но пониманіе посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха, какъ это доказываетъ и опытъ. Склонилъ ли кто слухъ свой къ рѣчамъ: воображеніе его схватываетъ слышанное, а здравый смыслъ обуживаетъ и передаетъ памяти. Не менѣе се-го, ежели не сильнѣе, дѣйствуетъ и зрѣніе. Ибо и оно посредствомъ тока глазныхъ лучей какъ бы уловляя и схватывая видимый предметъ, представляетъ его уму, а онъ передаетъ памяти для приобщенія къ точнымъ свѣдѣніямъ. Увидѣлъ умъ, воспринялъ, вообразилъ впечатлѣнія, безъ тру-да передалъ ихъ памяти.

VI. Кто отвергаетъ ученіе о Господѣ, о Матери его и о святыхъ, и судить не лучше тѣхъ, которые гоняются за всякою ложью, тотъ послѣдова-

тельно отвергаетъ и почитаніе честныхъ иконъ. А кто чтить и восхваляетъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, тотъ принимаетъ и это ученіе. Ибо неизбежно воздать честь иконѣ, коль скоро почитается изображенный на ней, или не признавать изображенныхъ, коль скоро попираются самыя иконы, развѣ кто отъ нечестія пересталъ бы и мыслить здраво, и оставаясь нечестивцемъ, противорѣчилъ бы самъ себѣ. Итакъ всѣ презрители святыхъ иконъ уличаются въ томъ, что они не хранятъ и правыхъ догматовъ, но проклиная одно, клянутъ и другое, только не имѣютъ смѣлости открыто проповѣдовать ученіе свое, остерегаясь не нечестивать, а казаться нечестивыми, и избѣгаютъ прозвища, за которыми на самомъ дѣлѣ гоняются усердно, — отвратительные по пронырству, отвратительнѣйшіе по нечестію, у которыхъ всѣ вѣтви и всѣ корни испорчены наростами. Къ нимъ относятся слова боговдохновеннаго Давида: «память нечестивыхъ съ шумомъ гибнетъ». Ихъ справедливо осудилъ и наказалъ Тотъ, Котораго они уничили презрѣніемъ иконы Его. А съ нами навсегда осталась сія Дѣва, носящая въ объятіяхъ своихъ Творца, какъ младенца, сія ходатаица о нашемъ спасеніи, наставница въ благочестіи, радость очей, веселіе душъ, осталась не только въ книгахъ и умозрѣніи, но и въ живописи, съ помощію которой наша любовь къ божественному возносится къ умопредставляемой красотѣ истины. Но зачѣмъ я усиливаюсь говорить, когда пора уже молчать?».....

VII. О Женише, Слове и Мудрости (Соφία) Отца упопастасная, которой тезоименитъ сей священный и честный храмъ, даруй намъ прощеніе за скудость слова, такъ какъ ты любишь взирать не на дѣло, а на намѣреніе, и съ нимъ соразмѣряешь даръ твой. Сподоби же и получившихъ отъ тебя царство на землѣ украшать прочія части сего храма святыми образами²⁾. Аминь.

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ читается нѣсколько словъ; но я не списалъ ихъ. — ²⁾ Δίδου δὲ καὶ τοὺς διὰ σοῦ λαχόντας τὸ ἐπὶ γῆς βασιλεύειν καὶ τὰ ὑπόλοιπα τοῦ νεῶ τοῖς ἱεροῖς μορφώμασι καθιερωθῆσαι.

ЕГО ЖЕ БЕСЪДА,

ГОВОРЕННАЯ СЪ АМВОНА СВЯТОЙ СОФІИ, КОГДА ПРАВОСЛАВНЫМЪ И ВЕЛИКИМЪ ЦАРЯМЪ НАШИМЪ МИХАИЛУ И ВАСИЛІУ ВОЗДВИГНУТЬ БЫДЪ СТОЛПЪ СЪ НАДПИСЬЮ ВЪ ПАМЯТЬ ТОРЖЕСТВА НАДЪ ВСЯМИ ЕРЕСЯМИ.

Ι. Ἦν ἄρα ἐκ πολλοῦ γεγενηκώς ὁ χρόνος, καὶ νέαν οὐκ ἔχων ὠδίνα, κατ' ἦν ἀκμάζων ἐπαρθεῖ σεμνήνεσθαι, μόναις δὲ ταῖς παλαιαῖς ἐγκεκυφώς ἐκείναις, καὶ λαμπρὸν οὐδέν οὐδὲ γενναῖον εἰς τόκον ἔχων νεανιεύσασθαι, τὰ αὐτὰ φέρων κύκλω περιστροφόμενος, ἐκείνων μόνῃ τῇ φορᾷ φιλοτιμούμενος, ὧν... ἐμέτρει τὴν γένεσιν, καὶ ἅ τὴν χάριν ἀνθεῖν οὐκ εἶδου νεάζουσιν. Νῦν δὲ δι' ἐνόσ ἀνδρός εὐσεβῶν καὶ καινῶν καὶ γενναίων ἔργων ἀβλητοῦ, καὶ νεαζούσαις ὠδίσι ἐγκαλλωπίζεται, καὶ τὸ γῆρας σὺν αὐτοῖς ἐνελεσει ἀποδύεται· οἷα περ τόκον εὐγενῆ τε καὶ κράτιστον, καὶ τῶν ἄλλων καλῶν ἀνθούοντα τὰς χάριτας ὑπὸ φωτὶ τῆς ἀληθείας πᾶσι εὐτηχῆσι ἐπιδειξασθαι. Εἰ δὲ καὶ ῥητόρων ἦνεγκε φορὰν, μετρεῖν εἰδόντων τοῖς λόγοις τὰ πράγματα, καὶ τῷ μεγέθει τῶν ἔργων συμπαρατίθεν τῆς γλώσσης τὴν δύναμιν,

Ι. Заматорѣвшее время уже давно не мучилось новыми родами, какими величалось, когда процвѣтало, и только лелѣяло прежнія порожденія свои, будучи не въ силахъ помолодѣть и произвесть что-либо славное и богатѣйское, кругомъ вращая одно и тоже, и хвалясь тѣмъ, что не разъ было пересчитано, и что потеряло свою цвѣтущую юность и прелесть. Но теперь у него есть мужъ, могучій производитель событій боголюбезныхъ, новыхъ и великихъ; и вотъ опять оно красуется родами, какъ молоднца, и стряхнувъ заматорѣлость съ самими поношеніями ея, даетъ плодъ благородный, царственный, вседобротный, котораго красота роскошно цвѣтетъ подъ освѣщеніемъ Истины. Если бы приглашены были витіи, умѣющіе соразмѣрять свои глаголы съ предментами, и сильнымъ краснорѣчіемъ выражать величіе событій; то пылъ и свѣжесть настоящаго времени все таки остались бы при немъ. Но теперь и безъ витій всѣмъ современникамъ и очевидцамъ видно совершенство его цвѣтущее и не имѣющее ни

εις ἄλοκλῆρον ἂν αὐτῷ τὰ τῆς ἀκμῆς καὶ τὰ τῆς ἀναγεώσεως ἐκρατύνετο. Νῦν δὲ οὐ βραχυτάτω μέρει ζημιούμενος, τοῖς μὲν παροῦσι καὶ ἑαταῖς, καὶ μηδεὶς ἐφέστηκε τοῖς ὀρωμένοις ῥήτωρ, οὐδὲν ἤττον ταῖς γυναῖς ἐνακμάζων δεικνύει τὸ τέλειον· ὅσοι δὲ τοῦ βίου γυναῖς ὑστέρας προκύψουσι, τοῦτοις δ' ἄρα τὴν ἐν τοῖς λόγοις μνημῆν οὐκ ἔχων δωρήσασθαι, εἰς γῆρας πάλιν, οἶμαι, ἢ νόσον ἢ τὰ τοιαῦτα διαβληθήσεται. Πράξεων μὲν γὰρ μετριαζούση σεμνότητι λόγοι φιλοῦσι παρρησιαίξεσθαι, δειλία δὲ καὶ συστολή καταδύονται, ὄγκον αὐτοῖς πραγμάτων ὀρώντες ἐπιφερόμενον καὶ καταρῶμάτων μεγέθη προκείμενα. Ἐντεῦθεν καὶ γὰρ σιγᾶν ἐβουλόμην, καὶ τῶν ὑπὲρ λόγον ἔργων τὸ μέγεθος τῇ ἀτομῇ μὴ καθυβρίσαι τοῦ λέγοντος, τὸν τοῦ ἥττηθῆναι φόβον πρὸ τοῦ παθεῖν τὴν ἤτταν αὐτῷ προβαλλόμενος εἰς ἀσφάλειαν. Ἄλλ' ἐπηδείπερ αὐταὶ παρεστήκασιν αἱ πράξεις, καὶ τὸ λαμπρὸν τῶν ἔργων κατ' ὀφθαλμοὺς ἔστηκεν ἀπάντων, οὐκ ἐν μεγάλῳ τὰ τῆς ζημίας οἶμαι πεσεῖσθαι τὸ ἕλαττον ἀποφερομένης τῆς διηγέσεως. Ταῖς γὰρ ὀρώμενα τὸ λειπὸν ἀναπληρώσει, καὶ τὸ ἔνθεον τοῦ λόγου τὴν ὑπεροχὴν σαλπύσει τῆς πράξεως.

малѣйшаго недостатка: что же касается до поколѣній будущихъхъ, то, быть можетъ, оно не оставитъ имъ памяти въ рѣчахъ, и опять, думаю, заматорѣеть, или будетъ болное, или потерпитъ что нибудь подобное. Витѣйство любить выказываться тогда, когда дѣянiя были скромны и посредственны; но оно бываетъ боязливо и сдержано, когда совершены дѣла огромныя и явлены доблести великiя. Посему и я желалъ бы молчать, и не унижать неизреченнаго величiя дѣлъ слабымъ словомъ моимъ, страшась быть побѣжденнымъ прежде ратованiя, и этотъ страхъ почитая своею побѣдою, и тѣмъ успокоиваясь. Впрочемъ, когда присущи событiя, и все сами понимаютъ благознаменитость дѣянiй, тогда, думаю, не великъ будетъ ущербъ, ежели слово окажется ниже своихъ предметовъ. Ибо видимое величiе ихъ восполнить недостатокъ его, а скудость слова огласить превосходство дѣла.

II. Славны подвиги царя нашего на браняхъ, его побѣды и трофеи, безъ которыхъ ни одинъ годъ не прошелъ послѣ того, какъ онъ присмотрѣлся къ своему царству. Но исчислять ихъ я не намѣренъ, и потому не говорю ни о разсудительности, ни о сильной волѣ его, кои многократно обнаруживалъ онъ во многихъ обстоятельствахъ, особенно въ дѣлахъ запутанныхъ. Не говорю ни о порабощеніи и перемѣщеніи городовъ непріятельскихъ. ни объ устройствѣ и населеніи городовъ у друзей (союзниковъ), ни о томъ, какъ онъ привѣтливъ ко всѣмъ, и со всякимъ говоритъ улыбаясь, и какъ вмѣсто тиранскаго страха во всѣхъ поселилъ свободную любовь и отнялъ угрюмость у каждаго лица, поставляя любочестіе свое въ томъ, что бы его называли лучше отцемъ отечества, нежели повелителемъ, — безъ подражанія древнимъ, Киру и Августу, изъ которыхъ первый начальствовалъ надъ Персами, а второй надъ Римлянами, и оба славились въ народѣ кротостію и человѣколюбіемъ, — не принимая титуловъ прежде совершенія дѣлъ, но украшаясь дѣяніями прежде проименованій, какъ это велитъ разумъ, заповѣдующій приличіе. Не упоминаю о томъ, что онъ болѣе другихъ сыпалъ золото щедрою рукою, и такимъ образомъ изгналъ бѣдность изъ государства, потому что Царьградъ, и по богатству царь, посредствомъ царственной десницы доставилъ довольство всѣмъ подданнымъ. Не придумываю и не хочу перечислять ничего подобнаго, хотя и есть очевидный свидѣтель всему, сама истина; ибо я не глашатай — какой, искусно занимающій слушателей отборными и веселыми рѣчами, смотря по предмету ихъ, — о чемъ и говорить нечего, — да и въ похвалахъ я не упражнялъ языка своего, и красными словами не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій, потому что и образъ жизни и санъ священныи не позволяютъ мнѣ заниматься этимъ. Не говорю и о томъ, что священною заботливостію его о семь храмѣ и о священныхъ зданіяхъ совершенно неожиданное дѣло, и явлена красота неизгладимая. Ибо о нѣкоторыхъ доблестяхъ прилично говорить другимъ, а о нѣкоторыхъ пристойно говорить иначе, въ иной торжественный день. Но я, оставивъ все прочее, предложу слово лишь о томъ, въ чемъ выразилось чистое благочестіе и вмѣстѣ дивно-великая ревность.

III. Но откуда начну? Что первое скажу? Что изъ двухъ повѣдало? —

радость ли Церкви и настоящее торжество надъ ересями, или твердость воли и подвиги Вѣры того, кто былъ виновникомъ сего торжества и воздвигнулъ блистательный памятникъ? То и другое представляется уму съ равнымъ правомъ на первенство, и понуждаетъ меня колебаться при выборѣ начала бесѣды. Какъ на хорошемъ многоцвѣтномъ лугу каждый прекрасный цвѣтокъ и плодъ, маня и привлекая къ себѣ зрителей, приводитъ ихъ въ недоумѣніе, — которому изъ нихъ надобно отдать преимущество: такъ и эти полезныя и прекрасныя явленія¹⁾, оба равно осіяваюція зрителей свѣтомъ благочестія, затрудняютъ мой выборъ между ними. Впрочемъ, поелику теперь, къ великой радости Церкви, преданы общественному позору богоненавистныя ереси, и сіяютъ подвиги Побѣдоносца; то отсюда начавъ свое слово, я съ пророкомъ возглаголю невѣстѣ Христовой, Церкви, обрадованія.

IV. «Вельми радуйся дщерь Сіона. Проповѣдуй дщерь Іерусалима. «Отъялъ Господь обиды твои, избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ²⁾»). Ты видишь возлюбленного сына своего, котораго еще въ пеленахъ ты усыновила себѣ и воцарила, и вскормивъ благовѣріемъ и обративъ къ благочестію, возрастила въ настоящую мѣру возраста Христова. Ты видишь: какія новыя, хорошія и блестящія златицы съ большою лихвою далъ онъ тебѣ, какъ кормилицѣ, и сколькими и какими добычами наполнилъ сей храмъ священный и честный. Не Арія узника онъ привелъ къ тебѣ, не схваченнаго Македонія, не плѣнннаго Несторія, и не чадъ Діоскора, огрубившаго вселенную тмочисленными, странными, насажденіями, не такого, или такого врага Церкви и супостата, и не начальника одной, или многихъ ересей, но всѣ полчища враждебныя съ ихъ вождями и ухищреніями и совѣтами представилъ тебѣ, какъ добычу, поразивъ ихъ однимъ ударомъ царственной десницы. Возведи окрестъ очи твои и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли по горамъ и стремнинамъ погибели Вакханки и г'Арпіи ересей и расколовъ, унеши ихъ туда послѣ обаянія разными Кориванщинами. Веселись и радуйся всеъмъ сердцемъ твоимъ. —

¹⁾ То есть, радость Церкви, торжествующей надъ ересями и подвиги царя. — ²⁾ Софон. 3, 14. 18.

Ἰὸς πατρὶ κηρύσσεται ἁμο-
ούσιος. Τὸ πνεῦμα τούτοις εἰς
μίαν συναριθμεῖται θεότητα
Ὁ Λόγος ἐκ παρθένου σάρκα
λαβὼν εἰς κοινὴν τοῦ γένους
σωτηρίαν καὶ ἀνάπλασιν, οὐ
μερίζεται τῆς ἀνθρωπότητος.
Αἱ φύσεις ἐπ' αὐτοῦ φυλάττε-
σι τὸ ἀσύγχυτον, καὶ τῇ οἰ-
κείᾳ φύσει συναναφαίνεται
ἐνεργούμενον. Πᾶσα πλάνη καὶ
λῆρος μακρὰν ἀπελήλαται, καὶ
ψυχῶν οὐδεὶς μετοικισμὸς ἀνα-
πλάττεται, οὐδὲ δαιμόνων ὄχ-
λος, ἧς ἐξελοκακοῦντες αὐτοὶ
κατέπεσον λήξεως, εἰς τάντην
ἀναπήδωσιν τοῖς μύθοις ὀχού-
μενοι οὐμένουν οὐδὲ Χριστὸς
αὐτὸς ἐν ἐμφημίᾳ προσήμα-
τι πικρῶς ὑβρίζεται χλευαζό-
μενος.

Сынъ проповѣдуется единосущный Отцу.
Духъ совчисляется съ ними въ едино боже-
ство. Слово пріявшее плоть отъ Дѣвы для
общаго спасенія и возсозданія человѣческаго
рода, не отдѣляется отъ человѣческаго су-
щества. Два естества въ немъ сохраняють
неслитность, и то и другое обнаруживается
свойственнымъ каждому дѣйствованіемъ. Вся-
кое заблужденіе и мечтаніе прогнано далеко.
Переселеніе душъ уже не проповѣдуется.
Баени не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на
ту высоту, съ которой упали они по злой
волѣ своей. И самъ Христосъ уже не осмѣи-
вается и не порицается жестоко поддѣльными
хвалами. То былъ новый и странный спо-
собъ униженія, выдуманый лукавымъ: —
злиться на икону, а изображеннаго на ней
дивословить¹⁾, ее разбивать, а его почитать,
и бѣситься бѣшенствомъ двойнымъ. Итакъ

ни одно нечестивое ученіе уже не появится дерзновенно. Ибо побѣдоносный
Перворатоборецъ нашъ письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ бо-
гокованнымъ копьемъ, пронзилъ самыя внутренности ересей; и теперь вся-
кое лжеученіе повержено въ прахъ, лишено послѣднихъ надеждъ своихъ,
и даже во снѣ не видитъ возрожденія своего. Изъ всѣхъ памятниковъ, какіе
насчитывало продолжительное время, и какіе воздвигнуты были чистыми
руками благочестивыхъ царей, нынѣшній памятникъ есть самый блиста-
тельный и самый высокій. Ибо что другіе едва одолѣвали отчасти и только
на свое время, то все вмѣстѣ однимъ ударомъ сразилъ нашъ вѣрный и ве-
ликій царь, не смотря на то, что оно было грозно. Эта побѣда его, доказы-
вающая меткость соображеній, совѣтовъ и исполненій, во всякомъ, кто
воинствуетъ во имя Божіе, эта побѣда всю вселенную, какую только увѣн-
чиваетъ законъ христіанскій, освобождаетъ отъ раздраженія, предупрежда-

¹⁾ Τερατολογεῖν· прославлять страшными, словами неправославно.

даетъ многія бѣдствія, и всёмъ струитъ обильные потоки радости и веселія. Ибо вездѣ видится одно согласіе, одно исповѣданіе вѣры, и одна каѳолическая Церковь, распространяющаяся во всё концы земли.

V. Горы да каплютъ сладость и холмы веселіе! Ибо человѣколюбивыми очами призрѣлъ Господь на народъ свой и на достояніе свое, воздвигнувъ и возвысивъ Василія, дѣйствительную силу Державы, Василія возлюбленнаго сына своего; да и онъ, — съ восторгомъ говорю, — все то, чему надлежало быть по волѣ Отца небеснаго, попялъ и принялъ, какъ свой жребій. Соборы, которые въ свое время очищали вселенную отъ плевель, сзывала благодать всесвятаго Духа: но и они пользовались прежними преданіями и ученіями. Первый изъ нихъ подражалъ Дѣяніямъ многихъ предшествовавшихъ Соборовъ; Второй въ первомъ видѣлъ образецъ себѣ и уставъ; Третьему примѣромъ служилъ второй вмѣстѣ съ первымъ; Четвертый богатъ былъ опытами третьяго; а остальные учились у всѣхъ прочихъ. Ты же, защитникъ благочестія, чей примѣръ имѣлъ въ виду, когда совершалъ это новое, священное дѣло? какого нашелъ ты учителя? къ какому обращался наставнику? какимъ руководился вождемъ? Явно, что тайнымъ наставникомъ твоимъ въ совершеніи сей службы былъ общій всёмъ владыка и создатель, который въ священномъ евангеліи велегласно сказалъ: «всякаго, кто исповѣдаетъ меня предъ человѣками, и я исповѣдую предъ Отцемъ моимъ небеснымъ». Да! не при однихъ людяхъ, и не при однихъ ангелахъ, но и при возрѣніи самого Богочеловѣка, присутствовавшаго при настоящей побѣдѣ, воздвигнуть памятникъ торжества надъ всѣми ересями свободною волею и рукою съ некрешною надписью на немъ, и исповѣдана, утвержденная не какъ прежде, тайна благочестія. Да и совѣтникомъ тебѣ

Ναὶ δὴ καὶ σύμβουλος ἐκεῖνος ἦν σοὶ, ὁ τῶν οὐρανίων κλειδοῦχος πυλῶν καὶ τῆς πίστεως πέτρα καὶ ἱεμελίον ὑπὸ τῆς Ἀληθείας ἀναβήτης, Πέτρος ἐκεῖνος ὁ κορυφαῖος τῶν μαθητῶν, ὃδε πως τῆς σῆς καρδίας

былъ тотъ, кого сама Истина назвала ключаремъ небесныхъ вратъ, и камнемъ и основаніемъ Вѣры, Петръ верховный ученикъ ея. Онъ внушилъ сердцу твоему, «быть готовымъ дать отвѣтъ всякому, требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльности вѣры твоей!»).

1) 1 Петр. 3, 15.

ἐνηχῶν τοῖς ὡσὶν ἔτοιμον εἶναι πρὸς ἀπολογίαὺν ἱερολογεῖν παντὶ τῷ αἰτοῦντι λόγον περὶ τῆς ἐν σοὶ καθαρῳτάτης καὶ ἀκιβδήλας πίστεως. Ἐλαβες τὴν συμβουλήν ἐν ψυχῇ ὠδινήσας τὴν μελέτην οὐκ ἀνέμεινας τὸν ἐπερωτῶντα, ἀλλ' ἅμα τελεσφορησθεῖσαν ἐγnows, καὶ εἰς φῶς προσηγαγες τὴν ἐργασίαν ταύτην, τὴν ὡς ἀληθῶς θεοφιλῆ, ἄξιον τῶν σπερμάτων πᾶσι ἐπιδείξας τὸν καρπὸν, πίστιν κηρύσσαν καὶ γράφων ἑρῳῶς, καὶ τὰς αἱρέσεις πᾶσας εἰς ἄδου πέταυρον κατασπῶν. Τοῦτο τῶν, ὅποσα γῆς καὶ θαλάσσης εἰς ἡμέρον διαμονὴν καὶ βίον ἀκύμονα βασιλικαὶ φροντίδες τῇ πολιτείᾳ χρηματίζουσι, ὅσω ψυχὴ σώματος, καὶ σελήνης ἥλιος, καὶ τῶν κατὰ τὴν αἴσθησιν ἀντιλήψεων ἢ κατὰ νοῦν θεωρία προανέστηκεν, ἐπὶ τοσούτω μέτρῳ τούτων ἀπάντων φέρει τὰ νικητήρια. Οὕτω λαμπροτάταις καὶ καινοπρεπέσι τῆς ἑυσεβείας ἐπιβολαῖς εἰς ὁμοίας πράξεις τὸ βούλημα ἠνεγκας· καὶ γλῶσσα νῦν πᾶσα μελέτην ἔχει τὰ σὰ διηγῆματα.

А ты принялъ совѣтъ его всею душею и всѣмъ разумнѣемъ. не потерялъ ни чьихъ возраженій, но какъ только дозналъ успѣшность предпріятія, тотчасъ осуществилъ оное, какъ истинно-боголюбозное, всѣмъ показавъ достойный плодъ сѣмянъ, написавъ и провозгласивъ правое Вѣроисповѣданіе, и всѣ ереси шугнувъ на насѣсть ада. Это дѣланіе твое настолько превосходитъ всѣ прочія царскія заботы, кои съ суши и моря доставляютъ гражданамъ всѣ удобства безмятежной жизни, насколько душа превосходитъ тѣло, солнце луну, умозрѣніе чувственыя понятія. Такимъ образомъ воля твоя, просвѣщенная яркимъ и новоблаголѣпнымъ свѣтомъ благочестія, перешла въ дѣло; и теперь всякому языку есть что говорить о твоей доблести. Тотъ великій Моисей, тотъ рабъ Божій, который многими язвами поразилъ Египеть, превращая всѣ стихіи въ бичи, который гнѣшествовалъ по морю. и молитвою и словомъ пахалъ облака. какъ поля, и оттуда подавалъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустынѣ, этотъ Моисей, видя народъ свой, который онъ воспитывалъ какъ дѣтя, и въ пользу котораго все дѣлалъ, видя, какъ онъ впалъ въ идолопоклонство, не перенесъ кротко этого случая, но тотчасъ возсталъ, и желая остано вить потокъ зла, обогрилъ

мечъ свой кровію не малой части народа, и уменьшивъ число его, спасъ остальныхъ отъ заблужденія; и было совершено имъ спасеніе остатка обреченіемъ одноплеменниковъ на смерть: закланіе же ихъ произвело переворотъ. Но ученикъ Христовъ, не погубленіемъ одноплеменниковъ, и не ка-

кую нѣбудь часть ихъ избавилъ отъ пагубы, а употребленіемъ самаго нечестія всецѣло спасъ всѣхъ подданныхъ: нечестію нанесъ онъ пораженіе перомъ, а подданныхъ сдѣлалъ незаразными. — Тотъ Финеесъ, который умертвилъ Израиллянина вмѣстѣ съ Мадиамлянкою, остановилъ язву, истреблявшую весь народъ: но и онъ не былъ чистъ отъ единоплеменной крови, и ежели спасъ тѣхъ, за которыхъ поборалъ, то спасъ отъ гибели тѣлесной. А нашъ Финеесъ, не поустивъ злу утвердиться, не обагривъ рукъ въ одноплеменной крови, мужественно истребилъ заразу не тѣла, а душъ, и царски избавилъ весь людъ отъ всякаго заблужденія и гибели. — Давидъ, какъ царь, лучше идетъ въ примѣръ. Онъ убіеніемъ одного иноплеменника спасъ весь единоплеменный народъ свой отъ плѣна, ранъ и меча враговъ: но и здѣсь видна помощь тѣлу; притомъ онъ, убивъ одного и оставивъ многихъ иноплеменниковъ, у которыхъ была непримиримая вражда съ Израилемъ, навелъ тѣнь на блестящую побѣду свою, предоставивъ врагамъ надежду выиграть когда нѣбудь сраженіе: отъ того и побѣдоносное воинство не столько радовалось послѣдствіямъ побѣды его, сколько боялось и трепетало за будущность. А нашъ царь не противъ одной странной ереси взялъ въ десницу крестный мечъ, и не малую доставилъ радость о побѣдѣ, не оставивъ врагамъ и тѣни надежды вновь начать борьбу, но сразивъ всѣ полчища ихъ, какъ мужественный воинъ, даровалъ всей полнотѣ Церкви глубокой и нерушимый миръ, а всему царству единомудріе и единомысліе.

VI. Счастливъ Царь градъ, воздвигній приенпомятныи всѣмъ поколѣніямъ столпъ въ память православія благочестивѣйшихъ и побѣдоносныхъ парей нашихъ, Михаила и Василія! Блаженны и трблаженны и вы,

Ἐυδαίμονες δὲ ἄρα καὶ τρι-
σμάκαρες καὶ ὑμεῖς, ὁ τῶν Πα-
τριχίων χορὸς, ἡ τιμία πολιὰ
καὶ αἰδέσιμος, σὺν τηλικούτοις
στρατηγοῖς καὶ ταξιάρχοις, καὶ
κατὰ τηλικούτων καὶ τοσοῦτων
αἰρέσεων συνεστρατηγηκότες
καὶ συνταξιαρχῆσαι λογάδες γι-
νόμενοι, καὶ τοὺς ἱερούς τούτους

Патрициі, украшенные почтенными и до-
стоуважаемыми сѣдинами, и вы полковод-
цы и военачальники, вмѣстѣ ополчавшіеся
и ратовавшіе противъ такихъ и столькихъ
ересей, и совершившіе священные и бого-
угодные подвиги! А вы, священный ликъ
іереевъ и архіереевъ, почто такъ, молча,
стали (здѣсь), и какъ бы перелитые чрезвы-

καὶ θείας ἀλλοῦς συνδιενέγκαντες! Ὑμεῖς δὲ, ὡ ἱερέων καὶ ἀρχιερέων ἱερὸν ἄξιωμα, τί οὕτω σιγῶντες ἐστήκατε, καὶ ὡσπερ ὑπὸ τῆς ἀγαν ἠδονῆς καὶ χαρᾶς διαχυθέντες, τοῖς ἐκπεπληγμένοις καὶ ἐξεστηκόσι εἰσίκατε, πρὸς οὐδὲν ἕτερον, ἀλλ' ἢ πρὸς αὐτὴν τῶν ἔργων φαιδρότητα ὄμμα τε καὶ αὐτὴν ἐναπερείσαντες τὴν διάνοιαν. Ἐν ἴσῳ μὲν γὰρ πέφυκε λύπης μέγεθος καὶ χαρᾶς, καὶ ἐκ διαμέτρου ἐστήκασι, οἷς ἂν ἐπιστῶσι τὴν αὐτὴν διάθεσιν ἀπεργάζεσθαι. Ἀλλὰ ῥηξατε φωνὴν ἀξίαν τῆς πανηγύρεως, καὶ τὸν θεοπάτορα Δαβὶδ τοῦ ἡμετέρου χοροῦ προστησάμενοι, τορόν τι καὶ διαπρύσιον ἐκβοήσατε. «Ἐντεινε καὶ κατευοδοῦ καὶ βασιλεὺς δυὰς ἀξίεραστε, ἐν ἣ τῆς Τριάδος ἡ χάρις ἐγκατοικίζεται, ἐντεινε καὶ κατευοδοῦ καὶ βασιλεὺς ἐνεκεν ἀληθείας καὶ πραότητος καὶ δικαιοσύνης». Ἀμήν.

чайною радостію и усладю, уподобились пораженнымъ и изумленнымъ, вперивъ взоры и мысли ваши въ самый блескъ дѣяній? Вѣдь тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость, хотя оба эти чувства совершенно противоположны. Проговорите же достойно торжества и съ Богоотцемъ Давидомъ, какъ съ предстоятелемъ нашего лика, скажите слово громовое и молніеносное: «напрягись и успѣвай и царствуй достолюбимая двоица царей, въ которой обитаетъ благодать Троицы, напрягись и успѣвай, и царствуй ради истины кротко и правосудно». (Псал. 44, 5.) Аминь.

РАЗСУЖДЕНИЕ

0

ЧЕТЫРЕХЪ БЕСѢДАХЪ ФОТІЯ,

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Фотій, сынъ патриція Сергія и супруги его Ирины, родственникъ царицы Теодоры, матери Михаила III, исповѣдникъ Православія, ученѣйшій мужъ своего времени, которому Богъ далъ самый свѣтлый умъ, богатый, знаменитый, неженатый, набожный и благонравный, въ домѣ любитель наукъ и преподаватель ихъ роднымъ и чужимъ, и душа собиравшагося у него отборнаго общества, въ государствѣ сперва посланникъ къ Багдатскому Халифу Мотазэму, потомъ первый меченосецъ и государственный секретарь при царѣ Теофилѣ (до 840 года), а по смерти его, во время малолѣтства наследника престола Михаила III, председатель государственнаго Совѣта, Фотій, которому свыше суждено было совершить дѣла міровыя въ санѣ духовномъ и не знать покоя до конца продолжительной жизни, избранъ былъ волею государя, сената и духовенства, на патриаршество въ Константинополь, и возведенъ на кафедру вселенскихъ учителей, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, въ 857 году отъ рождества Христова, и святительствовалъ до 869 года. Въ теченіи сего времени онъ, какъ ревностный пастырь Церкви, содѣйствовалъ двумъ Государямъ, Михаилу и Василію, въ восстановленіи иконопочитанія, пріостановленнаго многочисленными иконоборцами потаенными, и въ воссоединеніи всѣхъ въ государствѣ еретиковъ съ православно-каеоллическою Церковію, и въ храмѣ св. Софіи часто говорилъ бесѣды христоименитому народу, иногда въ присутствіи царей.

Изъ числа бесѣдъ его краснорѣчиваго витія уцѣлѣли только шестнадцать, да и тѣ извѣстны однимъ ученымъ мужамъ лишь по оглавленіямъ ихъ, потому что онѣ никогда не были напечатаны всѣ сполна, кромѣ двухъ помѣщенныхъ въ новѣйшемъ изданіи всѣхъ твореній Фотія, которое сдѣлалъ аббатъ Минь¹⁾ и потому что никто не переводилъ ихъ ни на какой языкъ. Я нашелъ ихъ въ богатой рукописи бібліотекѣ Аеоноиверскаго монастыря, и весьма обрадовался этой находкѣ. Это было въ 28 день декабря мѣсяца 1858 года. Тамъ онѣ помѣщены въ особой книгѣ, написанной на бумагѣ, въ листъ, 26-го іюля мѣсяца 1628 года въ день субботній: а книга эта, принадлежавшая Константинопольскому патриарху Діонисію, содержитъ два посланія Фотія къ Римскому папѣ Нян-

1) Одна бесѣда въ день рождества пресв. Богородицы, а другая при освященіи дворцовой церкви. Patrolog. curs. complet. T. CII. 1860.

колаю и одно посланіе къ Антиохійской церкви, семнадцать правилъ святаго и великаго Собора, бывшаго при Фотіѣ въ храмѣ святыхъ апостоловъ, шестнадцать бесѣдъ сего патріарха, и его же 275 писемъ къ разнымъ лицамъ, сочиненіе подъ названіемъ Амфилохія, и два разсужденія о тѣлѣ и душѣ. Бесѣды Фотія заняли все вниманіе мое, какъ невѣдомыя рѣдкости. Съ жадностію я прочелъ двѣ первыя изъ нихъ, а когда на третьей и четвертой увидѣлъ надписи, — первая бесѣда по случаю нашествія Россовъ, вторая бесѣда по тому же случаю; тогда пришелъ въ такой восторгъ, что все существо мое взыграло отъ радости. И было чему радоваться! Вѣдь мнѣ, искавшему многолѣтнихъ перловъ на Востоцкѣ, попались два брилліанта, о которыхъ рѣдо кто зналъ, а многіе, весьма многіе и не слышавшіе, и которые я желалъ найти, и желалъ такъ, что послѣ открытія ихъ не захотѣлъ бы и слыть болѣе счастливою случайностію. Обѣ эти бесѣды тотчасъ были переписаны мною съ точностію, а находившійся при мнѣ живописецъ отподобилъ почеркъ ихъ на прозрачной бумагѣ. По окончаніи этой пріятнѣйшей работы, я прочелъ остальные бесѣды сладчайшаго мнѣ Фотія, и изъ нихъ выбралъ и переписалъ еще двѣ, о почитаніи иконъ, и объ искорененіи всѣхъ ересей въ Византійскомъ царствѣ. Эти четыре бесѣды весьма важны во многихъ отношеніяхъ. Говорю о нихъ, что нужно.

Первая и вторая бесѣда Фотія по случаю нашествія Россовъ суть первыя страницы нашей исторіи, первыя краткія сказанія о вѣрѣ и народности отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ, о военной силѣ ихъ на сушѣ и на морѣ, о замыслахъ, отвагѣ, славлѣ и о сношеніяхъ съ Царьградомъ, сказанія современника, который видѣлъ Россовъ въ лицѣ, слышалъ ихъ бранные крики, оправдывалъ ихъ нашествіе, оплакивалъ гибель Царьграда отъ ихъ кровавой мести, и былъ свидѣтелемъ ихъ отступленія послѣ чуда отъ ризы Богоматери. Фотій говорилъ о нихъ въ храмѣ святой Софїи предъ лицемъ Бога, карающаго и милующаго народы, говорилъ справедливо, не щадя своихъ, рыдая и молясь. По сему надобно вѣрнѣе словамъ его, какъ самой истинѣ. А подробности сказанія его о благословной причинѣ нашествія Россовъ, о самомъ походѣ и страшной мести ихъ, эти подробности, которыхъ мы не знали до сей поры, должны быть внесены въ исторію Россійскаго государства и въ учебники, дабы ихъ зналъ каждый изъ насъ, и ублажалъ бы память Фотія, этого вѣгліи и святилея, который, первый, сказалъ о Росссахъ слово справедливое, сильное, огненное, первый, чудомъ доказалъ имъ, какъ всемогущъ тотъ Богъ живый, которому поклоняются христіане, и, первый, крестилъ ихъ во имя св. Троицы посредствомъ посланнаго къ нимъ епископа¹⁾). Перечисляю

1) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ Церквамъ пишетъ о Росссахъ: «теперь и сами они перемѣнили нечестивое языческое суевѣріе на чистую христіанскую вѣру, и принявъ епископа и учителя ведутъ себя, какъ послушные сыны и друзья.»

всѣ эти подробности, не вдаваясь въ ученія изслѣдованія о Росссахъ, и съ точностію повторя только то, что говорилъ самъ Фотій.

1. Онъ, въ первой бесѣдѣ своей, раззорителей Константинополя назвавъ Склоамп, но подъ ними разумѣлъ Росссовъ, обитавшихъ въ отдаленнѣйшей странѣ: сѣверной. Это доказывается, во первыхъ, надписями на обѣихъ бесѣдахъ его, въ которыхъ (надписяхъ) читается названіе ΡΩС, и которыя съ этимъ же названіемъ напечатаны и аббатомъ Мннемъ въ его изданіи всѣхъ твореній Фотія, во вторыхъ, такими выраженіями его, кои невольно заставляютъ читателя помѣщать современныхъ ему Росссовъ въ древнихъ предѣлахъ нашего отечества, отъ Кіева и Львова до Новгорода. Сопоставляю эти выраженія. — Въ самомъ началѣ первой бесѣды народъ, подступившій къ Константинополю, названъ *ουσιστηρμιγμ*, *ὁ πειρβόριος*, то есть, такимъ, который жилъ на самомъ далекомъ отъ Царьграда сѣверѣ. Въ концѣ перваго отдѣленія этой же бесѣды о немъ сказано: «*народъ сей дошнулся съ сѣвера . . . устремился съ конца земли. . . ἐξείρψεν ἀπὸ βορρῆας, ἐξηγήρσθη ἀπὸ ἐσχάτου τῆς γῆς*. Хотя слова эти заимствованы Фотіемъ изъ пророчества Іереміи, разумѣваго Халдеевъ, но заимствованы потому, что онѣ, какъ нельзя лучше, обозначали ему ту сѣверную, землеконечную страну, изъ которой пришла рать губить Константинополь. Эта страна, по указанію сего витія, *отдѣлена была отъ Византійскаго царства нѣсколькими областями и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями: χώραις πόσσις, ἐναρχαίς τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ ληνήροις πελάγεσιν τῶν ἐπελασάντων διειργόμενα*¹⁾. Явно, что Фотій помѣщалъ ее выше морей Чернаго и Азовскаго, выше рѣкъ, Дона, Дуная, Днѣстра и Днѣпра, на которыхъ судоходство было извѣстно ему, и выше нѣсколькихъ прилежащихъ къ нимъ областей, тогда разноплеменныхъ и независимыхъ одна отъ другой. Во второй бесѣдѣ этотъ витія, описывая народъ, высланный рать свою въ Константинополь, выразился, что онъ живетъ *идь то водаи, ἐξῶς πέρβω που τῆς ἡμῶν ἀποικισμένον*²⁾. Это неопредѣленное выраженіе доказываетъ, что мѣстопробываніе сего народа было такъ далеко и такъ мало извѣдано, что самъ Фотій не зналъ, какъ опредѣлить его, вѣдая только то, что оно гораздо выше двухъ морей, нѣсколькихъ рѣкъ и странъ дальносѣверныхъ. — И такъ въ самыхъ бесѣдахъ его заключаются неоспоримыя доказательства того, что Константинополь въ дни сего патріарха былъ осажденъ Росссами, и что этотъ народъ, высланный туда рать свою, какъ увидимъ, на военныхъ корабляхъ по Черному морю, жилъ въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ сѣвера, на концѣ земли, по мнѣ, въ Кіевѣ, Львовѣ и Новгородѣ.

2. Изъ первой бесѣды Фотія видно, что Росссы извѣстны были въ Константинополѣ до нашествія ихъ туда. Нѣкоторые изъ нихъ тамъ жили по торговымъ дѣламъ своимъ, держали молотильнициковъ, или провѣвальщиковъ хлѣбнаго зерна, и частнымъ лицамъ, а вѣроятнѣе правительству, должны были что-то малое, ничтожное³⁾. Горькіе упреки Фотія, — «почему

1) Смотри IV отдѣл. 1-й бесѣды.

2) Смотри III отдѣл.

3) Смотри отдѣл. I.

ты острое копье друзей твоихъ презиралъ, какъ бы малокрѣпкое, а на естественное сродство плевалъ, и вспомогательные союзы расторгалъ»¹⁾, — эти упреки намекаютъ даже на политическія и дружескія сношенія Византійскихъ Грековъ съ Россами ранѣе осады Константинополя, и на ихъ обоюдные браки, но, кажется, безъ вѣнчанія Гречанокъ, вступавшихъ въ Россію семейства по закону естественному, вѣроятно, подъ условіемъ неприкосновенности христіанской вѣры ихъ. Ужели эти упреки, въ связи съ предыдущими и послѣдующими обличеніями Византійцевъ въ безнравственности, надобно понимать въ иносказательномъ смыслѣ, и разумѣть на примѣръ, что Цареградцы преданность друзей презирали, на родство плевали, помощь (чью?) отвергали, или никому не помогали? Я не вижу тутъ никакого иносказанія. Фотій говоритъ прямо, что *союзы помощи были расторгаемы* Византійцами, а не отвергаемы, и что у союзниковъ, друзей и родственниковъ по естеству, было острое копье, которое считалось малокрѣпкимъ, хотя оно очень крѣпко, какъ это доказалъ опытъ. Такія выраженія внушаютъ ту самую мысль, которую высказалъ я выше. А если онѣ излились вмѣстѣ съ укоризнами въ безнравственности, то излились весьма кстати, потому что нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ политическое презрѣніе сильнаго къ слабому и вѣроломство. Притомъ не забудемъ, что Фотій, говоря первую бесѣду безъ приготовления, волновался сильнѣмъ негодованіемъ на несправедливые и жестокіе поступки Византійцевъ съ Россами, и потому выражалъ это негодованіе всякій разъ, какъ только припоминалъ эти поступки.

3. Читая объ бесѣды его внимательно и разсудительно, понимаешь, что Россы не съ неба упали тогда, когда увидѣлъ ихъ Константинополь, а пришли изъ дальнѣйшей страны, гдѣ жили давно, какъ народъ, имѣвшій свое начальство, войско, корабли, и знакомый Византійскимъ Грекамъ. Фотій хорошо зналъ ихъ до нашествія. Это видно изъ того подробнаго и вѣрнаго описанія ихъ которое содержится въ третьемъ отдѣленіи второй бесѣды его. Разсмотримъ тутъ каждое выраженіе.

Ἔθνος ἀφανές, ἔθνος ἀναρίστμιον, ἔθνος ἐν ἀνδραπόδοις ταπτόμενον, ἄγνωστον²⁾ μὲν, ἀλλ' ἀπὸ τῆς κατ' ἡμᾶς στρατείας ὄνομα λαβὼν, καὶ ἄσημον μὲν, ἀλλ' ἐπίσημον γεγενηνός, ταπεινὸν καὶ ἠτορμημένον ἀλλ' εἰς ὑψομα λαμπρὸν καὶ πλοῦτον ἄπλητον ἀναβεβηκότος, ἔθνος . . . βαρβαρικόν, νομαδικόν, τὸ θράσος ἔχον εἰς ὄπλα, ἀφύλακτον, ἀνεξέλεγκτον . . . ἐξεχούσῃ τοῖς ὄροις ἡμῶν

Народъ ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, народъ считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но приобрутившій себѣ славу со времени похода къ намъ, не значительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несметное, народъ варварскій, кочевый, гордящійся оружіемъ, не имѣющій стражи, неукоризненный, нахлынуль на предѣлы наши.

— Къ Константинополю подступилъ народъ *ничѣмъ не заявившій себя*, ни науками, ни

1) . . . καὶ φίλων μὲν σπορὴν μικροῦ παρέβλεπες λήματος, συγγενείας δὲ φύσιν διέπτυσες, καὶ θεομοῦς βοηθείας ἐββήγγυσες; — Отдѣл. II въ 1 бесѣдѣ.

2) ἄγνωστος, sans nom, sans gloire. — Dictionnaire Grec-Français par Planche. Paris. 1824.

искуствами, ни изобрѣтвеніями. Такъ точно. Однако онъ существовалъ, и Греки знали, что онъ ничѣмъ не отличился;

— подступилъ *народъ непочетный*. Такъ точно. Онъ не имѣлъ того политическаго почета, какой тогда имѣли Латины, Персы, Аравитяне, сами Греки, однако существовалъ и слылъ непочетнымъ.

— подступилъ *народъ считаеый наравнѣ съ рабами*. Итакъ Византійскимъ Грекамъ и Фотію извѣстно было даже рабство тѣхъ племенъ, надъ которыми господствовали Россы, эти отважные Япетиты, свѣше предназначенные къ дѣламъ міровымъ, и изъ которыхъ они набрали себѣ земское войско ¹⁾.

— Къ Константинополю пришелъ *народъ неизменный, но приобрѣлъ себѣ славу со времени похода туда*. Громко же оповѣстили себя Европѣ Россы, *которыя презирала блестящая по виду и необоримая по силѣ Византія, и которыя прежде усмирала самая молва о ней*²⁾.

— Византію осадилъ *народъ незначительный*, но съ той поры *помучилъ значеніе*, то есть, увеличилъ свой политическій вѣсъ;

— осадилъ *народъ смиренный и бѣдный, но тутъ же достигъ высоты блистательной, и нажилъ богатство несметное*. И было гдѣ нажится! Было надъ кѣмъ возвыситься! Въ предмѣстіяхъ Царьграда, расположенныхъ вдоль всего Босфора по обѣ стороны этого очаровательнаго пролива, куда на лѣто уѣзжали богачи, и гдѣ было много церквей и монастырей, Россамъ досталось величайшее богатство, которое, какъ видно изъ словъ Фотія, они увезли съ собою, дорожа имъ болѣе, чѣмъ тою славою, которая въ этотъ разъ превознесла ихъ выше именитыхъ Грековъ.

— Этихъ Россовъ Фотій огласилъ народомъ *варварскимъ*, какъ Еллинъ, называвшій варваромъ всякаго чужестранца, говорившаго непонятнымъ ему языкомъ;

— огласилъ народомъ *кочевымъ*, какъ риторъ, которому по правиламъ риторики иногда позволительно ставить на видъ часть пѣлаго, какъ бы она была все цѣлое. Видно, онъ зналъ, что въ его время нѣкоторыя кочевыя племена повиновались Россамъ, которые имѣли свои торговые дома въ Константинополѣ, и свои военные корабли, слѣдовательно были люди не кочующіе. Это свѣдѣніе очень важно для насъ. Принявъ его отъ такого писателя, каковъ Фотій, который въ своемъ посланіи къ восточнымъ епископамъ (866 год.) называлъ Россовъ побѣдителями сосѣднихъ народовъ, мы должны крѣпко подумать, во первыхъ, о занятіи Кіева Оскольдомъ, Кіева, который, переставъ тогда платить дань Хазарамъ, могъ удержать за собою нѣсколько вежъ ихъ въ нынѣшнихъ областяхъ, Кіевской и Черниговской³⁾, во вторыхъ, о тѣхъ воинственныхъ Куманахъ, которые кочевали въ Эксѡпонтѣ (нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи), но были подвластны Россамъ, даже назывались Куманы-Росъ, подчинялись Кіевскимъ намѣстникамъ и воеводамъ Рюрика, Аскольду и Диру, какъ своимъ

1) Отдѣл. V перв. бесѣды. «О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою! не обученное и набранное изъ рабовъ.»

2) Смотр. II отдѣл. 2-я бесѣды.

3) Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго положительно сказалъ, что Русскіе князи брали дань съ Хазаровъ. — Издан. К. Оболен. Москва 1851, стран. 5.

князьямъ, и съ ними намѣревались идти къ Царьграду даже при Василіи Македонскомъ; «но, какъ говорить лѣтописецъ, *возбрани имъ Божій промыслъ*. По мнѣ, эти кочевые Хазары и Куманы находились въ составѣ того войска, котое при Фотіи осаждало Константинополь, находились, какъ подданные Россовъ; и потому патріархъ этотъ, говоря о семъ послѣднемъ народѣ, упомянулъ о подвѣдомыхъ ему кочевьяхъ.

— Остальныя черты Росской народности, схваченныя и нарисованныя Фотіемъ съ точною вѣрностію, доказываютъ, что онъ имѣлъ подробныя понятія о Росссахъ до нашествія ихъ. По описанію его, этотъ народъ *гордился своимъ оружіемъ*, своимъ острымъ копьемъ, которое Византіицы напрасно считали малокурьбнымъ, своимъ мечамъ, которыми онъ потрясалъ и грозилъ, плывя на корабляхъ вдоль Византійскаго Босфора ¹⁾, своимъ стрѣлами, кои онъ несъ съ конца земли ²⁾. Но этотъ же народъ, грозный и немилующій враговъ своихъ, котораго голосъ подобился шуму моря ³⁾, у себя, дома, по увѣренію Фотія, *не имѣлъ стражи*. Никто тамъ не стерегъ его. Стало быть, онъ извѣстенъ былъ въ Византіи, какъ народъ смиренный и покорный властямъ своимъ. И это — суцая правда. Намъ извѣстно, что уже послѣ Фотія Олегъ началъ строить города по всей Руси, и ставить въ нихъ военную стражу. Но вотъ послѣдняя черта, которою Фотій придалъ тогдашнимъ Росссамъ благообразіе завидное и теперь. Это былъ *народъ неукоризненный*. Теперь припомнимъ тѣхъ подвластныхъ Росссамъ Славянъ, которые были кротки и тихи обычаемъ, и у которыхъ жены были стыдливы, бракъ почитаемъ былъ священнымъ, миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ ⁴⁾; припомнимъ это, и вслушавшись въ похвалу Фотія современному съ нимъ Росо-Славянскому народу, имѣвшему тогда неправильное понятіе о Божествѣ ⁵⁾, спросимъ себя самихъ: таковы ли мы теперь? О святѣйшій Фотій моли Бога о насъ!

Бесѣды Фотія о Росссахъ и первыя страницы лѣтописи преподобнаго Нестора поясняютъ себя взаимно. Эти бесѣды понудятъ насъ открыть слѣды Росскаго народа въ обширномъ просторѣ древнихъ временъ, минувшихъ гораздо ранѣе нападенія его на Константинополь, о которомъ одна молва, какъ говорилъ Фотій, прежде усмирjala сей народъ. Теперь намъ придется вновь пересмотрѣть и обсудить все, что сказано было о Росссахъ древними писателями и даже 70 толковникамъ, которые въ греческомъ переводѣ Библіи удержали названіе РѠС, какъ я думаю, не произвольно, а потому что слышали о существованіи Россовъ около Кавказа и выше; придется принять въ соображеніе старинное названіе Волги, РАС, постараться прочесть Сибирскія надписи, пока не разгаданныя, и сличить ихъ съ надписями Расеновъ и Этрусковъ, жившихъ въ Италіи и говорившихъ языкомъ сроднымъ съ нарѣчіями Япето-Семитическимъ (sic); придется прослѣдить тѣ русла, по которымъ въ Славяно-Россійскій языкъ втекли слова Еллинскія, Латинскія, Германскія и Япето-Семитическія; придется провести

1) Смотри V отдѣл. 2-ой бесѣды.

2) Смотри I отдѣл. 1-й бесѣды.

3) Тутъ же.

4) Истор. Рос. Госуд. Карамз. Т. I, стран. 68. Издан. 1-е.

5) Смотри VII отдѣл. 2-й бесѣды: «проче народы, у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно. . .»

разграничительную линию между Вѣрою Россвъ-Япетитовъ и между Славою¹⁾ = (религію) Ионовъ, или Явановъ-Пеласговъ, которую приняли отъ нихъ при-Дунайскіе и при-Карпатскіе туземцы, и потому назвались Славъ-Ионами, то есть, послѣдователями Славы =

религіи Ионовъ; придется вникнуть въ старинное столкновение оной Вѣры и этой Славы, и открыть причины слабости первой и перерождения второй въ христіанское *Православіе* въ Кіевѣ и Новгородѣ въ слѣдствіе прежняго многовѣковаго тяготѣнія Славіонскихъ племенъ къ Востоку, откуда получена была ими первая Слава, хотя и бѣсовская; придется лучше понять *Варяжство*, то есть торговое *товарищество*²⁾ Россвъ, овладѣвавшихъ рыбьими дорогами отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго и присѣданными тутъ племенами, включительно съ Росо-Влахією, овладѣвавшихъ безъ шума, мирно, съ помощію мамоны, какъ овладѣвали почти всѣмъ свѣтомъ Финикіянне, какъ овладѣли Индією Англичане; однимъ словомъ, придется освѣтить начало Россійскаго государства. Особенныя историческія убѣждения мои въ этомъ родѣ будутъ изложены при критическомъ изданіи подлинныхъ бесѣдъ Фотія о Россахъ, которые были не Славяне, не Нѣмцы, не Норманны, а Япетиты, и до перехода изъ Азіи въ Европу, и по переходѣ туда, долго говорили языкомъ близкимъ къ нарѣчіямъ Семитическимъ, и писали, такъ на примѣръ: І҆ᲠᲪᲚ ᲠᲚᲗᲚ ᲠᲚᲗᲚ ᲠᲚᲗᲚ ᲠᲚᲗᲚ ᲠᲚᲗᲚ
= ани эношь. эшта ла ба бри: я мужъ, жена не пришла свѣтитъ. А теперь мнѣ надобно продолжать разсужденіе о самыхъ бесѣдахъ этихъ и содержащихся въ нихъ историческихъ быльяхъ.

4. «Россій народъ, котораго усмирля самая молва о Византійскихъ грекахъ, поднявъ оружіе противъ державы ихъ, и ударилъ въ ладоши, надѣясь взять Константинополь, какъ птичье гнѣздо³⁾.» Какая же была причина возстанія и нападенія его на этотъ седмиколенный городъ, защищенный природою и искусствомъ? И что окрыляло такую надежду его? — Византійскіе греки умертвили нѣсколькихъ Россвъ, которые должны были имъ что-то малое, ничтожное⁴⁾. Вотъ причина войны! Россы надѣялись, что жестокая неправда Грековъ будетъ наказана Небомъ. Вотъ сила ихъ надежды! Но выслушаемъ это отъ самаго Фотія. Онъ говоритъ: «Эти варвары справедливо разсвирѣѣли за умертвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію.» Довольно! Коротко и

1) Реченіе, Слава, древле употреблялось въ значеніи Религіи. Это видно, напримѣръ, изъ выраженія: *Слава бтсовская*, т. е. идолослуженіе, выдуманное бѣсами. Да и нынѣ, когда мы произносимъ слово, *Православіе*, соединяемъ съ нимъ понятіе о религіи.

2) Въ словѣ, *товарищество*, звучитъ слово *варяжство*.

3) Смотри II отдѣл. 2-й бесѣды.

4) Смотри I отдѣл. 1-й бесѣды, и сличь въ VII отдѣл. 2-й бесѣды слова Фотія: «Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда неразумная ярость овладѣваетъ самодержавнымъ умомъ и склоняетъ его убить ближняго, который, быть можетъ, не сдѣлалъ никакой неправды?» Въ этихъ словахъ есть сильный намекъ на то, что Россіе купцы умерщвлены были по приказанію самодержца Михаила. А ежели онъ приказалъ убить ихъ, стало быть, эти несчастные должны были что-то малое правительству его, а не частнымъ лицамъ.

ясно! Теперь мы знаемъ законную причину войны Россовъ съ Византіяцами въ дни Фотія: посмотримъ же, какъ они начали и кончили ее.

5. «Походъ ихъ схи́трень былъ такъ, что и молва не успѣла извѣстити о немъ Византіяцевъ, дабы могъ кто либо изъ нихъ подумать о безопасности, и они услышали о Россахъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и отдѣляясь отъ нихъ многими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями.» Βαρβάρων ἀπιστος δρόμος οὐκ ἔδαμε τῆ φήμῃ καὶρὸν ἀγγελίας, ὡς ἂν τίς ἀσφάλεια περινοεῖσθῆι, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχεν ἡ θεὰ τὴν ἀκοήν, καίτι καὶ χώρας πόσαις, ἐναρχίαις τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεισι τῶν ἐπελασάντων διειργόμεθα. Выслушавъ это, всякій невольно спроситъ: какъ можно было затанъ походъ многочисленнаго войска, посаженнаго на корабли и спустившагося по рѣкамъ изъ отдаленной страны? Какъ не узнали объ этомъ Греки, жившіе тогда въ городахъ Тавриды и Зикхія, въ Херсонесѣ, Символонѣ (Балаклавѣ), Сугдеѣ, Θεοδοσίῃ, Фулахъ, Пантикапелѣ, Фанагоріи? Какъ не оповѣстили это Хазары, кочевавшіе на берегахъ Днѣпра? Какъ проглядѣли это Болгары и Скиѣы, населявшіе устья Дуная? Какъ незамѣтили Росскаго флота греческія суда, непрестанно плававшія по Черному морю вдоль и поперекъ? Вѣдь, не подъ водою же проплыли, и не по небу же пролетѣли корабли и полщица Россовъ? Какъ же это могло статься? И я задавалъ себѣ эти вопросы, и долго не умѣлъ отвѣчать на нихъ. Но наконецъ мнѣ помогло рѣшить ихъ выраженіе точнаго Фотія: ΑΠΙΣΤΟΣ ΔΡΟΜΟΣ, путь невѣрный, лоходъ схи́треньный. Россы плыли путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямимъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ. Таковъ смыслъ и такова сила этого выраженія! Посему я полагаю, что корабли ихъ съ вооруженными воинами, какъ это бывало прежде и послѣ, *не естъ, а по частямъ*, спустились по Днѣпру къ Черному морю, и отплыли, частію, къ Трапезунту, частію, къ Синопу, частію, къ устьямъ Дуная, будто для торговли, и въ условленное время соединились и преспокойно вошли въ Константинопольскій проливъ, тогда ничѣмъ и никѣмъ незащищенный. Такъ я объясняю ΑΠΙΣΤΟΝ ΔΡΟΜΟΝ схи́треньный походъ Россовъ. Здѣсь кстати замѣтить, что этимъ смѣлымъ морякамъ, видно, было хорошо знакомо Черное море, и знакомо издавна. Знали они, какъ обмануть зоркость Грековъ, этихъ старыхъ Аргонавтовъ, куда плыть, какъ раздѣлиться, и какъ и когда соединиться при устьѣ Босфора. Audax Japeti genus = отважный родъ Япета!

6. «Тогда море было тихо. Корабли (νῆες) Россовъ, плывъ по Босфору въ виду жителей Константинополя, навѣвали на нихъ что-то свирѣбое и дикое и убійственное. На палубахъ стояли воины въ полномъ вооруженіи, и съ криками грозили городу простертыми мечами своими. А голосъ ихъ подобенъ былъ шуму моря. По обычаю своему они распредѣлили между собою жребіемъ всѣ красивыя предмѣстія и пристани: а большая часть флота и войска окружила твердыни столицы со всѣхъ сторонъ, съ моря и суши. Никто не могъ выдти на поле, потому что вездѣ кругомъ блистали мечи и копыя Россовъ. Государя не было. Онъ находился далеко за границею своего царства, и съ нимъ бѣдствовало все войско его. Некому было сразиться съ неприятелемъ. Жители дрогнули, и въ ужасѣ не знали, что дѣлать, и только ударилась всѣ въ слезы. Струсили даже и тѣ, кому предоставлено судить о войнѣ.

Міѣнія раздѣлились. Одни судили, что лучше сдать городъ неприятелю, какъ можно скорѣе, дабы избѣжать кровопролитія, а другіе, боясь ожидаемаго переселенія, (*προσδοκώμενη μεταστάσις*) и надѣясь на Божію помощь, рѣшили не сдавать его; иные думали, что выгоды Россовъ заставятъ сохранить богатѣйшую въ мірѣ столицу, хотя бы они и взяли ее приступомъ; нѣкоторые не только трепетали за городъ, не только страшились жестокости неприятеля, котораго раздражить продолжительность осады, но даже самое состраданіе его къ злополучію считали безславіемъ для себя; многіе воображеніемъ придумывали: кто бы долженъ отмстить за нихъ Россамъ. А народъ, волнуемый стоуостою молвою, воображалъ, чего и не было, воображалъ, что неприятели уже перелѣзли черезъ крѣпостныя стѣны и взяли городъ. Между тѣмъ Росская пѣхота правильно повела осаду Константинополя съ суши, насыпая валъ (*χαράκωμα*) и отряжая войновъ подкапывать стѣны. Въ то же время всѣ предмѣстія до самой крѣпости (Лердѣи) пылали, а жители ихъ были истреблены. Гибель этихъ злосчастныхъ христіанъ описана самыми яркими красками Фотія; что я говорю, красками? она описана ихъ кровью. Предоставляю читателямъ понять чувствомъ это описаніе, а самъ стѣшу досказать, что слѣдуетъ. «Славяно-Россы сражали мечемъ всякій возрастъ и полъ *раздѣльно* (*ἰδίᾳ*) и, что всего замѣчательнѣе, трупы мушницъ клали подлѣ мертвыхъ воловъ, тѣла юношей вмѣстѣ съ убитыми конями, а кровь женщинъ смѣшивали съ кровію куриць.» Значитъ, они по требованію своей бѣсовской Славы, приносили ихъ въ жертву богамъ своимъ, мушницъ и воловъ Перуну, или Сварогу, юношей и коней Дажьбогу, женщинъ и куриць богинѣ Ладѣ¹⁾. Иначе, не лзя понять того, что сказалъ очевидный свидѣтель тому Фотій. Но вотъ еще страшная быль, оповѣщенная этимъ свидѣтелемъ. «Отъ неисчетнаго множества труповъ появилась зараза, которая истребляла остальныхъ жителей предмѣстій Константинополя.»

7. Что же тогда происходило въ этой столицѣ, защищенной высокими и крѣпкими стѣнами? Тогда Фотій, исполненный негодованія на виновниковъ величайшаго несчастія, которые умертвили должниковъ своихъ, неукоризненныхъ Россовъ, и сдѣлали своими рабами немногихъ молотильщиковъ хлѣбнаго зерна ихъ, Фотій въ храмъ святой Софіи^{*} грянулъ, какъ громъ, и засверкалъ, какъ молнія. Читайте первую бесѣду его. Она громъ, она молнія, а не слово человѣка! Эта гроза его и общее несчастіе образумили злополучныхъ. «Гордые смирились; сластолюбцы начали постыться; весельчаки и игроки пролили слезы; ростовщики оплевали сребролюбіе и раздавали деньги дѣднымъ; каждый, кто жилъ худо и безпечно, руками и ногами и всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели; всѣ прибѣгли къ Богу, раскаялись въ грѣхахъ своихъ, остепенелись, исправились, и со слезами и воздыханіями на литіяхъ и во время всенощныхъ бдѣній, испрашивали у Бога помилованія. Между тѣмъ Россы довершали свой осадный валъ и раз-

1) Росская княгиня Ольга требовала отъ Древлянъ въ жертву богамъ по три голубя и по три воробья съ каждаго двора. — Греческій царь Константинъ Багрянородный повѣдалъ, что Россы приносили въ жертву земныхъ птицъ. Въ словѣ Христороубца сказано о нихъ: и *куры имъ* (богамъ) *ржуютъ*. По свидѣтельству Льва Діакона Россы *закалали надъ умершими пшутюговъ*. (Лѣтопис. Переяславля Сузда. Москва. 1851. стран. V и VI.)

пятьвали подкапываемыя стѣны. Царица городовъ хотя еще не отведена была въ плѣнъ, но у ней уже плѣнена была надежда спасенія. Ожидалось переселеніе жителей ¹⁾).

8. «Была темная и страшная ночь, въ которую жизнь Цареградцовъ догарала вмѣстѣ съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія ихъ поглощалась глубокимъ мракомъ смерти. Во всю эту ночь они, поднявъ руки къ небу, просили у Бога помплованія, возложивъ на него одного надежду свою, и умоляли Матерь Слова покрыть ихъ покровомъ своимъ, какъ стѣною нерушимою.» Но насталъ день спасенія. Фотій, пламенный богомолецъ и предстатель предъ Богомъ за паству свою, вынесъ изъ церкви ризу Богоматери, и вмѣстѣ съ христоименитымъ народомъ совершилъ крестный ходъ по городу у стѣнъ его, держа эту ризу на рукахъ своихъ. Всѣ молились усердно, слушая сугубия эктении и литіи на опредѣленныхъ мѣстахъ. Когда же этотъ боголюбезнѣйшій святитель съ оною ризою взошелъ на ту стѣну, что противъ непріятельскаго вала и стана, и началъ совершать тутъ крестный ходъ; тогда *осаждающіе непріатели, неостижимо, какъ, обрацали тылъ свой, а валъ ихъ остылъ, какъ по данному знаку.* Какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по этой стѣнѣ, варвары сняли осаду города, и жители его избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія. Тогда Господь воззрѣлъ не на грѣхи ихъ, а на покаяніе, не вспомнилъ беззаконій ихъ, но посмотрѣлъ на сокрушеніе сердецъ ихъ, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ ихъ. Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, не выразимо устрашеніе, но посрамительно и бѣгство ихъ.» И такъ совершилось чудо! Константинополь спасенъ былъ чудомъ! Явно, что Россы отступили отъ твердыни его въ какомъ то паническомъ страхѣ. Послѣ этого понятно, почему они, возвратившись въ Кіевъ, вскорѣ потребовали отъ Фотія крещенія.

Такъ началось и кончилось нападеніе многобожныхъ Россовъ на Константинополь. «Ихъ привелъ туда гнѣвъ ихъ, но за ними слѣдовала милость Божія.» Это слова Фотія. Ихъ возвратила назадъ Божія милость къ христіанамъ; но она же опять привела ихъ къ Фотію просить у него духовнаго свѣта и благодати того Бога-Слова, котораго Матерь смогла удалить ихъ отъ посвященнаго ей города. Припоминая все это, не знаешь чему болѣе удивляться, могуществу ли молитвы и чуду отъ ризы Богоматери, или чудесному обращенію Россовъ въ христіанство. Неисповѣдимы судьбы Вседержителя. Онъ водилъ грозныя полчища Германцовъ къ старому Риму, дабы посредствомъ ихъ наказать тамошній людъ, которій, по выраженію Марсельскаго пресвитера Сальвіана, *умиралъ смѣясь*; но въ этомъ же Римѣ сіи Германцы нашли Спасителя душъ своихъ Христа Бога нашего. Онъ водилъ грозное воинство неукоризненныхъ Россовъ къ новому Риму, дабы посредствомъ ихъ наказать тамошній людъ, которій, по выраженіямъ Фотія, если не отпустилъ отъ себя Бога, то по-

1) Выраженіи Фотія: — городъ (а не предметія его) разшатывается подкапывающими = ἡ πόλις τοῖς ὀρυμμένοις κατασείσεται, близокъ къ паденію = ἐγγύς ἔσται τοῦ ἀλώμετος, ожидается переселеніе = προσδοκῶμενὴ μεταστάσις, насыпъ, или валъ Россовъ рассыпался = τὸ ὑπερκοῦμα διελέετο, варвары сняли осаду города = τῆς πολιορκίας οἱ βάρβαροι ἀπεπύοντες ἀνεμεύσαντο: всѣ эти выраженія вполнѣ убѣждаютъ читателя, что Россы правильно осаждали самый Царь-градъ, защищенный стѣнами.

глумился надъ законами его, и прогнѣвалъ его грѣхами даже неестественными; но въ этомъ же Римѣ снѣ Россы нашли Спасителя душъ своихъ Христа Бога нашего, и въ послѣдствіи въ Кіевѣ мусією увѣковѣчили образъ Богоматери, который понынѣ называется тамъ Нерушимая Стѣна.

Отлагаю въ сторону перо свое, начертившее эти строки, и взявъ другое, пишу кратко:

Имѣя подъ руками Фотіевы бесѣды о Росссахъ, мы должны внести въ исторію нашего отечества слѣдующія событія :

1. Россы, давно извѣстные въ Константинополѣ, какъ народъ дальносѣверный, гордый оружіемъ, не имѣвшій у себя внутренней стражи, и неукоризненный, рѣшились наказать этотъ городъ и переселить жителей его за несправедливое умерщвление соплеменниковъ своихъ, которые тамошнему правительству должны были что-то малое.

2. Они на корабляхъ своихъ по Черному морю плыли къ Константинополю путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ, и такимъ схи-треннымъ походомъ обманули Византійскихъ Грековъ.

3. Во время плаванія ихъ Черное море было спокойно. По входѣ въ Константинопольскій проливъ они въ полномъ вооруженіи стояли на корабляхъ своихъ, и съ криками угрожали городу простертыми мечами своими, потомъ по жребію раздѣлили между собою всѣ красивыя предмѣстія до самой Крѣпости Іерона, и пристани его, и зажгли ихъ, а жителей истребили, принося ихъ, раздѣльно, въ жертву богамъ своимъ. Въ это же самое время главная рать ихъ съ моря и суши окружила Константинополь, и повела осаду его правильно, насыпая валъ и подкапывая стѣны.

4. Жители этой столицы, защищенной твердынями, дрогнули, но не рѣшились сдать ее Россамъ въ чаяніи помощи Божіей и заступленія Матери Слова, а сами, обличенные и усовѣщенные проповѣдію Фотія, раскаялись въ грѣхахъ своихъ и исправились.

5. Въ предмѣстіяхъ Константинополя отъ неисчетнаго множества труповъ появилась зараза, и доканчивала истребленіе тѣхъ, которые успѣли скрыться.

6. Была страшная ночь наканунѣ приступа Россовъ къ Царьграду. Въ эту ночь всѣ тамошніе христіане молились, поднявъ руки свои къ небу.

7. Днемъ святѣйшій Фотій съ ризою Богоматери совершилъ крестный ходъ около стѣнъ города и по той стѣнѣ, противъ которой Россы насыпали валъ, и которую подкапывали. Въ часъ сего хода этотъ валъ началъ оссыпаться, какъ по данному знаку, а осаждающіе городъ непріатели, непостижимо — какъ, обратились въ бѣгство, сѣли на корабли свои, и возвратились въ отчизну свою съ несметнымъ богатствомъ, о которомъ Фотій, послѣ отступленія ихъ, не упомянулъ бы, если бы они на морѣ потерпѣли кораблекрушеніе.

8. Тогда въ Константинополѣ не было ни царя, ни войска. Фотій во второй бесѣдѣ своей, говоренной уже послѣ удаленія Россовъ, ни слова не сказалъ ни о томъ, ни о другомъ. Слѣдовательно разсказъ Византійскихъ историковъ, Симеона Логовета и Георгія монаха, о прибытіи царя Михаила въ Константинополь во время осады его Россами, и о погруженіи ризы Богоматери въ море, долженъ быть признанъ невѣрнымъ тѣмъ болѣе, что другіе Ви-

зангійскіе же историки усвоили спасеніе Константинополя отъ Россовъ однимъ молитвамъ Фотія, умалчивая о погруженіи оной ризы въ море.

Всѣ эти событія совершились въ царствованіе Греческаго государя Михаила III. Но въ какомъ году и мѣсяцѣ? — Вѣрно рѣшить этотъ вопросъ помогаетъ мнѣ вышепомянутый Симеонъ Логоветъ, изложившій дѣянія Михаила по годамъ¹⁾. По счету его сей Государь царствовалъ 14 лѣтъ подъ опекою своей матери Теодоры²⁾, 12 лѣтъ одинъ, и годъ и 4 мѣсяца вмѣстѣ съ Василиемъ Македонскимъ, всего 27 лѣтъ съ третью, скончался же ночью подъ праздникъ святой равноапостольной Феклы въ такой годъ, въ который индиктъ былъ 1-й, слѣдовательно 24 сентября въ первый мѣсяцъ 868 сентябрьскаго года отъ рождества Христова, потому что съ этимъ годомъ совпадалъ указанный индиктъ. Теперь отъ кончины его отсчитаемъ назадъ ровно годъ и 4 мѣсяца соцарствования его съ Василиемъ: мы получимъ 24-е мая 866 года, въ который Василій, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ Михаиломъ на царство въ день пятидесятницы, празднованной тогда 26 мая. Отсчитаемъ назадъ еще три года единовластія Михаила, имянно, 12, 11 и 10-й: мы получимъ 24 мая 863 года. Съ этого дня начался 10-й годъ единовластія его и кончился 23 мая 864 года: а въ этотъ 10-й годъ, по сказанію Симеона Логовета, Россы осадили Константинополь и разорили предмѣстія его³⁾; слѣдовательно они приплыли туда на корабляхъ своихъ, или послѣ 24 мая 863 лѣта, или немного ранѣе 23 мая 864 лѣта — въ самые послѣдніе дни 10-го года единовластнаго царствованія Михаила. Я утверждаю, что они подступили къ Константинополю въ эти послѣдніе дни, точнѣе сказать, между 15 и 20 днями мая 864 года, ровно за тысячу лѣтъ отъ ¹⁵/₂₀ мая текущаго года, и утверждаю это, полагая въ основаніе слѣдующія данныя. 1) Современникъ и другъ Фотія Никомидійскій митрополитъ Георгій въ своемъ повѣствованіи о ризѣ Богоматери сказалъ, какъ очевидецъ: «Было время, когда дѣла наши шли хорошо, и никакая война не страшила насъ. . . Но вотъ напелъ на насъ *страшно блистающій мечъ*, который, казалось, готовъ былъ поразить всю вселенную. Вождь, предводительствовавшій столькими толпами, по видимому, хотѣлъ вступить въ переговоры съ царемъ. . . Когда эта саранча опустошала *всю окрестныя города*: тогда царь въ простой одеждѣ повергся въ храмѣ Богоматери. . . » Изъ этого сказанія видно, что во время пагріаршества Фотія были дни, въ которые Константинополь находился въ опасности отъ неприятелей, и что тогда блисталъ страшный мечъ. А грозная комета въ видѣ меча являлась въ теченіи 20 дней въ 864 году (Cosmogonie von Schubert), когда святительствовалъ Фотій; слѣдовательно, и Константино-

1) Онъ велъ двойной счетъ годовъ, одинъ отъ сотворенія міра, а другой отъ рождества Христова. Но этотъ общій счетъ у него не совсѣмъ вѣренъ, потому что онъ отъ начала міра до Христа считалъ только 5500 лѣтъ, а не 5508. За то, у него вѣрно показаны годы единовластія царя Михаила и два индикта 15-й и 1-й, совпадающіе съ годами 867 и 868. Ихъ то я и принялъ въ расчетъ.

2) Фотій въ своей бесѣдѣ, говоренной по случаю искорененія всѣхъ ересей, сказалъ, что Михаилъ воцаренъ былъ еще въ пеленахъ. Первый годъ его 27-лѣтняго съ третью царствованія совпадаетъ въ 840/1 годомъ, протекшимъ отъ мая до мая.

3) Τῷ Γ αὐτοῦ ἔτει οἱ Ρῶς ἐνθρόνεν τοῦ Ἱεροῦ φθάσαντες πολλὴν εἰργάσαντο φόνον. περιηκλοῦσιν αὖν τὴν πόλιν. Edit. Bonnæ. 1838. pag. 674.

поль находился въ опасности въ этомъ же году; тогда же опустошаемы были и *окрестные города*, но уже на возвратномъ пути Оскольда и по возвращеніи царя Михаила въ избавленную отъ бѣды столицу¹⁾. 2) Извѣстно, что Фотій провозглашенъ былъ патриархомъ въ 857 году; а тогда, какъ самъ онъ повѣдалъ, ему было уже много лѣтъ²⁾, покрайней мѣрѣ за 60; во время же осады Константинополя Россами онъ въ первой бесѣдѣ своей упоминалъ о близости кончины своей³⁾; стало быть, тогда онъ былъ уже довольно старъ. Итакъ отнести оную осаду къ маю мѣсяцу 863 лѣта значило бы сдѣлать его моложе годомъ: а если мы отнесемъ ее къ маю 864 лѣта, то лучше поймемъ слова его въ помянутой бесѣдѣ; «горько мнѣ отъ того, что продолжена пресельническая жизнь моя, и продолжена тогда, когда уже близокъ былъ конецъ мой.» 3) Извѣстно намъ теперь, что Россы предпріяли походъ въ Константинополь, желая отмстить тамошнему правительству за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ. Но это печальное произшествіе, вѣдь, не скоро огласилось тамъ, гдѣ было главное начальство ихъ, потому что тогда въ Россіи не было ни телеграфовъ, ни почты, не скоро собрано было и земское войско, не скоро снаряжены были и корабли. Посему ежели мы отнесемъ походъ ихъ къ маю мѣсяцу 863 года; то не поймемъ: какъ Рюрикъ, только что призванный княжить въ Новгородѣ, въ теченіи девяти мѣсяцовъ могъ собрать земское войско и вооружить флотъ подъ начальствомъ выпросившихся у него героевъ, Оскольда и Дира, и отправить ихъ по Днѣпру и Черному морю; не поймемъ и того, какъ эти герои въ такое короткое время успѣли занять Кіевъ, расправиться съ Хазарами, сговориться съ Куманами, стаянуться съ Славянами, стянуть къ Кіеву Варяжскіе полки, и схитрить походъ, то есть, плыть къ Царьграду путемъ не прямымъ. А ежели мы, согласно съ Симеономъ Логоетомъ, отнесемъ появленіе ихъ у Царьграда къ послѣднимъ днямъ десятаго года царствованія Михаила, то есть, къ 15 мая 864 лѣта; то все таки лучше поймемъ ходъ дѣла. Событія и логика ихъ заставляютъ полагать, что Россы въ Константинополѣ умерщвлены были въ началѣ 862 года. Это произшествіе могло быть извѣстно въ Новгородѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого же года: а въ теченіи двухъ полныхъ лѣтъ, отъ мая 862 до мая 864, можно было сдѣлать все, что сдѣлали Оскольдъ и Диръ, которыхъ, послѣ бесѣдъ Фотія, нельзя считать удалцами, а надобно признать военачальниками Рюрика⁴⁾, умѣвшими правильно осаждать укрѣпленную столицу, и вмѣстѣ искусными переговорщиками, успѣвшими обаять Славянъ, Хазаровъ и Кумановъ, напоминаямъ о выгодахъ Варяжства и обѣщаніемъ несмѣтныхъ богатствъ въ Константинополѣ, котораго жителей предполагалось переселить, вѣроятно, въ глубь Россіи. Притомъ событія же и логика ихъ заставляютъ признать и то, что Россы еще до Рюрика владѣли частію Днѣпровскихъ Славянъ, а въ Новгородѣ имѣли сильную партію, которая одолѣла тамошнихъ Славянъ и головщика ихъ Вадима, и призвавъ Рюрика, дала имъ прозваніе Рось,

1) Историч. ученіе объ отцахъ церкви, Филарета, архіеп. Чернигов. Томъ III, стран. 841/2 С. П. Б. 1859.

2) Ἐπὶ πολλὰς τὰς ἡμέρας ἤμῶν μὲν ἀναβαλλομένων πρὸς τὴν ἐγγυερίαν, ἐκείνων δὲ μὴ μεθέστων τοῦ βασιτεῖου, κρατεῖ τῶν πλειόνων τὸ βούλημα. — Phot. epist. ad eccles. Antioch. in CII tomo patrolog. Graecae. 1860. Paris.

3) Οἶμοι ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροικία μου, καὶ μὴ μακρὰς οὖσης, ἐμακρύνθη.

4) Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, былъ адмиралъ.

и что Кіевъ сдался Оскольду и Діру безъ бою, потому что хорошо понимать выгоды отъ подчиненія отважнымъ, сильнымъ, богатымъ и торговымъ Россамъ. Но объ этомъ подробнѣе будетъ говорено мною при критическомъ изданіи бесѣдъ Фотія въ подлинникѣ. А теперь я утверждаю, что Россы явились у Константинополя въ половинѣ мая мѣсяца 864 года, и присовокупляю, что они простояли тутъ до 5-го іюня того же года, присовокупляю же не безъ основаній. — Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ греческихъ, именно въ Синаксаряхъ и Профтологахъ, я усмотрѣлъ Воспоминаніе Константинопольской Церкви о избавленіи отъ нашествія варваровъ въ 5-й день мѣсяца іюня, и Чтенія пророчествъ по случаю сего избавленія. Такое воспоминаніе съ такими Чтеніями, внесенное въ богослужебныя книги, предполагаетъ событіе чрезвычайное. Знать, много пострадалъ Константинополь отъ варваровъ, и особеннымъ образомъ избавился отъ нихъ по милости Божіей, когда увѣковѣчилъ это событіе церковною Службою въ сказанный день, какъ мы увѣковѣчили ея память о нашествіи Галмовъ въ 1812 году. Кто же эти варвары? Это не Персы съ Аварамъ, и не Агаряне, типетно осаждавшіе Константинополь съ суши и моря, потому что воспоминаніе о первыхъ занесено въ Синаксарь подь 7 числомъ августа, а о вторыхъ подь 16 числомъ того же мѣсяца, да и тамъ и тутъ сказано, что нечаянное спасеніе Константинополя отъ Персовъ и Аваровъ ходатайствомъ Богоматери совершилось въ царствованіе Ираклія, а спасеніе его отъ Агарянъ случилось въ дни царя Льва Исавра. Грозныя враги сего города, отступившіе отъ него 5 іюня, были другіе. Въ разсмотрѣнныхъ мною рукописяхъ они не названы народнымъ именемъ; но воспоминаніе о нашествіи ихъ записано такъ согласно съ бесѣдами Фотія о Росссахъ, и пророческія Чтенія подобраны такъ подстать этимъ бесѣдамъ, что въ этихъ варварахъ нельзя не узнать воиновъ Осколда, страшно наказавшихъ Константинополь за жестокую неправду его, но не истребившихъ всего города этаго по особенной милости Божіей къ нему. Читайте записъ эту и пророчества эти, сличите ихъ съ бесѣдами Фотія, и судите сами: основательно ли я утверждаю то, что утверждаю. Въ принадлежащемъ мнѣ непечатномъ Синаксарѣ, составленномъ нѣкимъ Петромъ въ десятомъ вѣкѣ и переписанномъ въ 1249 году, записано подь 5 числомъ іюня: —

Μνήμη τῆς μετὰ φιλάνθρωπίας ἐπεγενηθείσης ἡμῖν φοβερᾶς ἀνάγκης ἐν τῇ τῶν βαρβάρων ἐπιδρομῇ, ὅτε μελλοντας ἡμᾶς ὑπ' αὐτῶν δικαίως ἀιχμαλοτίζεσθαι, καὶ ὄνφ μαχαίρας παραδίδοσθαι, ὁ οἶκτίρμων καὶ φιλόανθρωπος θεὸς διὰ σπλάγγνα ἐλέους αὐτοῦ, παρ' ἐλπίδα πᾶσαν ἐλυτρώσατο ἡμᾶς.

Воспоминаніе о страшной бѣдѣ, ниспосланной намъ челоуѣколюбно во время нашествия варваровъ, когда мы *справедливо* должны были быть *плѣнены*, и *умерщвлены мечемъ*, и когда насъ *сверхъ всякаго чаянія* избавилъ милостивый и челоуѣколюбивый Богъ по благоутробію милости своей.

Эта правдивая записъ есть сокращенное содержаніе бесѣдъ Фотія о Росссахъ. Сличая ее съ ними, усматриваешь въ ней и въ нихъ одинаковыя выраженія: «варвары *справедливо* разсвирѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно ожидали *кары равной зло-*

дѣлянію . . . а мы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко . . . мы избавились отъ ожидаемаго пльни, и сподобились нечаяннаго спасенія . . . неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, чрезмѣрно негодование, но неизреченна и милость Божія» (Бесѣд. 2-я). Высказанная въ этой записи правда, и высказанная словами Фотія заставляяетъ меня полагать, что въ Синаксарь внесъ ее самъ этотъ первосвятитель, оправдывавшій нашествіе Россовъ. Онъ же установилъ читать и тѣ пророчества, которыя помѣщены въ Профитологахъ подъ 5 числомъ іюня, и въ которыхъ многія вѣщанія живо напоминали Цареградскимъ христіанамъ неправды ихъ, и гнѣвъ и милость Бога ¹⁾ Прочтемъ эти пророчества, выписанныя мною изъ непечатнаго Профитолога, десятаго вѣка, принадлежащаго Влантиноскому монастырю въ Фессалоникѣ, и слышимъ ихъ съ бесѣдами Фотія.

Варух. 4, 21—30,

Держайте чада, возопійте къ Богу, и избавить васъ отъ насилія, отъ руки враговъ.

→

Ибо я ожидалъ спасенія вашего отъ Вѣчнаго, и пришла мнѣ отъ Святаго радость о томъ, что скоро будетъ вамъ помилованіе

○—○

отъ вѣчнаго отца вашего. Хотя я отослалъ васъ съ рыданіемъ и плачемъ, но Богъ возвратитъ мнѣ васъ съ радостію и веселіемъ во вѣкъ. Какъ нынѣ видѣли насельники Сіона ваше плѣненіе: такъ узрятъ вскорѣ спасеніе ваше отъ Бога, которое придетъ съ великою славою и съ блистаніемъ Вѣчнаго. Чада перенесите долготерпѣливо нашедшій на васъ отъ Бога гнѣвъ. Наказалъ тебя врагъ твой, но ты узришь погубель его вскорѣ, и наступишь на выю его. Из-

▷

нѣженныя мои ходили по путямъ жесткимъ: вьзаты, какъ стадо похищенное врагами. Держайте чада, и возопійте къ Богу. Бу-

—

детъ (дана) вамъ память отъ Наводящаго (бѣды). Какъ, бывало, помышляли вы о томъ, чтобы уклониться отъ Бога: такъ те-

Слова Фотія.

→ Съ дерзновеніемъ говорю я, споручникъ вашего спасенія . . . поручимся другъ другу, я за ваше спасеніе, а вы за то, что нѣтъ опасенія касательно договоровъ нашихъ, я за отвращеніе бѣдствій, а вы за обращеніе Богу. . . Господь же человѣколюбивый скажетъ вамъ: вотъ я изглаждаю, какъ облако беззаконія твои, и какъ мглу, грѣхи твои. (Бесѣд. 1-й конецъ.)

○—○

Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь. . . Какъ же теперѣ поскребсти ваши сѣрдца? . . . Не отослать ли васъ туда для полученія казней? . . . (Бесѣд. I, отдѣл. III.)

▷ Обрадованные, мы всѣхъ огорчали, сильныя и всемъ довольныя обижали, безумствовали, утолстѣли, разжирѣли, и какъ прыгающая юница, перепрыгнули за предѣлы заповѣдей Господа. За это разореніе ратное въ землѣ нашей. Не выходите на поле. Ибо тамъ вездѣ кругомъ мечи враговъ. (Бесѣд. I, отдѣл. 1.)

═ Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ, взвѣсивая и испытывая себя самаго: какими поступками своими сьумѣлъ

1) Фотій, по свидѣтельству современника его Никомидійскаго митрополита Георгія, постановилъ, чтобы день избавленія Царьграда отъ враговъ и сохраненія ризы Богоматери былъ празднуемъ въ Влахернскомъ храмѣ съ особеннымъ торжествомъ (Смотри историч. Ученіе объ Отцахъ Церкви, Филарета, архіепископа Чернигов. Томъ III, стран. 342. С. II. Б. 1859 г.)

перъ обратившись къ нему, удесятерите взыскать его. Ибо Наводящій вамъ бѣды наведетъ вамъ вѣчное веселіе вмѣстѣ съ вашимъ спасеніемъ.

Даніил. 9, 15—20.

Господи Боже нашъ, изведшій народъ твой изъ земли Египетской рукою крѣпкою, и стяжавшій себя имя, какъ день онъій (именить былъ). Мы согрѣшили, беззаконновали Господи. Но по всей милости твоей да обратится ярость твоя, и гнѣвъ твой отъ града твоего. За то, что мы согрѣшили не-

←

правдами нашими и беззаконіемъ отцевъ нашихъ, Иерусалимъ и народъ твой сдѣлались поношеніемъ всѣхъ окружающихъ насъ. И нынѣ услыши Господи Боже нашъ молитву рабовъ твоихъ и прошенія ихъ, и яви лице твое, ради тебя самого, Господи. Приклони Боже мой ухо твое и услыши. Отвер-

**

зи очи твои, и посмотри на истребленіе насъ и града твоего, въ которомъ и на который призывалось имя твое. Ибо мы не на своихъ правдахъ основываемъ помилованіе насъ предъ тобою, но на многихъ милостяхъ твоихъ, Господи. Услыши Господи. Очисти Господи. Внемли Господи, и не замедли, ради тебя самого, Боже мой. Ибо твое имя призывалось на сей градъ твой и на сей народъ твой.

оскорбить Бога такъ, что подвергся такому гнѣву его; за какіе чрезвычайные пороки даны такіе страшные уроки; за что мы изъязвлены, и какъ исцѣлѣли отъ ранъ. Ибо если мы все это пересмотримъ и затвердимъ этотъ урокъ; то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою. (Бесѣд. II, отдѣл. 7.)

Слова Фотія.

← Какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно рассчитались съ тѣми, которые должны были намъ что то малое? . . . Мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ. (Бесѣд. 1, отдѣл. I.—Бесѣд. 2, отдѣл. II.)

** Они (Россы) разорили окрестности Царьграда, истребили все до самой Крѣпости его, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ. (Бесѣд. 2, отдѣл. II.)

Вотъ и эти чтенія изъ пророчествъ такъ же, какъ вышеприведенная запись, согласны съ бесѣдами Фотія о Росссахъ. Посему надобно признать за вѣрное, что Константинополь чудесно спасенъ былъ отъ нашествія сего народа въ 5-й день іюня мѣсяца 864 года. —

Итакъ въ нынѣшнемъ году въ этотъ день исполнится тысячелѣтіе первой славы нашей, славы военной, народной, государственной. Эта слава приписана намъ святѣйшимъ патріархомъ Константинопольскимъ Фотіемъ: а мы узнаемъ о ней уже по истеченіи тысячи лѣтъ. Повторимъ же теперь приснопамятныя слова его: Россы, народъ не именитый, приобрѣли себѣ славу со времени похода въ Константинополь. Припомнимъ, что Фотій, за тысячу лѣтъ назадъ, назвалъ Россійскій народъ страшнымъ перуномъ, вѣяющею молніею и сосудами гнѣва Божія, но примолвилъ, что за этимъ неукоризненнымъ народомъ, котораго несправедливо обидила гордая Византія, слѣдовала милость Господня. Припомнимъ все это, и испытующій взоръ свой вперимъ въ будущность нѣтъ, лучше ублажимъ память святѣйшаго Фотія. Онъ нашъ первый историкъ, первый витія, первый другъ, любившій неукоризненность нашу, оправдавшій нападеніе наше на Константинополь. Первобытныя Елмины, взявше Трою, имѣли своего дивнаго гнѣва, Омира: первобитные Россы, осаждавшіе Царьградъ, имѣли своего чуднаго витію, Фотія. Вѣчная память сему боголюбивѣйшему святителю, сказавшему справедливое слово о Россакъ и удивившему ихъ чудомъ отъ ризы Богоматери! Вѣчная память! ΑΙΩΝΙΑ Η ΜΝΗΜΗ!').

По разсмотрѣніи историческаго содержанія бесѣдъ сего патріарха о нашествіи Россовъ говорить ли мнѣ о достоинствѣ ихъ витійственномъ? Скажу свое слово и объ этомъ предметѣ, но послѣ, когда зайдетъ рѣчь объ ораторскомъ искусствѣ Фотія, а теперь изложу только общее содержаніе оныхъ бесѣдъ.

Когда пылали предмѣстія Царьграда и потоками лилась кровь христіанъ; тогда Фотій явился на своей кафедрѣ, какъ является гроза на небѣ, и спросивъ въ недоумѣніи, — «что это? что за — пораженіе столь погубное? . . не за грѣхи ли оно ниспослано на насъ?» — тотчасъ перечислилъ многіе тяжкіе грѣхи, и въ числѣ ихъ несправедливое умерщвленіе Россовъ и взятіе въ рабство ихъ молотильщиковъ, и потомъ грозно объявилъ: «за это разореніе ратное въ землѣ нашей! за это отверзъ Господь сокровищницу свою, и вынесъ сосуды гнѣва своего (Россовъ).» Его слушатели тронуты были высказанною имъ правдою и заплакали. Заплакалъ и самъ Фотій. Рѣчь его прервалась, но спустя минуту, или двѣ, снова полилась вмести съ слезами. Читая эту дальнѣйшую рѣчь неприготовленную, внезапную, удивляешься оборотливости ума Фотія, и замѣчаешь въ немъ въ эти минуты удивительное сочетаніе сѣрдоблія чловѣка съ правдою и долгомъ святителя и проповѣдника, и поперебѣнное волненіе этихъ двухъ чувствованій. Онъ въ однѣ и тѣ же мгновенія плакалъ и поучалъ, плакалъ и обличалъ грѣшниковъ, говоря: «и я плачу съ вами; но малыя капли слезъ не угашаютъ пламени, разжженнаго давно: случайная слеза не сильна умиловити воспламененный грѣхами гнѣвъ Божій . . . не теперь надлежало бы плакать намъ . . . не теперь бы торговать милосердіемъ¹⁾ . . . не теперь бы править всенощны, поднимать руки и утру-

1) Этотъ отрывокъ напечатанъ былъ заблаговременно «въ Духовной Бесѣдѣ». А кто читалъ его? . .

2) Кто помогаетъ вздымать, не по долгу чловѣколюбія, а въ ожиданіи отъ Бога милости себѣ, тотъ нѣкоторымъ образомъ походитъ на торговца, отдающаго Богу свое милосердіе къ бѣднымъ подъ залогъ его милости къ себѣ.

ждать колѣна . . . а прежде надлежало каяться въ дѣлахъ худыхъ и упражняться въ дѣлахъ добрыхъ.» Правдивость и строгость учительская въ Фотіѣ мало по малу взяла верхъ надъ сердоболіемъ его такъ, что онъ, послѣ самыхъ рѣзкихъ обличеній слушателей своихъ въ безнравственности и послѣ напоминаній имъ о прежнихъ увѣщаніяхъ своихъ, кои падали въ тернія, сказалъ имъ: «какъ же *теперь* поскребсти ваши сердца? не отослать ли васъ туда (подъ мечи Россовъ) для полученія казней?» Нельзя было сильнѣе поразить ихъ, пакъ поразилъ этими словами Фотіѣ. Но онѣ были подобны послѣдному удару грома, послѣдней страшной молніи. Правда Фотія высказалась. Послѣ нея излилось сердоболіе его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Читайте это изліаніе его: «горько мнѣ отъ того, что проложена жизнь моя, отъ того, что не услышанъ я молящійся . . . гдѣ теперь царь христіолобивый? кто за насъ выдетъ на брань? гдѣ взяты столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ?» Читайте плачевные причѣты его надъ погибавшимъ Царьградомъ: «какъ навзрыдъ рыдалъ онъ ночью . . . какъ Господь огонь послалъ въ кости его . . . о, градъ-царь, какая опустошительная гроза собралась вокругъ тебя! . . . о, Вѣра совершенная и Служеніе чистое! какъ это расширятся на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ! о, храмъ мой, святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, юноши, матери, дѣти. . . » Читайте все это, и чувствомъ поймите чувствованія Фотія, какъ человѣка, гражданина, и святителя. Когда сердоболіе его высказалось; тогда опять заговорила правда *человѣка Божія*, требующая отъ грѣшниковъ покаянія и исправленія, безъ коихъ невозможно помилованіе отъ Бога, но сомнѣвающаяся въ ихъ послушаніи. Посылались вопросы и сомнѣнія его: «но докогда плачь? докогда рыданіе? кто услышитъ ихъ? кто умоливить за насъ Бога? на землѣ гнѣтъ болѣе праведника; гнѣтъ ходатаевъ, ни Моисея, ни Авраама . . . хотя вы и могли бы найти ихъ, еслибы захотѣли; но страшно ваше непостоянство: милостыня у васъ временна; цѣломудренны вы только до завтра; единопутны, пока сдружаетъ васъ общая бѣда; смиренны и благонравны, пока у васъ плѣтъ предъ глазами; набожны, пока грозить вамъ смерть . . . исправьте же пути ваши и дѣла ваши: и прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ. Но вы не хотите. . . » При этомъ глаголъ Фотія, произнесенномъ, какъ сдается, тономъ слабой надежды, послышался вопль и шумъ слушателей. Но витія не смутились этимъ, и на внезапность отвѣтили внезапною рѣчью стоическою: «не вошлите и не шумите; гораздо лучше молиться спокойно, нежели вопіять, не страдавши, или бояться страданій, кои неизбѣжны для всѣхъ, живущихъ беззаконно, послѣ того, какъ обильными потоками текли къ намъ житейскія блага, или пытаться бѣжать отъ множества бѣдъ, отъ которыхъ уже нельзя никуда укрыться.» Слушатели заплакали. Ихъ слезы оросили надежду Фотія на исправленіе ихъ; и онъ съ дерзновеніемъ Вѣры сказалъ имъ: «перестаньте плакать, будьте мужественны; я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы обратитесь къ Богу; ручаюсь за удаленіе враговъ, если вы поручитесь мнѣ за отдаленіе отъ страстей вашихъ; Господь же помилуетъ васъ по человѣколюбію своему.» Этими словами, въ коихъ выразилась вся крѣпость Вѣры и Надежды на Бога, милующаго кающіхся грѣшниковъ, можно было кончить бесѣду; но Фотіѣ заключилъ ее умиленнымъ обращеніемъ

ніемъ къ Богоматери, которой посвященъ былъ Константинополь, и которую онъ любилъ называть Матерію Слова: «досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже.» — И такъ вся эта бесѣда есть грозное и сильное выраженіе правды, сердоболія, вѣры и надежды Фотія. Логическое расположеніе ея просто. Выражаю его: «Страшное наказаніе справедливо ниспослано намъ свыше за тяжкіе грѣхи наши, такіе и такіе. Наказанные мы сѣтуемъ и плачемъ. Но не плакать намъ надобно, а исправиться и впредь жить богоугодно.»

Вторая бесѣда Фотія, которую онъ говорилъ вскорѣ послѣ удаленія непріятеля, отличается отъ первой, какъ спокойная мысль отличается отъ взволнованнаго чувства. Содержаніе ея составляютъ ученіе о связи наказанія съ грѣхомъ, изображеніе ужасныхъ бѣдствій, постигшихъ грѣшный Константинополь, напоминаніе о совершившемся общемъ исправленіи, утѣщеніе помилованнымъ отъ Бога впредь жить праведно, и предостереженіе ихъ отъ горшихъ несчастій, кои неминуемо послѣдуютъ за повторенными грѣхами. Такова сущность этой бесѣды. — Начало ея весьма глубокомысленно. Фотій зная, какъ нѣкоторые умники разсуждали о нашествіи Россовъ, будто оно было событіе обычное, житейское, а не наказаніе отъ Бога, котораго, по самому существу его, нельзя-де представлять гнѣвающимся, зная и то, какъ иные невѣжды говорили по прежнему, — судьбы Господни неизбѣжны, что будетъ, то будетъ, авось Богъ помилуетъ, — Фотій сказалъ тѣмъ и другимъ: «конечно, Богъ не гнѣвается, потому что онъ благъ, и потому что въ существѣ его нѣтъ ни пылкой крови, ни горячаго сердца; но онъ постановилъ непреложный законъ, по которому худыя дѣла влекутъ за собою наказаніе, приличное совершителямъ ихъ. По силѣ этого закона настъ постигло бѣдствіе, какъ явная улика намъ въ грѣхахъ нашихъ.» Высказавъ эту истину, осязательную, непреложную, витія продолжали говорить слушателямъ своимъ: «поелику же и вы признаёте ее, посему я буду обличать васъ гораздо сильнѣе и справедливѣе, изображая вамъ тѣ бѣдствія, изъ коихъ мы сами грѣхами своими сдѣлали себѣ сцену, и составили драму, жизнью своею подготовивъ зрѣлище многообразныхъ страданій.» — Драма была огненная, кровавая, ужасная. Фотій подробно и правдиво разсказалъ ее всю отъ начала до конца. Вотъ начало ея. «Россы справедливо разсвирѣбли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной сему злодѣянію. А Византійцы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко.» Вотъ продолженіе и конецъ драмы. «Росскій народъ, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы Царьграда, и какъ дикій вепрь истребилъ жителей предмѣстій его, словно траву, или тростникъ, или посѣвъ, не падая ни человѣка, ни скота, и принося ихъ, раздѣльно, въ жертву богамъ своимъ. Въ добавокъ появилась губительная язва . . . самый городъ едва не былъ поднятъ на копьѣ . . . однако общее несчастіе и ожидаемое переселеніе образумило Византійцевъ, и заставило ихъ раскаться въ грѣхахъ и приняться за добрыя дѣла . . . когда же они съ сокрушеніемъ сердца принесли покаяніе, и когда во всю ночь, воздѣвши руки къ Богу, просили у него помилованія, и потомъ обнесли по городу и по стѣнамъ дѣвственную ризу Богоматери; тогда узрѣли разсѣяніе грозы и увидѣли удаленіе враговъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и разореніе.» Напоминая эту драму, Фотій изрѣкалъ приговоры: гроза скоплется

изъ дѣлъ грѣшниковъ . . . мы побиты нашими беззаконіями . . . гдѣ гнѣвъ Бога, тамъ и пожива; и когда онъ отвергается, тогда переверотъ бываетъ и отъ малости . . . ежели мы спасены, то потому, что Господь посмотрѣлъ на сокрушеніе сердецъ нашихъ и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ. . . Эти приговоры его были совершенно справедливы. Нельзя было отрицать ихъ, когда ихъ подтверждали пепелица, трупы, совѣсть, чудотворная риза Богоматери. Слушатели Фотія убѣждены были въ томъ, что, по непреложному закону Божию, за грѣхомъ слѣдуетъ наказаніе, а послѣ раскаянія и исправленія грѣшниковъ бываетъ имъ помилованіе. Оставалось вѣтн воспользоваться этимъ убѣжденіемъ; и онъ воспользовался имъ. Напоминавъ христіанамъ о совершившемся общемъ исправленіи ихъ (которое наши проповѣдники теперь должны приводить въ примѣръ), Фотій долго увѣщавалъ ихъ жить благочестиво, и предрекалъ имъ горшія несчастья, когда бы они начали жить по-прежнему беззаконно и безпечно. Назидательны эти увѣщанія его. Нѣтъ надобности излагать ихъ здѣсь вполнѣ, когда онѣ содержатся въ сообщенной бесѣдѣ Фотія; но да будетъ позволено мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нихъ. — Увѣщанія Фотія были продолжительны, потому что онъ говорилъ проповѣдь почти всѣмъ силамъ души, ея совѣсти, памяти, надеждѣ, страху, волѣ, уму, и потому что имѣлъ въ виду государственно-народные грѣхи и бѣдствія, отъ коихъ желалъ предостеречь дѣйствительными примѣрами богоизбраннаго народа Израильскаго. Вотъ увѣщаніе его совѣсти послѣ напомниманія о нечаянномъ спасеніи Царьграда по милости Бога. «Итакъ да не обратимъ человѣколюбія его въ поводъ къ нерадѣнію, и не забудемъ тѣхъ обѣтовъ, которые дали мы Богу . . . ибо всѣ вы знаете, бывъ научены совѣстію своею, какъ въ то время иной, сдѣлавшій чтолибо несправедливое, обѣщался предъ Богомъ не дѣлать того впредь, другой, растлившій тѣло блудомъ, возненавидѣлъ лобострастіе . . . какъ тогда гордые смирились, сластолюбцы постились.» Вотъ его слово памяти. «Пусть же помнитъ это всякій. Пусть никто *не забывается*, и обѣщаній своихъ *не сбываетъ* какънибудь. Ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій. . . Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ, испытывая себя самага: какими поступками своими счумѣлъ оскорбить Бога . . . за какіе чрезвычайные *пороки* даны такіе страшные *уроки*, чѣмъ заслужена кара, и какъ отклонено пораженіе. Ибо если мы все это затвердимъ, то я увѣрю, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою.» Тутъ Фотій укрѣпилъ надежду слушателей на Бога, говоря словами Писанія: ибо онъ близокъ ко всѣмъ призывающимъ его, и волю боящихся его исполнить. «А если мы, — началъ онъ устрашать ихъ, — будемъ грѣшить по прежнему; то какую ископаемъ себѣ глубь несчастій! Сколько наживемъ себѣ зимнихъ бѣдъ, вѣбѣсившись на себя самихъ! Нѣтъ надобности, — продолжалъ онъ говорить, какъ свидѣтель крѣпкой воли покаявшихся, — нѣтъ надобности въ чужихъ примѣрахъ для собственнаго вразумленія: своего опыта достаточно для нашего исправленія. Ибо когда мы жили безпутно и сладострастно, тогда увидѣли, что гнѣвъ Божій стремится на насъ, какъ туча града на плоды. Но пораженіе остановлено покаяніемъ: не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ смѣхомъ и безпрерывными музыкальными потѣхами . . . худое дѣло пьян-

ство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда . . . все это скопляетъ грозу, отвращаетъ челоуѣколюбіе Божіе, готовитъ намъ униженіе предъ врагами и возвышаетъ ихъ бранную силу.» Послѣ этого Фотій долго говорилъ уму слушателей своихъ, и наипаче уму людей государственныхъ, обращая вниманіе ихъ на опасность отечества отъ внутреннихъ несогласій и раздоровъ, и отъ разгара страстей, и приводя въ примѣръ измѣнчивость судебъ народа Израильскаго, процвѣтавшаго, когда онъ былъ мудръ, и увядавшаго, когда онъ безумствовалъ. Въ основаніи этихъ послѣднихъ наставленій его скрыта вотъ какая истина: «въ нравственно-духовномъ мірѣ нѣтъ случайностей: воля разумнаго челоуѣка дѣйствуетъ, то, подчиняясь волѣ Божіей, то, уклоняясь отъ нея, то, согласно съ нею, то, противно ей, и потому производитъ либо благо, либо зло.» Зная эту истину Фотій говорилъ: «народу Божію надобно овладѣвать непрітелемъ съ помощію Всевышняго, а помощію его умѣть снискивать наилучшими дѣлами и множествомъ доблестей. Если же кто утратилъ добродѣтель и чистоту нравовъ, тотъ неизбежно лишается и Божіей помощи. Напротивъ, кто украсилъ жизнь свою добрыми дѣлами, какъ броней, тотъ добродѣтель дѣлаетъ союзницею и помощницею противъ враговъ. Но если народъ Божій силенъ и побѣдоносенъ съ помощію Бога; то прочіе народы (и Россія), у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно, не своими благодѣланіями, а нашими худыми дѣлами увеличиваютъ свою силу. Однако господство надъ нами предоставляется имъ настолько времени, насколько ополчаются на насъ страсти, и насколько мы стремимся къ злу, оставивъ тотъ порядокъ, въ который поставилъ насъ божественный законъ. Итакъ, когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удается намъ и *державити* надъ врагами при *одержаніи* страстей: а грѣша, мы навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій, и впадаемъ въ руки враговъ. Какъ же не убѣгать намъ отъ беззаконій, и какъ не преуслѣвать въ добродѣтеляхъ? Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда у себя питаетъ разрушительные раздоры, когда не разумная ярость овладѣваетъ *самодержавнымъ* умомъ, и склоняетъ убить ближняго (Россовъ), который не сдѣлалъ никакой неправды? Какъ тебѣ побѣдить непріятелей, когда чувственныя похотѣнія подчиняютъ себѣ *самодержавный* умъ твой, и водятъ и переводятъ его, какъ раба, куда велитъ страсть? . . . Пусть страстями правитъ умъ: тогда мы одолѣемъ и тѣхъ внѣшнихъ непріятелей, которымъ *помощию* воевать насъ. Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ силу иноплемениковъ.» Современная необходимость и пристойность этихъ наставленій понятна всякому, кто изъ Византійской исторіи знаетъ: какой тогда былъ развратъ при дворѣ царя Михаила, и какъ обшены были въ Константинополѣ партіи, Латинская въ пользу папы Римскаго, Иконоборная, и особенно партія Голубыхъ = православныхъ, и Зеленыхъ = еретиковъ, которые потрясали, раздирали, губили государство. Фотій долго повторялъ эти наставленія почти въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, не по говорливости своей, а съ умысломъ, дабы слушатели его твердо запомнили, — съ какихъ сторонъ грозитъ имъ опасность государственная. Съ этою цѣлію онъ изъ исторіи народа Израильскаго представилъ нѣсколько примѣровъ воздаянія Божія, благаго за дѣла добрыя, и страшнаго за дѣла худыя, и заключилъ свою проповѣдь послѣднимъ краткимъ увѣщаніемъ и трогательнымъ обращеніемъ къ Бого-

матери, говоря ей отъ лица всѣхъ: «мы любимъ тебя крѣпко. Сама ты спасай градъ твой, какъ знаешь, и какъ хочешь. . . А мы потщимся представить тебѣ чистыя сердца свои.» Послѣ этого обращенія къ небесной покровительницѣ Константинополя Фотій посмотрѣлъ на слушателей своихъ, какъ я думаю, посмотрѣлъ печально, и проговорилъ послѣднія слова: «такъ скажемъ Дѣвѣ, *но да не солжемъ*, да не обманется чаяніе наше, и да не погибнемъ въ житейскихъ тревоженіяхъ и въ пучинахъ бѣдъ, но да войдемъ въ пристань вѣчнаго спасенія.» Эти грустныя слова прозвезъ онъ или потому, что не очень надѣялся на постоянство столичныхъ жителей, или потому что въ эту минуту великая душа его предчувствовала будущее горе Константинополя. Какъ бы то ни было, но горе постигло этотъ седмиколенный городъ, солгавшій Богоматери и своевольно сожегшій Влахернскую церковь ея не задолго до взятія его Турками. Погибель его оплакалъ извѣстный Іоаннъ діаконъ Евгенікъ горячими слезами и съ такими заунывными причѣтами и воплями, которые щемятъ сердце. Кстати послушаемъ, какъ онъ плакалъ.

О, Христе царю! Увы мнѣ! О, Христе царю всѣхъ! О, граде великаго царя Бога, о немъ же преславная глаголашася! Пресвятая Богоматерь! Гдѣ градъ твой великоименный и возлюбленный? Гдѣ око вселенной, зеркало всего міра? Увы мнѣ! И послѣ этого я еще дерзаю говорить и възвѣщать ужасы? Ахъ, какъ я не лишился ума? Какъ я живъ? и какъ еще дышу и чувствую и смотрю на свѣтъ?

О, содѣтели и стражи нашего спасенія, ангелы святые! Почто вы оставили стражу сего града? . .

О, солнце все зрящее! Какъ устояло ты, видя наши напасти? Какъ не познало свой западъ на вѣки? . .

И ты, земля, какъ ты не разсѣлась для насъ, и почто не разсѣдаешься теперь, да по достоянію пребудемъ во мракѣ и въ нѣдрахъ ада, по изрѣченному опредѣленію Бога: ходити во дворѣ моемъ не приложитѣ къ тому.

О, небо! отверзи врата твои, и прими и наши души въ сонмъ избѣненныхъ. Ибо никому уже не мила жизнь и на минуту. На что мы посмотримъ? Что мы послушаемъ? Чѣмъ уладимся! Какимъ языкомъ и какими устами восхвалимъ Бога? Помрачены и оглушены мы, какъ громомъ. . .

Увы мнѣ! Граде златый! Граде великій! О чемъ первымъ у тебя възрыдаю? Какую вторую красоту твою оплачу? и что третіе и многое омою слезами моими? Величайшій ли храмъ св. Софіи, это небо на землѣ, этотъ рай второй? или велелѣпіе прочихъ святиницъ? или повсемственный блескъ, или каждую порознь красоту, превосходящую благообразіе царевны невѣсты?

О, жалкіе мы! Что и что мы потеряли! О, провидѣніе Божіе! О, судьбъ глубина неизреченная! О, спасителю и Слове Бога и Боже! Плакалъ ты о древнемъ Іерусалимѣ, болѣзнуя о немъ и провидя горе, грядущее къ нему: о насъ же было ли какое слово на небѣ? Какъ вдругъ оставилъ насъ ты, присный утѣшитель нашъ? Гдѣ милосердія твоего

сокровища? Гдѣ долготерпѣнія твоего нестоицкая пучина? Какъ ты положишь насъ въ притчу языкамъ?

Увы мнѣ! Мы жестоки. Вып у насъ желѣзные. Сколько разъ мы были поражаемы, и не вразумились? Сколько разъ бичуемы, и не исправились? . .

О, всецарица Богородица! Почто ты оставила злополучныхъ женъ, у которыхъ въ устахъ всегда было прелѣтное имя твое, и въ сердцѣхъ, паче дыханія и жизни, память о тебѣ и великая вѣра въ тебя? Какъ мы заключили челоуѣколюбивую утробу твою? Не за то ли, что мы сами, увы! предали пламени именитый храмъ твой Влахернскій, не за это ли оставила ты градъ нашъ? — Сынъ твой и Богъ нашъ не осудилъ жену прелюбодѣйную, не отринулъ блудницу, помиловалъ Хананянку. А къ христіанскимъ женамъ нѣтъ никакой жалости? никакой милости? . .

О, какъ достааетъ у меня силъ говорить о всемъ этомъ? Кто когдалибо терпѣлъ такое злосчастіе? Кто когдалибо чаялъ такой напасти? Я, когда услышалъ въ первый разъ, не вѣрилъ долго и суетный, думалъ, что говорящія мнѣ безумствуютъ, насмѣхаются, богохульствуютъ, вѣщаютъ невозможное, какъ бы кто сказалъ, что сатана со всѣми бѣсами снова вторгся въ небо. . .

О, горькій день, въ который столько бѣдъ приключилось намъ! Да не числится онъ въ дняхъ вѣка! Нѣкогда сердце мое содрогалось, и слезы падали съ рѣсницъ моихъ при слышаніи: какъ отринуты были дѣвы юродивыя, уже пришедшія на бракъ. А теперь мое сердце не только содрогается, не только трепещетъ и мѣтеть, но и разрывается, и вся утроба моя терзается отъ крайняго страданія. Да совокупится во едино и вся тварь, и да плачетъ со мною!

Увы! Увы! Христоименитый народъ сталъ, какъ дерево, лишенное листьевъ и цвѣта, или, какъ угасшій свѣтъ золотого свѣтильника. Языкъ святой преданъ языкамъ нечестивымъ. Царственное священство уже не царствуетъ христіански. Наши святыни преданы псамъ и бисеръ свиньямъ. Младенцы лишены матерей. Цвѣтъ юности полекъ. Сановитые старцы поруганы. Непорочныя дѣвы обречены позору. Народъ пожатъ и потоптанъ. Увы мнѣ! Уже нѣтъ Цареграда великаго. Око вселенной потускло. Жилище музъ разорено. Источникъ мудрости иссякъ. Дивное зеркало разбито. Достославное зрѣлице разметано. Именитый градъ, увы! опустошенъ и жалокъ болѣе, нежели бѣднѣйшая вдовица и сирая отроковица. Дивный царь городовъ нынѣ уже рабъ и работникъ потомковъ рабыни Агари. Стыдъ намъ и укоризна, Греки! Народъ, обладавшій вселенною, разрозненъ, разсѣянъ, и сдѣлался странникомъ и пришельцемъ.

О, дщери Цареграда, позоръ горькій испытавшія, прежде же красныя на подобіе храмовъ! Плачьте о себѣ и о чадахъ вашихъ. Плачьте и во всю жизнь рыдайте. Чѣмъ утѣшить васъ: недоумѣваю. Чего пожелать вамъ: не знаю. Не лучше ли вамъ, подобно баснословнымъ женамъ, обращеннымъ въ дерева и камни, молча, проливать со мною вѣчныя слезы? — (Переведено съ греческой рукописи Аеоно-Иверскаго монастыря.)

Бѣдствія Константинополя предчувствовала великая душа Фотія, пораженная неужи-

даннѣмъ намѣствiемъ Россовъ. Это предчувствiе онъ высказалъ и въ другой бесѣдѣ, говореной имъ въ 867 году, по случаю искорененiя ересей. Вотъ слова его: «что касается до поколѣнiй будущихъ, то время, — думаю, — опять заматорѣеть, или будетъ большое, или потерпитъ что нибудь¹⁾.)» Великія души прозорливы. По настоящему теченiю дѣлъ и событiй онъ предугадываютъ явленiя будущности и предрѣкаютъ ихъ, хотя и неясно, но твердо.

Этими словами оканчиваю свой разборъ первыхъ двухъ бесѣдъ Фотiя, и начинаю говорить, что нужно, о третьей, предложенной, бесѣдѣ его.

Эту бесѣду Фотiй говорилъ съ амвона Софійскаго храма, въ великую субботу, въ присутствiи царя Михаила, по случаю поставленiя живописной иконы Богоматери и другихъ святыхъ образовъ въ семь храмѣ, который до этого дня былъ пустъ съ давняго времени по причинѣ иконоборства. Слава Богу, что сохранилось и дошло до насъ это произведенiе пера сего знаменитаго вѣтш. Оно драгоценно во многихъ отношенiяхъ. Это — кладъ для любителей иконописанiя и церковной исторiи. Разсмотримъ его.

Святѣйшiй Фотiй понималъ и чувствовалъ, что *Православiе безъ иконъ урумо*, (это слова его) и потому всею душою и всемъ сердцемъ возрадовался, когда получилъ согласiе государя Михаила украсить Софійскiй храмъ святыми образами. Исполненный этою радостiю, онъ взомель на амвонъ и началъ говорить: «если бы кто учился молчать во всю жизнь, то въ настоящiй день заговорилъ бы по всѣмъ правиламъ вѣтшественнаго искусства.» Сладкозвучно это начало бесѣды его. Я, къ сожалѣнiю, не списалъ слѣдующихъ словъ по недостатку времени, которое поглощали у меня многiя занятiя на Афонѣ, ученiя и художественныя. Но утѣшмися: невольный пропускъ мой не великъ, и есть что читать далѣе. Читайте сами предложенную бесѣду, а мнѣ позволте предварительно показать общее содержанiе и особенности ея. — Предъ Фотiемъ и въ виду всѣхъ христіанъ высилась на стоячихъ пьядцахъ большая живописная икона Богоматери²⁾; и вотъ онъ на нее-то и обратилъ общее вниманiе, называя ее произведенiемъ Православiя и говоря о ней сладкія рѣчи, кои доказываютъ, что икона была написана югдашнимъ Рафаелемъ. Восхваливъ эту икону, какъ богословъ и какъ художникъ, Фотiй воскликнулъ: «смотри, какой красоты лишена была церковь!» и потомъ высказалъ свою радость о возстановленiи иконопочитанiя въ самыхъ торжественныхъ выраженiяхъ. «Почитанiе иконъ, — говорилъ онъ, — есть блистательное проявленiе ума боговдохновеннаго и искреннѣйшей любви къ Господу. Ихъ изобрѣла эта любовь. Онѣ составляли наилучшее украшенiе невѣсты Христовой, Церкви. Иконоборцы похитили — было это украшенiе ея, съ бешепствомъ усилывался погубить и ее самую въ пучинѣ забвенiя, обнаженную, безобразную = *αμορφον* и покрытую многими язвами, такъ

1) Смотри I отдѣл. 4-й бесѣды.

2) Обычай ставить иконы на такіе пьядцы понѣвъ сохранился на Афонѣ. Такъ онѣ выставлются тамъ въ храмѣ предъ иконостасомъ по правую и лѣвую сторону царскихъ дверей, подалѣ отъ нихъ.

что самый храм св. Софїи оставался пустъ, въ теченїи немалаго времени, даже послѣ того какъ померкло мудрованіе иконоборной ереси и возсіяли правые догматы. Но теперь невѣста Христова снова преображается въ прежнее благолѣпіе свое, и нося все приданое свое, радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго: вся хороша ближняя моя, и недостатка нѣтъ въ ней. . . Она живописью расцвѣтила истины правды Вѣры, и пѣвцовъ своихъ (Дамаскина, Иосифа, Теофана) превознесла до неба. . . Раны ея зажили. Старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. . . Это царственное убранство ея описали богодухновенные пророки, Давидъ и Исаїа (приводятся слова ихъ). . . При такомъ торжествѣ и мы, — продолжалъ Фотій, — въ веселїи и радости душевной вѣщаемъ устами пророковъ: «вельми радуїся дщери Сїона. отъялъ Господь обиды твои . . . возведи окрестъ очи твои и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ . . . радуїся и веселись. ибо вотъ идегъ Господь и водворится у тебя.» Радость сладкорѣчиваго витїи была такъ велика, что онъ не удовольствовался этими пророческими вѣщанїями, но и самъ отъ избытка сердца своего примолвилъ: «что лучше настоящаго дня? что радостнѣе нынѣшняго торжества? Сего дня (въ великую субботу) иное жало вознено въ сердце смерти не положенїемъ Спасителя въ гробъ, а востанїемъ иконы Матери его изъ самыхъ глубинъ забвенїа и сопоставленїемъ подлѣ нея прочихъ святыхъ образовъ.» — Чувство радости Фотїа о возстановленїи почитанїа иконъ высказалось сполна. Тогда послышалось его ученїе объ иконахъ, какъ о наилучшихъ способахъ наставлять людей вѣрѣ и благочестїю. Онъ говорилъ: «какъ слово посредствомъ слуха, такъ икона посредствомъ зрѣнїа впечатлѣвается въ душахъ и внушаетъ согласное съ Вѣрою наставленїе тѣмъ, которые не заражены ложными догматами. Икона Христа отображаетъ евангельское ученїе о томъ, что Онъ пришелъ во плоти. Иконы мучениковъ впечатлительно представляютъ моленїа, пощенїа и другїя подвиги этихъ блаженныхъ, и любовь ихъ къ Господу, и такимъ образомъ располагаютъ зрителей къ подражанїю. Икона Богоматери, носящей на рукахъ своихъ Творца, какъ младенца, напоминаетъ великое таинство нашего спасенїа.» Вотъ истинно-православное ученїе объ иконахъ! Онѣ, лучше книгъ, усиливаютъ нашу врожденную любовь ко всему божественному, и пособляютъ намъ мысленно возноситься къ тѣмъ Первообразамъ, которые живописаны красками. Нельзя не согласиться въ этомъ съ Фотїемъ, который самымъ опытомъ и устройствомъ нашего тѣла и духа доказывалъ, что пониманїе чего бы то ни было посредствомъ зрѣнїа бываетъ гораздо живѣе того познанїа, которое получается посредствомъ слуха.» — Внушивъ слушателямъ своимъ истинное понятїе о томъ, что такое иконы въ христіанскомъ храмѣ, проповѣдникъ далѣе объяснилъ имъ: что значить почитать, или отвергать ихъ, чего домогались иконоборцы, и каковы они. «Кто отвергаетъ иконы и судить о нихъ не лучше тѣхъ, которые гоняются за всякую ложь, тотъ послѣдовательно отвергаетъ и ученїе, выраженное ими: а кто чтитъ и восхваляетъ ихъ съ подобающимъ благоговѣнїемъ, тотъ принимаетъ и это ученїе. Ибо неизбѣжно воздать честь иконѣ, кольскоро почтается изображенный на ней, или не признавать изображенныхъ, кольскоро пошраются самыя иконы, развѣ кто отъ нечестїа пересталъ бы и мыслить здраво, и оставаясь нечестивымъ, противорѣчилъ бы самъ себѣ. И такъ всѣ

презрители св. иконъ уличаются въ томъ, что они не хранятъ и правыхъ догматовъ, но проклиная одно, клянуть и другое.» Достойны вниманія эти слова Фотія. Говоря такъ, онъ наметнулъ на тайное учение иконоборцовъ, которые, по свидѣтельству Георгія Амартола, не вѣровали, что Христосъ есть Сынъ Божій, а считали его простымъ человѣкомъ (ψιλὸν ἄνθρωπον), Матерь же его запрещали называть Богородицею, молитвы Святыхъ отвергали, на мощи ихъ плевали¹⁾, а по словамъ святаго патріарха Никифора († 818 год.), скрытно отвергали преданіе апостольской и каволической Церкви и святые вселенскіе Соборы, возвѣстившіе, что Христосъ Богъ нашъ по плоти есть описуемъ, и повелѣвшіе изображать его въ видѣ человѣка²⁾. Но не одно тайное учение иконоборцевъ обличено было Фотіемъ, а и проницрство и нечестіе ихъ. «Эти люди, — говорилъ онъ — не имѣютъ смѣлости открыто исповѣдовать свое ученіе³⁾, остерегаются не нечестивать, а казаться нечестивыми, и избѣгаютъ прозвища καὶ φεύγουσι κλήσιν, но на самомъ дѣлѣ гоняются за нимъ усердно. У нихъ, отвратительныхъ по проницрству, отвратительнѣйшихъ по нечестію, всѣ вѣтви и всѣ корни испорчены наростами.» Рѣзко обличены были такимъ образомъ иконоборцы въ предостереженіе православнохъ христіанъ отъ ухищреній ихъ. Впрочемъ цѣль ихъ не была достигнута; надежда ихъ не исполнилась, а проницрство воспящено было неожиданнымъ для нихъ возстановленіемъ почитанія иконъ и внесеніемъ ихъ въ самый храмъ св. Софій. Посему Фотій, обличивъ ихъ, примолвилъ; «къ нимъ относятся слова Давида: *память нечестивыхъ съ шумомъ гинетъ*: а въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ сказалъ: «съ нами же навсегда осталась сія Дѣва (на иконѣ), носившая въ объятіяхъ своихъ Творца, какъ младенца, радость очей, веселіе душъ, осталась не только въ книгахъ, но и въ живописи.» Наконецъ витія молитвенно выразилъ свое желаніе, чтобы и остальные части Софійскаго храма украшены были святыми образами. — Таково общее содержаніе бесѣды. Въ ней выражена радость Фотія о возстановленіи иконопочитанія, предложено здравое ученіе объ иконахъ, обличено тайное ученіе и нечестіе иконоборцовъ, и оглашена безуспѣшность ихъ замысловъ, тогда какъ православнымъ суждено было опять увидѣть святые образа въ Софійскомъ храмѣ.

Показавъ общее содержаніе этой бесѣды, обращаю вниманіе на особенности ея.

1. Замѣчательны слова Фотія: «благодать Дѣвы радуется, воодушевляетъ и укрѣпляетъ насъ и посредствомъ иконъ.» Онѣ напоминаютъ извѣстное преданіе о томъ, что когда св. евангелистъ Лука написалъ икону Богоматери и представилъ ее Владычницѣ, тогда

1) Εἰς τὸσάυτην ἀπόνοιαν ἐξέθηκεν (κωνσταντίνος κοπρώνιμος) ὡς καὶ θεομὸν καθολικὸν ἐκδέσθαι μὴ λέγεσθαι τὴν τὸ παράπαν ἄγιον, ἀλλὰ καὶ τὰ λειψανα τούτων εὐρισκόμενα διαπτύεσθαι, καὶ μὴδὲ πρεσβεῖαν αὐτῶν ἐξατεῖν οὐδὲν γὰρ ἰσχύουσιν, μηδὲ τὴν τῆς Μαρίας ἐπικαλεῖσθαι τις πρεσβεῖαν, οὐ γὰρ δύναται τι, μηδὲ θεοτόκον αὐτὴν ὀνομάζεσθαι. — Ἀναστάσιος ὁ πατριάρχης κρατήσας τὰ τίμια ξύλα ὤμοσεν ἐν τῷ ἄμβωνι ἑστῶς, ὅτι «μὰ τὸν προσηλωθέντα ἐν ταῦτοις, οὕτως μοι εἶπε Κωνσταντίνος ὁ βασιλεὺς, ὅτι μὴ λογίσῃ υἱὸν θεοῦ εἶναι τὸν χριστὸν, ἐν ἔτεκεν ἡ Μαρία, εἰ μὴ ψιλὸν ἄνθρωπον, ὡς ἔτεκε με ἡ μητὴρ μου Μαρία.» Καὶ τοῦτο ἀκούσαντες οἱ λαοὶ, ἀναθεμάτισαν αὐτὸν. Chronic. Georgii Petropoli. 1861. pag. 648—645.

2) Историч. ученіе объ Отцахъ Церкви Филарета архіеп. Чернигов. Томъ III, стран. 280—1. С. II. В. 1859 г.

3) Ζάφρος οὐκ ἐχουσι ἑμολογεῖν ὁ θεομάζουσι.

она сказала: «благодать родившагося отъ меня ради меня да будетъ съ нею!» Это изреченіе ея звучитъ въ оныхъ словахъ Фотія, который, какъ надобно полагать, зналъ сіе преданіе такъ же твердо, какъ современникъ его, монахъ Михаилъ, написавшій житіе св. Теодора Студита († 826 г.) твердо зналъ, что св. евангелистъ Лука написалъ образъ Господа Иисуса Христа²⁾.

2. Фотіево описаніе той иконы Богоматери, которая поставлена была въ Софійскомъ храмѣ въ первый разъ послѣ искорененія иконоборной ереси, доказываетъ, что эта икона была произведеніе какого-то вдохновеннаго живописца, который вѣрно и искусно отобразилъ на ней христіанское ученіе о Богоматери. Онъ написалъ Владычцу, не какъ Дѣву, или Матерь, а какъ Дѣво-Матерь, написалъ такъ, что она, по словамъ Фотія, «страстно (нѣжно) смотрѣла на Рожденнаго, а по причинѣ безстрастнаго и сверхъестественнаго рождества выражала въ лицѣ своемъ невозмутимое и спокойное состояніе ангельской души своей. Уста ея были сжаты и умолкли отъ какой-то тайны, но обрисованы были такъ живо, какъ будто она готова была отвѣчать на вопросъ: какъ же ты дѣствуешь, когда родила? Ни одна неправильная черта не портила красоты цѣлаго лика. Въ немъ невидно было никакой искусственной прикрасы: напротивъ онъ былъ, какъ бы живыи первообразъ.» Изъ всѣхъ этихъ словъ видно вотъ что. 1) Византійское иконописание, ранѣе девятаго вѣка Фотія и прежде иконоборства, было вовсе не такое, какимъ мы воображаемъ его: оно подражало природѣ. Фотій положительно сказалъ о живописцѣ, что онъ вдохновенъ былъ свыше и *отнюдъ подражалъ природѣ*. ὑπόκρισις ἄρα τῆς ἀνωθεν ἐπινοίας ἢ ζωγράφου τέχνη. οὐτως ἀκριβῶς εἰς φύσιν τῆν μίμησιν ἔσθηκε. Выслушавъ эти слова изъ устъ точнаго вѣдѣнія, простимся навсегда съ своимъ невѣрнымъ мнѣніемъ о Византійской живописи, и будемъ говорить и писать, что она, во время оно, была подражаніе природѣ. 2) Древнѣйшіе Византійскіе иконописцы хорошо понимали и искусно отображали красками догматическое ученіе о Богоматери, что она есть Дѣва и вмѣстѣ Матерь, и что она родила І. Христа сверхъестественно, и не постигая этой величайшей тайны Бога, благоговѣла предъ нею. При такомъ пониманіи сего догмата они все стараніе и все искусство свое употребляли на то, чтобы въ живописномъ лицѣ пресвятой Маріи уравнать выраженіе дѣвственности и материнства, дабы видна была Дѣво-Матерь, а не Дѣва или Матерь, и для этого во взорѣ ея выражали нѣжность Матери, и отчасти неневѣстность, а во всемъ лицѣ невозмутимое спокойствіе Дѣвы, въ устахъ же ея то и другое, придавая имъ сжатость, въ знакъ благоговѣнія ея предъ тайною Бога, и изящную естественность для показанія ея матеродѣвственности. Такимъ образомъ подъ кистию ихъ являлось достойное подражанія сочетаніе двойкой правды, богословской и художественной. Этого сочетанія надобно требовать и отъ нашихъ иконописцовъ, которые, обыкновенно, пишутъ либо Дѣву, либо Матерь, но не Дѣво-Матерь. Пустьъ они изображаютъ намъ Царицу

1) Извлечено изъ рукописи Аввонантелеймоновскаго монастыря о церковной живописи. Эта рукопись 18 вѣка переведена мною, и будетъ издана въ свѣтъ, когда Богъ велитъ.

2) Vita Theodor. Studit in opp. V, 44. edit. Simondi.

небесную такъ, какъ описалъ ее Фотій. Сходный съ описаніемъ его Византійскій образецъ для нихъ сохранился въ Римѣ. Тамъ я видѣлъ его въ Космединской церкви, построенной папою Діонисіемъ I въ 271 году, и перестроенной папою Адріаномъ I въ 772 году. Тутъ надъ престоломъ водружена прекрасная икона Богоматери, написанная на доскѣ темного рѣхе 431 года, и принесенная изъ Константинополя въ Римъ греческими монахами во время иконоборства, начавшагося въ 726 году. «На этой иконѣ, по отзывамъ Римскихъ профессоровъ живописи, Иосифа Геззи, Бонавентуры Ламберти, Иоанна Моранди и Иосифа Кіари, лице Богоматери написано такъ совершенно, такъ величественно и такъ божественно, что возбуждаетъ изумленіе; оно выше всякаго искусства человѣческаго (*superga anche ogni arte umana*); *es nemo sorsimino omnino величіе Дѣвы и амьстль Матери*, такъ что не найдешь его ни въ одной земной женѣ!») А въ моей путевой книгѣ у самого престола Космединской церкви записано вотъ что. «Чело Богоматери открыто и высоко; правильныя брови ея тонки и длинны; глаза велики, круглы и отменно хороши; носъ прямъ и весьма правилень; ланиты полны и румяны; уста написаны въ видѣ лука (стрѣлебнаго); вся часть подъ нижнею губою кругла и соразмѣрна съ лицемъ такъ же округлымъ; шея длинна, персты длинны. . . Бѣлое лице Богоматери дивно-величественно и прекрасно. Въ очахъ ея выражена материнская нѣжность, благоговѣніе, умиленіе, а въ устахъ пріятнѣйшая сладость дѣвственной невинности. Головка ея, какъ Матери, слегка наклонена къ божественному Младенцу, возсѣдѣющему на лѣвой ручкѣ ея. А онъ написанъ превосходно. Бѣлое личико его кругло, полно, румяно, нѣжно; за головкою сіяетъ крестъ; густые, кудреватые, темнорусые волоски его пущены за плечики; изъ-подъ нихъ едва видно ушко; чело открыто и высоко, брови тонки, глаза круглы и черны, носикъ прямъ и весьма правилень, но не тонокъ, однако соразмѣренъ съ личикомъ и миловиденъ, уста въ видѣ лука прекрасны, губки тонки, бородачка мала, подбородочекъ нѣженъ; лѣвая ручка его, обложенная съ плечика, полна и нѣжна; ею онъ поддерживаетъ шаръ съ крестикомъ, а правую ручкою *повельваетъ*, поднимая два перста, указательный и средний, и поджавъ прочіе: я говорю, *повельваетъ*, а не благословляетъ, потому что онъ изображенъ, какъ Господь Вседержитель, а не какъ первосвященникъ; ножки его такъ хороши, что цѣловалъ бы ихъ вѣчно. Вотъ икона древнѣйшаго Византійскаго письма! Вотъ образецъ совершенства! Вотъ чудо искусства! Космединскую икону Богоматери и ту, которую описалъ Фотій, я считаю произведеніемъ если не одной кисти, то одной школы Константинопольской, которая подражала природѣ, идеализируя ее согласно съ христіанскимъ догматомъ.

3. Фотій, восхваливъ поставленную икону Богоматери, воскликнулъ: смотри, какой красоты лишена была церковь: а спустя немного сказалъ, что эта икона *оостала изъ самыя глубины забвѣнія* (τῆς μητροῦς ἐκβόου ἀπ' αὐτῶν τῆς λήθης πυρῶνον ἀνισταμένης). Изъ этихъ словъ его видно, что тогда она не вновь написана была, а только внесена въ

1) Notizie storiche dell' antichissima e miracolosa immagine della B-ma Vergine che si venera nell' insigne Basilica di S. Maria in Cosmedin. Roma. 1861.

Софійскій храмъ изъ какого-то потаеннаго мѣста, гдѣ хранилась во все время иконоборства, продолжавшагося съ 726 года до святительства Фотія (857 г.), такъ что многіе и забыли о ней.

4. Фотій радовался о восстановленіи иконопочитанія въ дни свои: а я радуюсь тому, что до насъ дошла бесѣда его объ этомъ предметѣ. Ибо въ ней, кромѣ описанія дивно-художественной иконы Богоматери, перемѣняющаго понятія наши о древней Византійской живописи, упоминается такъ: «... второе до сей поры было неизвѣстно церковнымъ историкамъ. Кто изъ нихъ зналъ, что въ Софійскомъ храмѣ не было ни одной иконы до Фотія? Кто изъ нихъ говорилъ, что этому храму не дано было право поставленія иконъ даже послѣ того, какъ померкло мудрованіе иконоборцовъ? Никто. Но такъ это было. О семъ повѣдалъ Фотій, который самъ разставлялъ тутъ святые образа накануне Пасхи и говорилъ проповѣдь по этому случаю. Вникнемъ же въ сказаніе его объ этомъ событіи, которое теперь надобно внести въ церковную исторію. Онъ говорилъ: «пастоящій день если бы кто называлъ началомъ и днемъ православія, дабы не сказать полновѣснѣе, тотъ не погрѣшилъ бы въ должномъ. Ибо хотя и не короткое время прошло съ той поры, когда померкло мудрованіе иконоборной ереси, и когда во всѣхъ концахъ вселенной возсіяли правые догматы, возженные по царскому повелѣнію: — *мое и это украшеніе, а подвижъ боголюбивой Державы*: — по это око вселенной, этотъ знаменитый и божественный храмъ, въ которомъ изгажены были священныя изображенія, еще угрюмъ былъ, потому что еще не получили права восстановленія иконъ (τῆς γὰρ εἰκονοσυρῆτης ἀναστῆλῶσως οὐκ ἠπέληφεν τὸ δικαίωμα), и входящихъ въ него поражать блѣдною пустотою облицовки, а отъ этого и православіе казалось угрюмымъ. А теперь невѣста Христова украсилась всѣми убранными своими.» Полновѣсное сказаніе! Въ немъ изложены два событія, 1) торжество православія надъ иконоборною ересью, и 2) внесеніе иконъ въ храмъ святой Софіи, и упомянуто, что между тѣмъ и другимъ событіемъ прошло некороткое время. Какъ же опредѣлить это время? Въ какомъ году поставлены были иконы въ сказанномъ храмѣ, а Фотіемъ произнесена бесѣда по этому случаю, и за сколько лѣтъ предъ тѣмъ померкло иконоборство и возсіяли правые догматы? Я полагаю, что Софійскому храму дано было право восстановленія иконъ въ 867 году, и что тогда же Фотій въ великую субботу говорилъ бесѣду по этому случаю, а полагаю такъ, имѣя твердое основаніе. Вотъ оно. Въ заключеніи этой бесѣды сказано: «сподоби (Господи) получившихъ отъ тебя царство на землѣ украшать прочія части сего храма святыми образами.» Тутъ, явно, разумѣются два современные Фотію царя, именно, Михаилъ и соправителевавшій съ нимъ Василій Македонскій, а не мать Михаила, Θεοδώρα, потому что во время патріаршества Фотія она уже не управляла государствомъ, и потому не могла быть подразумѣваема проповѣдникомъ. А Василій провозглашенъ былъ царемъ въ 866 году послѣ пасхи въ день пятидесятницы, въ сентябрѣ же 867 года ¹⁾ Михаилъ скончался; слѣдовательно Фотій въ великую субботу говорилъ бесѣду въ присутствіи его въ 867 году, когда съ нимъ

1) а по церковному счисленію 868-го сентябренаго года.

соцарствовалъ Василій: поеліку же тогда великая суббота приходилась 29 марта, то и оказывается, что право возстановленія иконъ дано было Софійскому храму предъ этимъ днемъ, который Фотій назвалъ началомъ и днемъ православія. До этого дня, по увѣренію его, прошло не короткое время съ той поры, когда померкла иконоборная ересь и возсіяли правыя догматы по царскому повелѣнію. Откуда же начать счетъ сего времени? Нельзя начать его съ седьмага вселенскаго Собора, узаконившаго почитать св. иконы въ 787 году, потому что иконоборство не прекратилось съ этой поры, и продолжалось даже при царѣ Теофилѣ, который скончался въ 840 году. Нельзя начать его и съ учрежденія праздника православія при царѣцѣ Теодорѣ въ 841 году, потому что во время управленія ея государствомъ съ 840 года по 854-й было еще много сильныхъ иконоборцовъ, которыхъ Фотій назвалъ отвратительными по пронырству и отвратительнѣйшими по нечестію ¹⁾. Итакъ остается только то время, которое протекло отъ начала святительства сего патріарха въ 857 году до великой субботы 867 года. Эти десять лѣтъ и составляютъ искомое время некороткое, въ теченіи котораго Софійскій храмъ не получалъ права возстановленія иконъ послѣ уничтоженія ереси иконоборцовъ. Въ началѣ сего времени, либо въ 857 году либо въ слѣдующемъ, померкло мудрованіе этой ереси и возсіяли правыя догматы по повелѣнію царя Мѣхалла при содѣйствіи Фотія, какъ это доказываютъ слова самаго вѣтін: «*мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы:*» а спустя десять лѣтъ явились и иконы въ сказанномъ храмѣ, но не многіе, потому что полное украшеніе его святыми образами предоставлено было времени, какъ это видно изъ заключенія бесѣды Фотія. — По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, надобно внести ихъ въ исторію Церкви въ слѣдующемъ порядкѣ времени. Въ 726 году началось иконоборство и явно продолжалось до смерти иконоборнаго царя Теофила, скончавшагося въ 840 году, а съ этой поры до 857 года дѣйствовало хотя и не открыто, но такъ сильно, что даже послѣ праздника православія и возстановленія честныхъ иконъ, при царѣцѣ Теодорѣ, Софійскій храмъ оставался пустъ во все время несовершенности Мѣхалла III; когда же Фотій провозглашенъ былъ патріархомъ въ 857 году, тогда при содѣйствіи его обнародовано было повелѣніе сего государя, уже совершенностию и единовластнаго, повелѣніе, которымъ иконоборство оглашено было, какъ ересь, а иконопочитаніе, какъ правый догматъ. Это важное дѣяніе Фотій приписалъ царю, а о себѣ по скромности сказалъ только, что оно послужило украшеніемъ его патріаршества. Но и послѣ этого дѣянія Софійскій храмъ еще не получалъ права возстановленія иконъ въ теченіи десяти лѣтъ, безъ сомнѣнія, по государственной осторожности, выкидавшей смерти многихъ послѣдѣлыхъ годовицниковъ иконоборства, и по умному расчету самаго Фотія, который сперва старался

1) Въ числѣ ихъ, по словамъ самой Теофоры, были многіе сановники изъ Синклита (Сената), служащіе чиновники, даже митрополиты, и самъ патріархъ (Иованнъ Леканомангъ). Θεοφώρα, ἐπεὶ περὶ τῆς ὀρθοδοξίας ἤκουσε, «*τοῦτο, ἔφη, καὶ δι' ἐπιθυμίας ἦγον αἱ καὶ μελετώσα διέλειπον οὐδαμῶς. ἀλλ' ἡ τῶν πολλῶν συγκλητικῶν καὶ τῶν ἐν τέλει τῆ τοιαύτη προσανακειμένων αἰρέσει πλεῖσθός ἐκβλύεν ἄχρι τῆς σήμερον, οὐχ' ἦττον δὲ καὶ αἱ τῆς ἐκκλησίας ὑπερμαχοῦντες μητροπολίται, καὶ μάλιστα ὁ πατριάρχης.*» — Theophrastus continuati L. IV, pag. 149. Editio. Bonnae 1898 an.

утвердить въ умахъ правое ученіе Церкви объ иконопочитаѣніи, утвердить посланіями и тѣми публичными уроками, которые онъ, будучи патріархомъ, преподавалъ многимъ въ Царьградѣ, потомъ, когда увидѣлъ общее расположеніе къ древнему православію, освятившему иконопочитаѣніе, внесъ въ Софійскій храмъ и святые образа вмѣстѣ съ дивнохудожественною иконою Богоматери, которая до того времени хранилась гдѣ-то въ потаенномъ мѣстѣ. Умно же онъ велъ все это дѣло: сперва выгнѣсилъ ложное ученіе иконоборцовъ истиннымъ ученіемъ Церкви, а потомъ ввелъ и обрядъ иконопочитаѣнія, какъ наилучшій способъ учить простыхъ людей вѣрѣ и благочестію посредствомъ живописныхъ иконъ. Вѣчная память Фотію, ревнителю древняго православія и восстановителю иконопочитаѣнія! Вѣчная память и православному царямъ Михаилу и Василію, украсившимъ Софійскій храмъ святыми образами, безъ которыхъ православіе угрюмо.

Кончень мой разборъ третьей бесѣды Фотія. Остается мнѣ показать содержаніе четвертой бесѣды и особенности ея. Приступаю и къ этому труду, заранѣе радуясь тому, что мнѣ суждено оповѣстить другое важнѣйшее событіе, котораго до сей поры не знали всѣ историки.

Четвертая, предложенная, бесѣда говорена была Фотіемъ съ амвона въ храмѣ святой Софіи, когда Константинопольскіе граждане воздвигли колонну съ надписью въ честь государей своихъ Михаила и Василія, которыхъ умѣніемъ и усердіемъ обращены были въ православіе всѣ еретики и идолопоклонники во всемъ царствѣ ихъ. День былъ торжественный, радостный, священный. Такому дню приличествовало слово краснорѣчивое и, по обычаю Грековъ, *столбовое* (λόγος στηλαιοειδής), которое возвѣщаетъ болѣе громадность событий и величіе дѣяній, нежели блистательныя качества дѣятелей. Такое слово произнесъ Фотій. Оно весьма полнозвѣсно и богато историческимъ содержаніемъ своимъ. Посему я, не стѣсняя свободы читающихъ его, рѣшаюсь изложить свое разсужденіе о немъ, и во первыхъ показываю составныя части его, во вторыхъ опредѣляю время, когда оно произнесено было, въ третьихъ поясняю тѣ выраженія, которыя не всякій можетъ понять, и наконецъ обобщаю всѣ новыя свѣдѣнія, какия оно даетъ намъ.

1. — Торжество православія, покорившаго себѣ всѣ ереси во всемъ тогдашнемъ Византійскомъ государствѣ, было чрезвычайное событіе въ вѣкъ Фотія. Чѣмъ менѣе онъ ожидалъ его отъ своего времени, тѣмъ болѣе возрадовался, и бесѣду свою началъ прославленіемъ сего времени. А прославлено оно краснорѣчиво. Слушаешь славу ему и чувствуешь, что ея изрѣкалъ витія восточный, настроившій рѣчь свою по образцамъ твореній древле-земскихъ. Онъ представилъ вѣкъ свой въ видѣ жены, которая давно не раждала, и вдругъ принесла дивнопрекрасное дѣтище и вскормила его своею грудью. Вотъ начало бесѣды его, сокращенное мною въ избѣжаніе повтореній. «Заматорѣвшее время уже давно не мучилось

новыми родами, и только лелѣло прежнія порожденія своя, будучи не въ силахъ помолодѣть и произвестъ что либо славное, кругомъ вращая одно и тоже, и хвалясь тѣмъ, что не разъ было пересчитано и потеряло свою цвѣтущую юность и прелесть. Но теперь у него есть мужъ, могучій производитель событій боголюбезныхъ и великихъ¹⁾; и вотъ, опять оно красуется своими родами, какъ молодища, и даетъ плодъ царственный, вседобротный, котораго красота цвѣтетъ подъ освѣщеніемъ Истины. Если бы приглашены были вигги, умѣющие сильными краснорѣчіемъ выражать величіе событій; то пылъ и свѣжесть настоящаго времени все-таки остались бы при немъ. Посему и я желалъ бы молчать и не унижать неизреченнаго величія дѣлъ слабымъ словомъ моимъ. Впрочемъ когда присущи событія, и когда всѣ, сами, понимаютъ благознаменитость дѣяній, тогда, думаю, не великъ будетъ ущербъ, ежели слово окажется ниже своего предмета.» Такимъ началомъ бесѣды своей Фотій съ перваго раза далъ знать, что совершилось что-то новое и чрезвычайное, но не политическое, и не въ области вѣдѣнія, или искусствъ человѣческихъ, а *боголюбное и цвѣтущее подъ освѣщеніемъ Истины*, слѣдовательно въ области Вѣры и Церкви, и потому далѣе сказалъ, что хотя и славны многіе подвиги царя Михаила, но онъ не намѣренъ говорить ни о разсудительности и сильной волѣ, ни о благосклонности и щедрости его, ни о той заботливости, съ какою онъ украсилъ церкви святыми образами, а предложитъ слово лишь о томъ, въ чемъ выразилось истинное благочестіе и вмѣстѣ великая ревность. Послѣ этого предложенія логически слѣдовало ему говорить либо о торжествѣ православія надъ ересями, либо о лицахъ, подготовившихъ это чрезвычайное событіе, либо о томъ и другомъ. Уму Фотія представилось то и другое съ равнымъ правомъ на первенство; и онъ послѣ минутнаго колебанія въ выборѣ того или другаго предмета бесѣды рѣшился говорить и о радостномъ для Церкви событій и о виновникахъ его, и говорилъ такъ, что возвеличилъ не столько дѣйствовавшія лица, сколько священное дѣло ихъ. Такъ какъ два царя, съ помощію государственнаго Сокѣта и военнаго начальства, совершили благотворное дѣло искорененія всѣхъ ересей, Михаилъ и Василій; то онъ, бесѣдуя объ ихъ участіи въ этомъ дѣлѣ, возвеличилъ ихъ обоихъ, но порознь. Посему и бесѣда его раздѣлена на двѣ части. Въ первой повѣдано исполненіе этого дѣла Михаиломъ къ великой радости Церкви, а во второй открыты помыслы содѣйствовавшаго ему Василю и ихъ мирное осуществленіе при посредствѣ многихъ сподвижниковъ.

Фотій, раздѣляя радость Церкви объ искорененіи всѣхъ ересей, говорилъ: —

«Велики радуйся дщерь Сіона. . Огъялъ Господь обиды твои. . Вотъ возлюбленный сынъ твой (Михаилъ) не одного врага твоего, и не начальника одной, или многихъ, ересей, но всѣ полчища враждебныя съ ихъ вождями представилъ тебѣ, какъ добычу. Возведи окрестъ очи твои, и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли еретики и расколышники. Веселись и радуйся всѣмъ сердцемъ твоимъ.

1) Подъ этимъ мужемъ Фотій разумѣлъ царя Михаила, но не отдѣлялъ отъ него и Василя Македонскаго, представляя ихъ обоихъ единомысленною двоцею. Это доказываетъ вся бесѣда его.

Православіе торжествуетъ.

(Слова Фотія.)

Сынъ проповѣдуется единосущный отцу.

Духъ совѣщается съ ними въ едно Божество.

Слово, пріявшее плоть отъ Дѣвы для общаго спасенія и возсозданія человѣческаго рода, не отдѣляется отъ существа человѣческаго.

Два естества въ немъ сохраняютъ неслитность,

и то и другое обнаруживается свойственнымъ каждому дѣйствованіемъ.

Переселеніе душъ уже не проповѣдуется.

Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой низпали они по злой волѣ своей.

И самъ Христосъ уже не осмѣивается и не порицается поддѣльными хвалами.

Ни одно нечестивое ученіе уже не появится дерзновенно. Ибо побѣдоносный Перворатоборецъ нашъ письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованымъ копьемъ, поразилъ самыя внутренности ересей . . . и онѣ лишены послѣднихъ надеждъ своихъ.

Ересей уже нѣтъ.

(Мои поясненія.)

— Аріанство, отрицавшее это единосущіе его, исчезло.

— Ересь Македоніанъ, признававшихъ Духа святаго только силою Божіею, искоренена.

— Ересь Несторіанъ, отдѣлявшихъ во Христѣ божеское естество отъ человѣческаго, погибла.

— Лжеученіе Евтихіанъ, сливавшихъ два естества во Христѣ въ одно, не слышно.

— Мудрованіе Моноелитовъ, признававшихъ одну волю и одно дѣйствованіе во Христѣ, отвержено.

— Пифагорейцы и Манихей умолкли.

— Многочлія, выдуманная бѣсами, осталась въ одномъ воспоминаніи; и боговъ, богинь, героевъ, нимфъ, идоловъ, уже никто не почитаетъ, (хотя еще въ дни патріарха Игнатія, которому преемникомъ былъ Фотій, въ Константинополѣ находились идолопоклонники, съ которыми прилучилось ему сдѣлать въ темницѣ.)

— Нѣтъ болѣе иконоборцовъ, которые, какъ тутъ же сказалъ Фотій, злились на икону Христа, а его двословили (прославляли какими-то напыщенными и странными пѣснопѣніями), ее разбивали, а его почитали, и такимъ образомъ бѣсились бѣшенствомъ двойнымъ.

— Благочестивый царь Михаилъ написалъ исповѣданіе православной Вѣры, и обнаруживъ оное, объявилъ эту Вѣру господствующею, единою и единственною въ государствѣ. Посему еретики и во снѣ не увидятъ возрожденія своихъ лжеученій.

Повѣдавъ такое радостнѣйшее торжество Православія, Фотій сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу царя Михаила, побѣдившаго грозныя (sic) ереси, и заключилъ первую часть бесѣды выраженіемъ своего выпреннаго воззрѣнія на то величайшее благо для вселенной, которое проистекаетъ отъ единства Вѣры и Церкви. «Эта побѣда, — говорилъ онъ, — всю вселенную, какую только увѣнчиваетъ законъ христіанскій, освобождаетъ отъ раздраженія, предупреждаетъ многія бѣдствія, и всѣмъ струитъ обильные потоки радости и веселія. Ибо вездѣ видится одно согласіе, одно исповѣданіе Вѣры, и одна каволическая Церковь, распространяющаяся во всѣ концы земли.»

Обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе, увеличившихъ собою полноту единой Церкви Христовой, было событіе чрезвычайное. Чѣмъ менѣе можно было ожидать его по человѣческому расчету, потому что еретики были сильны и даже грозны; тѣмъ яснѣе видѣнь былъ въ немъ перстъ Божій, тотъ перстъ, который указываетъ потребнаго мужа, какъ начинателя новыхъ судебъ лучшей части человѣческаго рода. Этотъ перстъ видѣлъ Фотій: видѣлъ и этого начинателя, назвалъ его по имени, и повѣдалъ о немъ, что онъ исполнилъ волю Бога, какъ мужъ наученный свыше, и поощренный къ великому дѣлу святымъ апостоломъ Петромъ. Созерцаніе, или лучше, душевное ощущеніе дѣйствія Божія въ такомъ событіи, каково обращеніе всѣхъ еретиковъ въ православіе, и радость объ этомъ событіи, придали рѣчи сего вѣти оборотъ, складъ и тонъ особенный. Въ упоеніи духовнымъ веселіемъ онъ говорилъ: «горы да капаютъ сладость, и холмы веселіе! Ибо человѣколюбивыми очами прирзрѣтъ Господь на народъ свой, воздвигнувъ и возвысивъ Василія, дѣйствительную силу державы, Василія возлюбленнаго сына своего; да и онъ, — съ восторгомъ говорю, — все то, чему надлежало быть по волѣ Отца небеснаго, понялъ и принялъ, какъ свой жребій.» Сказавъ эти слова, Фотій какъ бы увидѣлъ предъ собою царя Василія, понявшаго свое предназначеніе и дѣло, и началъ спрашивать: кто умудрилъ его, и кто поощрилъ къ совершенію новаго и великаго дѣла? и самъ же отвѣтилъ на эти два вопроса. Вотъ вкратцѣ вопросительно-отвѣтная рѣчь его обращенная къ сему государю. «Вселенскіе Соборы пользовались прежними преданіями и ученіями: ты же, защитникъ благочестія, чей примѣръ имѣлъ въ виду, когда совершалъ новое и священное дѣло? Какого нашелъ ты учителя? . . Явно, что тайнымъ наставникомъ твоимъ въ совершеніи сей службы былъ самъ Господь, который въ евангеліи сказалъ: всякаго, кто исповѣдаетъ меня предъ чловѣкѣми, и я исповѣдую предъ отцемъ моимъ небеснымъ. . . . Да и совѣтникомъ тебѣ былъ тотъ, кого сама Истина (І. Х.) назвала камнемъ и основаніемъ Вѣры, Петръ верховный ученикъ ея. Онъ внушилъ тебѣ быть готовымъ дать отвѣтъ всякому, требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльной вѣры твоей¹⁾. А ты принялъ совѣтъ его всѣмъ разумнѣемъ твоимъ, и тотчасъ осуществилъ его, написавъ и провозгласивъ правое Вѣроисповѣданіе, и всѣ ереси шутнувъ на насѣсть ада. Это дѣяніе твое настолько превосходитъ всѣ прочія царскія заботы, насколько душа превосходитъ тѣло, солнце луну, умозрѣніе чувственныя понятія. Посему теперь всякому

1) 1 Петр. 3, 15.

языку есть что говорить о твоей доблести.» Всѣ эти слова Фотія — не слова, а лучи свѣта, сгущенные вокругъ головы царя Василия. Озаривъ его такимъ небеснымъ сияніемъ, витія превознесъ этого избранника Божія выше Моисея, Финееса и Давида, въ томъ отношеніи, что тѣ спасали народъ свой отъ идолопоклонства, опасностей и враговъ, не безъ пролитія крови одноплеменниковъ своихъ и не надолго, а онъ избавилъ подданныхъ своихъ отъ лжеученія еретиковъ и отъ душевной погибели, избавилъ мирно, и навсегда даровалъ Церкви единомудріе и единомысліе: [что и понынѣ продолжается у Грековъ, между которыми нѣтъ ни еретиковъ, ни раскольниковъ.] Эту похвалу царю Василию окончена вторая часть бесѣды Фотія, за которую непосредственно слѣдуетъ заключеніе ея весьма замѣчательное. Краснорѣчивый патріархъ, подъ конецъ, восхвалялъ и ублажилъ согражданъ, патріаршею и военачальниковъ, первыхъ за то, что они воздвигли памятникъ въ честь царей Михаила и Василия, а вторыхъ и третьихъ за ихъ ревностное содѣйствіе въ такомъ богоугодномъ дѣлѣ, каково искорененіе всѣхъ ересей во всемъ государствѣ. По такому ходу рѣчи слѣдовало ожидать отъ него похвалъ и архіереямъ и священникамъ, если они участвовали въ этомъ дѣлѣ; но не то сказалъ правдивый Фотій. Послушаемъ его. «Блаженны и вы, патріци и военачальники, ратовавшіе противъ такихъ и столькохъ ересей, и совершившіе богоугодные подвиги! А вы, священный ликъ іереевъ и архіереевъ, почто такъ, *мома*, стали (здѣсь), и какъ бы *перелитые* чрезвычайною радостію, уподобились пораженнымъ и изумленнымъ, вперивъ взоры и мысли ваши въ самый блескъ дѣяній? Вѣдь тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость. Проговорите же достойно торжества и съ богоотцемъ Давидомъ скажите слово громовое и молніеносное: напрягись и успѣвай достолюбимая двоица царей, и царствуй ради истины кротко и правосудно.» — Изъ этихъ словъ видно, что тогдашніе іереи и архіереи сильно печалились о томъ, что много было еретиковъ, но молчали и бездѣйствовали, и что даже и тогда, когда совершилось обращеніе ихъ въ Православіе, они не произнесли ни одного похвального слова, и молчаливые (στυβότες) пришли въ храмъ св. Софіи, хотя и обрадованы и изумлены были этимъ блистательнымъ дѣяніемъ. Надлежало бы имъ по крайней мѣрѣ *говорить и говорить* въ избыткѣ радости, говорить столь много и долго, сколь много и долго молчали прежде, и такимъ алгебраическимъ уравненіемъ говорливости и молчаливости доказать, что они умѣли владѣть собою; но не то было. Когда еретиковъ было много: они горевали и молчали. Когда еретиковъ не стало: они радовались, но опять молчали. Гдѣ же тутъ уравненіе печали и радости ихъ? Гдѣ говорливость отъ избытка сердца? Гдѣ умѣнье владѣть собою? И что это значить? Ужъ не трудненько ли было имъ говорить о томъ, что совершилось безъ ихъ участія? Должно быть такъ. О Фотій! Люблю я твою правду. Сладко мнѣ краснорѣчіе твое. Оно — манна съ неба.

II. — Бесѣда сего витія о торжествѣ Православія надъ ересями говорена была въ 867 году, если не въ день памяти верховнаго апостола Петра (29 Іюня), который упомянуть въ ней, то не много позже. Такъ опредѣляю я время это по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ 866 году 26 мая вѣнчанъ былъ на царство Василій Македонскій. Но не вдругъ же онъ

могъ вмѣстѣ съ Михаиломъ совершить такое трудное дѣло, каково искорененіе всѣхъ ересей, кои тогда были грозны. По словамъ Фотія, *оно было слѣдствіемъ мѣткости соображеній, совѣтовъ и исполненій дѣйствовавшихъ лицъ*¹⁾; и такъ прошелъ покрайней мѣрѣ годъ въ однѣхъ приготовленіяхъ и распоряженіяхъ, дававшихъ ускоренный ходъ сему дѣлу во всемъ государствѣ. Но надобно же прибавить къ этому году два, или вѣрнѣе три мѣсяца, для постановки памятника двумъ государямъ, и для обнародованія ихъ вѣроисповѣданія; а если надобно, то и окажется, что Фотій, по случаю торжества Православія надъ ересями, говорилъ бесѣду въ концѣ августа 867 года. Отнести сіе торжество къ сентябрю мѣсяцу этого же года я затрудняюсь потому, что въ этотъ мѣсяць дозрѣвалъ заговоръ противъ царя Михаила, который и умерщвленъ былъ тогда ночью подъ 24 день. Такой расчетъ времени, сдѣланный мною, приметъ всякій, кто только привыкъ судить о ходѣ событій такъ, какъ велитъ логика ихъ.

III. — Фотій говорилъ бесѣду Грекамъ, приспособляясь къ ихъ обычаямъ и повѣрьямъ и употребляя такія выраженія, какихъ мы теперь избегаемъ. Посему нѣкоторыя изрѣченія его не всякому понятны и требуютъ поясненій.

Въ началѣ четвертаго отдѣленія бесѣды сказано: «Ты видишь: какія новыя, хорошія и блестящія златицы съ *большою лихвою* далъ онъ тебѣ, какъ кормилщѣ.» Тутъ подъ златицами и лихвою ихъ разумѣются обращенныя въ православіе *весьма многіе* еретики, а подъ кормилницею Каеолическая церковь. Такое сравненіе занято изъ жгтейскаго быта. Какъ отецъ семейства давалъ золото кормилщѣ съ условіемъ, чтобы она грудью кормила новорожденное дѣтище его: такъ царь Михаилъ, вмѣсто золота, вручилъ церкви новообращенныхъ въ православіе, для того, чтобы она вмѣстѣ съ чадами своими напитала ихъ истинною. Благоприсойно — данное Фотіемъ Церкви названіе, кормилица; но оно можетъ быть употребляемо съ разбѣрчивостію только тогда, когда придется говорить объ еретикахъ, принявшихъ ученіе вселенской Церкви, но еще не напитавшихся имъ.

Въ этомъ же отдѣленіи, не много ниже, сказано: «Посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсылаи по горамъ и стремнинамъ погибели Вакханки и г'Аріип ересей и расколовъ, унесши ихъ туда послѣ обаянія разными Коривандинами». Такая рѣчь можетъ быть понятна только тому, кто хорошо знаетъ Греческую Мифологію (Баснословіе). А такъ какъ немногіе знаютъ ее; то и предлагается здѣсь объясненіе баснословныхъ названій, употребленныхъ въ этой рѣчи, и передается смыслъ ея. — Въ древнѣйшія времена, когда Греки поклонялись разнымъ богамъ, Вакханками назывались спутницы бога Вакха = Діониса, будто бы изобрѣтатели винодѣлія. Онѣ вмѣстѣ съ нимъ ходили по горамъ, и бѣшенныя отъ вина, руками своими разрывали на части живыхъ звѣрей, и питались ихъ певаренымъ мясомъ. Въ склокоченные волосы ихъ вилетаемы были змѣи. Въ рукахъ онѣ держали посохи, обвитые виноградными вѣтвями, и въ минуты жажды своей ударили ими о землю и камни, и такимъ

1) Смори конецъ IV отдѣл. этой бесѣды.

способомъ изводили оттуда молоко, медъ, вино, которымъ и упивались дѣбьяна. Такихъ спутницъ у Вакха было сперва девять; потомъ онъ присоединилъ къ нимъ столько же Музъ, и наконецъ собрать ихъ весьма много и назвать *Θυάδαμ*. Всѣ онѣ на головахъ своихъ носили Фригійскія мѣтры, а въ рукахъ держали тимпаны, свирѣли и вѣтви, такъ называемыя *Θυρсы*, и выплясывали разныя бѣшенныя пляски вмѣстѣ съ сатирами и хороводителями своими, безобразнымъ Силеномъ и козленогимъ Паномъ. Вмѣстѣ съ ними плясали и самъ Вакхъ. А впереди ихъ прыгала Никъ (побѣда) съ золотыми крыльями. Такія пляски Вакханокъ продолжались у Грековъ, пока они обожали Вакха. — Кромѣ сего божества ихъ плодovitое баснословіе создало Диво подъ именемъ *Θάυμας*. Этотъ *Θάυμας*, сынъ моря и земли, сочетавшись съ дочерью океана Илектрою, родилъ Иру (радугу) и три *γ'Αρπί* (хпщницы), *Αζαλό*, *Οκίπευ* и *Κελεό*. Эти *γ'Αρπί*, видомъ чудовища, имѣли уши медвѣжи, станъ коршуновъ, руки человѣческія, а лице дѣвичье, и летая на крыльяхъ своихъ подобно вихрямъ, производили большой шумъ, а гдѣ пролетали, тамъ оставляли нестерпимое зловоніе, которое сообщалось и тѣмъ предметамъ, къ которымъ онѣ приближались. Всегда голодныя, онѣ похищали все, что попадалось имъ. Посему Греки вѣрили, что кто пропасть безъ вѣсти, того унесли *γ'Αρπί*. Этихъ чудовищъ всѣ боялись, а Коривантовъ почитали. Они жили на островѣ Критѣ и составляли особое племя, враждебное сосѣдямъ ихъ Телхинамъ. У нихъ богиня Рея укрывала младенца своего, Зевеса, боясь, какъ бы не покралъ его мужъ ея Сатурнъ. Принявъ къ себѣ этого младенца Кориванты, когда онъ плакалъ, заглушали крики его звуками своихъ свирѣлей, тимпановъ и кимваловъ, дабы не отыскалъ его Сатурнъ, и такимъ способомъ обманувъ этого всепоглощающаго бога, воспитали сына Реи. Они выдумали пляску, называемую *Πυρρική*, и производили ее, ударяя щитъ о щитъ и мечъ о мечъ, крича что есть мочи, и подскакивая подобно бѣшеннымъ, или пестуленнымъ. Отъ такихъ тѣлодвиженій ихъ произошло и слово, *Κοριβάντινα* ¹⁾. Послѣ этого понятенъ смыслъ рѣчи Фотія. Сравнивъ еретиковъ и раскольниковъ съ Вакханками, *γ'Αρπί* и Коривантами, онъ далъ тѣмъ знать, что они въ свои общины завлекали немудрыхъ людей не проповѣдями, не убѣжденіями, а разными обольщеніями, выгодами и шумно-пышными обрядами, и заражали ихъ зловоніемъ своихъ душъ смердящихъ.

Въ пятомъ отдѣленіи бесѣды, тамъ, гдѣ говорится о царѣ Василіи, выражено, что «памятникъ торжества надъ всѣми ересями воздвигнуть былъ свободною волею и рукою съ искреннею надписью на немъ, и исповѣдана утвержденная, не какъ прежде, тайна благочестія: *Ὁ κατὰ πασῶν αἰρέσεων πεπαθήσασμένη καὶ γνώμη καὶ γλώσση* ²⁾ *καὶ χεὶρ ἔστηλογραφῆσθαι βραβεύσας, καὶ τὸ τῆς εὐσεβείας κρατυνῶν, ὡς οὐκ ἄλλοτερον, ἀνομολογήσθαι τὸ μυστήριον*». Въ этихъ выраженіяхъ, сжатыхъ и искусственныхъ, заключается та простая мысль,

1) Ἑλληνικὸν Πάνθειον παρὰ Χαρισίου Δημητρίου Μεγάρου, §§. 204. 240. 332. — Ἐν Πέστη, 1812.

2) Здѣсь выраженіе, *πεπαθήσασμένη γλῶσση ἔστηλογραφῆσθαι βραβεύσας*, можетъ быть понимасмо только въ томъ смыслѣ, что на памятникѣ начертана была надпись, и что языкъ, или, слогъ ея отзывался непринужденною искренностію тѣхъ людей, которые ставили памятникъ.

что граждане Константинополя поставили колонну въ память торжества надъ всѣми ересями по доброй волѣ своей, и, благодарные своимъ государямъ, искоренившимъ ложныя ученія, искренно выразили въ надписи на ней свою признательность къ нимъ и свою радость о торжествѣ Православія, которое утвердилось болѣе, нежели когда либо, отъ того, что цари Михаилъ и Василій исповѣдали тайну благочестія¹⁾, то есть, написали Исповѣданіе Православной Вѣры и провозгласили ее одною и единственною въ государствѣ.

IV. Пояснивъ выраженія не всѣмъ понятныя, обобщаю тѣ новыя свѣдѣнія, какія даетъ намъ разсматриваемая бесѣда Фотія.

1. Въ ней сказано о Михаилѣ, что онъ воцаренъ былъ еще въ пеленахъ²⁾. Дѣйствительно, первый годъ его 27 лѣтняго съ третью царствованія совпадаетъ съ 840 годомъ, въ который онъ родился. Стало быть, царемъ провозгласили его тотчасъ послѣ крещенія.

2. Извѣстно, что онъ юность свою провелъ разсѣянню; а остепенился ли хоть въ послѣдніе годы своего царствованія: объ этомъ и о лучшихъ качествахъ его никто не сказалъ ни слова. Но Фотій, знавшій его близко, повѣдалъ, что «онъ одаренъ былъ разсудительностію и сильною волею, кои обнаруживалъ во многихъ обстоятельствахъ, и особенно въ дѣлахъ запутанныхъ, былъ ко всѣмъ привѣтливъ, со всякимъ говорилъ улыбаясь, и во всѣхъ вмѣсто тиранскаго страха поселилъ свободную любовь, поставляя любочестіе свое въ томъ, чтобы его называли лучше отцемъ отечества, нежели повелителемъ, непринимая титуловъ прежде совершенія дѣлъ, но украшавъ дѣянїями прежде проименованій, какъ это велитъ разумъ, заповѣдующій приличіе»³⁾. Юношеская разсѣянность его не скрыта правдивымъ патриархомъ, но за то повѣдано и исправленіе его въ послѣдніе годы царствованія. Фотій, незадолго до кончины сего государя, прямодушно сказалъ о немъ, что онъ совершилъ славные подвиги *посль того, какъ присмотрѣлся къ своему царству* (ἀφ' οὗ τῆς βασιλείας οὗτος διέκουσεν), то есть, сдѣлался внимателенъ къ дѣламъ государственнымъ⁴⁾, и что Церковь, усыновившая его еще въ пеленахъ и вскормившая своимъ благовѣріемъ, *обратила его къ благочестію* и возростила въ мѣру возраста Христова, какой онъ могъ достигнуть. Ὁρθῶς σοῦ τὸν ἡγαπημένον υἱόν, ὃν ἐξ αὐτῶν σπαργάνων ἐς υἱὸν ἔβλεψεν καὶ βασιλεύσασα, καὶ εὐσεβεῖα μὲν συνεκτρέψασα, εὐλαβεῖα δὲ συνατρέψασα, ἐς τοῦτο τὸ μέτρον τῆς κατὰ Χριστὸν ἡλικίας προήγαγε (IV отдѣл. бесѣд.). Изъ всѣхъ этихъ словъ ясно видно, что Михаилъ сначала не занимался государственными дѣлами, тѣмъ менѣе благочестіемъ, а потомъ былъ хорошій государь и благоговѣйный христіанинъ. Эти двѣ правды Фотій сказалъ о немъ въ храмѣ Божіемъ, призывая въ свидѣтели саму истину: *кѡν καὶ αὐτὴν ἔχωσι ἐφεστῶσαν αὐτοῖς καὶ μάρτυρα τὴν ἀληθείαν* (II отд. бес.). Посему надобно признать ихъ, и видѣть въ этомъ государѣ не однѣ слабости его, но и тѣ достоинства, какія онъ имѣлъ и какія указалъ въ немъ не

1) I Тикко. 3, 16.

2) Смотри. IV отдѣл. бесѣд. — 3) II отдѣл. ея. — 4) II отдѣл.

придворный льстецъ, а правдивый патриархъ, который даже о щедрости его говорилъ, не какъ другіе, считая ее полезною для государства ¹⁾).

3. Пусть другіе скажутъ, ели могутъ: какіе и чьи города разумѣлъ Фотій, когда говорилъ, что царь Михаилъ непріятельскіе между ними перемѣщаль, а города союзниковъ украшалъ и населялъ ²⁾. А я обращаю вниманіе на слѣдующія слова сего витія: «священною заботливостію его (Михаила) о семь храмѣ (Софійскомъ) и о священныхъ зданіяхъ = *οἰκοδομημάτων* ἱερῶν совершенно неожиданное дѣло и явлена красота неизгладимая ³⁾». Этими словами Фотій напомнилъ слушателямъ своимъ о недавнемъ возстановленіи иконопочитанія: а намъ эти же слова внушаютъ, что при Михаилѣ не одна Софійская церковь, но и всѣ прочія украсились святыми образами. Новое историческое свѣдѣніе! Но вотъ еще намъ новость неслыханная!

4. До 867 года въ Константинополѣ и во всемъ тогдашнемъ Византійскомъ царствѣ находилось много послѣдователей Арія, Македонія, Несторія, Евтихія, и не мало Моноелитовъ, Манихеевъ, иконоборцовъ и идолопоклонниковъ. Всѣ эти еретики были сильны и даже грозны ⁴⁾; но всѣ вдругъ обратились въ православіе. Это чрезвычайное событіе было слѣдствиемъ меткости соображеній, совѣтовъ и исполненій двошцы царей, Михаила и Василія, и ихъ сподвижниковъ, Патрищевъ и военачальниковъ ⁵⁾. Самый дѣятельный между ними былъ Василій, котораго Фотій называлъ дѣйствительною силою Державы. А дѣятельность его въ этотъ разъ возбуждена была словами Господа въ евангеліи, — *εσκασα, κτο ισπουδουετς мене предс человеками, и я исповдую предс отцелм моимл небеснымл*, — и внушеніемъ св. апостола Петра, заповѣдавашаго христіанамъ *быть готовыми дать отчетъ всякому требующему отчета съ чистотъ неподдѣльной стры*. Трудно сказать, какъ проявилось въ немъ такое возбужденіе: внезапно ли онъ припомнилъ, или услышалъ эти слова Господни и это наставленіе Петрово, и потомъ сталъ думать, какъ хорошо было бы, если бы всѣ подданные царя исповѣдовали одну Вѣру, и если бы самъ онъ подалъ примѣръ тому; или, напередъ думалъ крѣпкую думу о благотворности единства Вѣры царя и всѣхъ подданныхъ его, и даже всѣхъ народовъ, и потомъ закрѣпилъ эту думу припоминаніемъ онаго обѣтованія Господня и наставленія Петрова. Я полагаю, что сія дума его и эта закрѣпа ея образовались въ немъ, какъ близнецы. Василій былъ государь умный и христіанинъ истинный: какъ умный, онъ понималъ всю благотворность обращенія еретиковъ въ православіе и единства Церкви восточ-

1) II отдѣл. бесѣды. «Онъ болѣе другихъ сыпалъ золото щедрою рукою, и такимъ образомъ изгналъ бѣдность изъ государства и проч.

2) Тамъ же. Οὐδέ πόλεων τῶν μὲν πολεμίων ἀνδραποδίζοντας καὶ μεταναστάσεις, οἰκοδομάς δὲ καὶ ἀνοικισμούς τῶν φίλων . . . ἀριμεῖν ἤμιν μελέτη.

3) Тамъ же.

4) IV отдѣл. бес. «Τούτων ἕκαστον ἄμα καὶ ἀγρόων ὁ βασιλεὺς κατὰ κράτος ἐτροπώσατο.

5) Тамъ же. — «Τούτο τοῦ κατὰ θεὸν στρατηγούοντος, ὡς ἀληθῶς, αἱ στρατηγικαὶ βουλὰὶ καὶ μελέται καὶ τὰ κατορθώματα.» VI отдѣл. бесѣд. — «Ἐυδαίμονες καὶ τρισμάκαρες καὶ ὑμεῖς, ὁ τῶν Πατριάρχων χορδς, σὺν τηλικούτοις στρατηγούοις καὶ ταξίαρχοις, καὶ κατὰ τηλικούτων καὶ τοσοῦτων ἀίρεσῶν συνεστρατηγηγότες καὶ τοὺς ἱεροὺς τοῦτους καὶ θελοὺς ἄλλους συνδιερχήκατες!

ной и западной, и всю необходимость своего собственного единения съ нею посредствомъ открытаго усвоения Вѣроисповѣданія ея и охраненія его: безъ чего не могло осуществиться и то единство имперіи Константина великаго, котораго онъ домогался во всю жизнь свою: какъ христіанинъ истинный, онъ хорошо зналъ священное писаніе, и въ немъ почерпалъ ту крѣпость, какую даетъ Вѣра для совершенія великихъ дѣлъ. Въ какія мгновенія зрѣла въ немъ мысль объ единой Вѣрѣ, Церкви и Власти на востокѣ и западѣ, въ тѣже самыя мгновенія ему представлялся и апостолъ Петръ, какъ камень и основаніе Вѣры, и слышалось внушеніе сего апостола давать отчетъ въ неподдѣльности ея, и обѣщаніе Спасителя сказать слово Богу Отцу о всякомъ, кто исповѣдуетъ его предъ людьми. Такое разсужденіе мое есть выводъ изъ словъ самого Фотія въ четвертомъ отдѣленіи бесѣды его. Тутъ ясно сказано, что Василій дозналъ успѣшность предпріятія = *τετελεσφορηθεῖσαν ἐγὼ ἐργασίαν ταύτην*, значить, думалъ о немъ и расчитывалъ, будетъ ли успѣхъ, или не будетъ, и что самъ Господь и апостолъ Петръ внушили ему дать всѣмъ отчетъ въ Вѣрѣ, но внушили не посредствомъ какого-либо особаго откровенія, — на это нѣтъ и намека у Фотія, — а просто чрезъ припоминаніе (выше приведенныхъ) словъ въ евангеліи и въ первомъ посланіи Петровомъ; значить, на него сильно подѣйствовали эти слова. Его дознаніе успѣшности предпріятія и слова евангеліа Писанія Фотій назвалъ сѣменами, кои дали свой плодъ, то есть, обращеніе еретиковъ и провозглашеніе каюлической Вѣры вѣрою единою и единственною въ государствѣ; значить, въ душѣ Василія собственныя думы его и слова Писанія, какъ сѣмена въ вертоградѣ, соживлялись въ одно и то же время. Но какъ бы то ни было, а великое дѣло было сдѣлано.

5. Ходъ сего дѣла былъ постепенный, но быстрый. Оно было задумано царемъ Василіемъ, и сперва обсуждено Патриціями (въ Государственномъ Совѣтѣ), потомъ подготовлено военачальниками во всѣхъ областяхъ царства такъ, что вожди всѣхъ еретиковъ добровольно согласились принять Православіе; когда же Василій узналъ объ этомъ и увѣрился въ успѣхѣ задуманнаго и обдуманнаго предпріятія своего, тогда не потерпѣлъ ничьихъ возраженій = *οὐκ ἀνεμίγη τὸν ἐπερωτῶντα*, и тотчасъ вмѣстѣ съ государемъ Михаиломъ привелъ его въ исполненіе не насильственно, а мирно. Исполненіе же его состояло въ томъ, что оба царя эти написали и обнародовали Исповѣданіе православно-каюлической Вѣры и такимъ образомъ провозгласили ее вѣрою единою и единственною въ государствѣ¹⁾. Въ память сего преславнаго дѣянія ихъ граждане Константинополя добровольно поставили колонну = *στήλην* съ надписью, въ которой выражена была ихъ искренняя благодарность царямъ и радость о торжествѣ Православія надъ всѣми ересями, а Фотій въ день сего торжества произнесъ Слово столповое.

6. Царя, Михаилъ и Василій, написали Вѣроисповѣданіе, каждый порознь²⁾. Такъ тому и быть надлежало. Бжели обыкновенныя грамоты, напримѣръ, двухъ содѣйствовавшихъ го-

1) Этого Вѣроисповѣданія я не напелъ въ восточныхъ бібліотекахъ при всѣхъ прилежныхъ поискахъ моихъ, вознагражденныхъ однако открытіемъ Вѣроисповѣданія Константина Мономаха и другихъ царей греческихъ.

2) Смотр. IV и V отдѣл. бесѣды.

сударей, Андроника и сына его Михаила, объ одномъ и томъ же предметѣ, вдвойнѣ писались и приводились въ исполненіе отъ лица обоихъ ¹⁾; то тѣмъ паче Вѣроисповѣданіе двоицы царей, побѣдившихъ всѣ ереси, должно было явиться въ народѣ двойникомъ, то есть, въ двухъ спискахъ, скрепленныхъ своеличною подписью каждаго. Этого требовало равенство ихъ по сану и власти. Это необходимо было и для успокоенія православныхъ христіанъ и обратившихся еретиковъ. Они, получивъ два списка одного Вѣроисповѣданія отъ лица двухъ царей своихъ, увѣрились въ ихъ единовѣрія и единомыслии, и уже не могли ожидать тѣхъ измѣненій догматовъ Вѣры, какія прежде тревожили Церковь при царяхъ, то иконоборныхъ, то склонныхъ къ Моноелитству, или Монофизитству, или Аріанщинѣ. Не подписи Михаилъ, или Василій, вѣроисповѣданія каеоллической Церкви; тогда ожиданіе это возродилось бы, и дѣло не состоялось бы: а Церковь эта по прежнему жила бы жизнью сокровенною въ Богѣ, и выжидала бы союза своего съ государствомъ, или преобладанія надъ нимъ, какого достигли Римскіе папы, эти роковые соперники царей.

7. Фотій сказалъ, что царемъ Василиемъ исповѣдана была тайна благочестія, то есть, Вѣра, и утверждена, не какъ прежде, *κράτους ἐν, ὡς οὐτως πρῶτον*. Дѣйствительно, прежде утверждали ее одни вселенскіе Соборы, пари же не всѣ и не навсегда, но только на свое время, какъ сказалъ Фотій ²⁾: а нѣкоторые изъ нихъ, особенно иконоборцы, колебали ее, Іуліанъ же замышлялъ даже искоренить ее. Но со времени Василія она незлыблемо утвердилась въ Византійскомъ царствѣ, потому что торжественно провозглашена была одною и единственною, какъ вѣра Христоименитаго народа и *самого царя*, и утвердилась навсегда такъ, что не могли поколебать ее Латиномудрствующіе государи, Михаилъ и Іоаннъ Палеологи. Итакъ вѣкъ Василія и Фотія былъ *первый вѣкъ полнаго торжества Православія и каеоллической Церкви*. Съ этого вѣка, точнѣе съ 867 года сія Церковь соединилась съ государствомъ тѣснѣйшимъ союзомъ единовѣрія, любви и равноправности. Государи стали сынами ея, а она стала имъ матерью. Ихъ долгъ былъ охранять ея догматы, преданія, каноническія правила и Начала ея управленія ³⁾, и защищать ея спокойствіе и цѣлость: а ея долгъ былъ молиться о нихъ, и изъ корней христіанства выращивать доблести гражданскія. Они имѣли право утверждать своею печатью подлинность соборныхъ опредѣленій ⁴⁾ и вмѣстѣ съ святыми избирать патріарха, или, удалять его, ежели онъ не другъ Церкви: а она имѣла право напоминать имъ долгъ устойчивости въ Каеоллической Вѣрѣ, и въ случаѣ уклоненія отъ нея отлучать ихъ отъ общенія съ собою.

1) Такія грамоты находятся въ моемъ собраніи Аеонскихъ актовъ.

2) Въ концѣ IV отдѣл. бесѣды.

3) Вотъ главнѣйшія изъ этихъ Началъ: 1) Истина открывается *всѣмъ*, вѣрующимъ въ Господа, и оберегается общою любовью ихъ. — 2) Законодательная власть Церкви, сосредоточенная въ вселенскихъ Соборахъ, есть сила и благо. — 3) Епископствованіе — *вездѣ* одно и то же, и каждый епископъ, гдѣ бы онъ ни былъ, отвѣчаетъ предъ другими епископами за цѣлость Вѣры и Церкви и проч., и проч.

4) Смотри I правико св. волен. Собора шестаго. — Царь Мануилъ въ 1166 году утвердилъ опредѣленіе Константиноп. Собора, подписавшись такъ: «*Ἐποῦδ ταῖς ὑμεῖς τῶν ἁγίων πατριάρχων καὶ τῆς βίβας καὶ τῆράς συνόδου.*»

8. Когда царь Михаилъ, — говорю словами Фотія, — письменнымъ вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованымъ копьемъ, поразилъ самыя внутренности ересей; тогда всякое лжеученіе лишилось послѣднихъ надеждъ своихъ, и даже во снѣ не видѣло возрожденія своего¹⁾. Съ той поры православная Церковь въ Византійскомъ царствѣ не только увеличилась по причинѣ мирнаго воссоединенія съ нею многочисленныхъ еретиковъ, но и успокоилась, не опасаясь ни попятности воссоединенныхъ, ни возрожденія ересей. Залогомъ ея спокойствія послужила, со стороны воссоединенныхъ, искренность, съ какою они приняли Православіе, а со стороны царей, ихъ твердая рѣшимость впредь не отдѣляться отъ Церкви божіей, и не давать гражданскихъ и военныхъ должностей и никакихъ общественныхъ выгодъ тѣмъ, которые захотѣли бы проповѣдовать ереси прежнія, или выдумывать новыя. Всѣ преимущества Михаила и Василія, кромѣ злополучныхъ Палеологовъ, Михаила и Іоанна, сдержали свое царское слово, данное православной Церкви, были вѣрными сынами ея, охраняли неприкосновенность догматовъ, преданій, правилъ и Началь ея, и, сколько могли, защищали ее отъ враговъ. Но и въ самой Церкви этой болѣе не появлялись ни раскольническія, ни еретическія общины, подобныя, по численности и силѣ, общинамъ Аріанъ, Несторіанъ, Монофизитовъ и Моноелитовъ, хотя и возникали разные толки, напримѣръ, о словахъ въ евангеліи, *Отецъ мой боіей мене есть*, о Фаворскомъ свѣтѣ, толки временныя и пугдѣ не укоренившіеся. Догматическая чистота Греческой Церкви, со времени Фотія, Михаила и Василія, сохранилась до нашихъ дней. Я, долго жившій на Востоцѣ, нигдѣ не видалъ никакихъ отщепенцовъ отъ нея, и никогда ни отъ кого не слышалъ о нихъ.

9. — Современю съ обращеніемъ еретиковъ, о которомъ идетъ рѣчь, православно-кафолическая Церковь, какъ сказалъ Фотій, начала распространяться во всѣ концы земли²⁾. Тогда, по старанію сего свѣтозарнаго святителя, на востокѣ отъ Константинополя, въ передней Азіи присоединились къ ней многіе Армяне³⁾; на сѣверозападѣ окрестилась Болгарія, изъ которой христіанство проникло въ Влахомолдавію, подчинившуюся вмѣсто Болгаро-Охридскаго архіепископа Константинопольскому патриарху уже въ 1359 году⁴⁾; на сѣверѣ привяло Православіе Моравіи и Панноніи, для которыхъ ученикъ Фотія Константинъ = Кириллъ философъ еще въ Константинополѣ составилъ азбуку и перевелъ Изборъ евангельскихъ чтеній съ помощію нѣсколькихъ сотрудниковъ⁵⁾; на дальнемъ сѣверѣ вѣрвали во Христа Россы, оглашенные епископомъ имѣркъ и сподвижниками его, Аввасіемъ и *инымъ* Кирилломъ, который въ послѣдствіи былъ Катанскимъ Епископомъ въ Сициліи, зависѣвшей тогда отъ Константинопольскаго патриарха. Просвѣщеніе Россовъ евангельскимъ свѣтомъ

1) Смотри IV отдѣл. бесѣды.

2) Смотри конецъ первой части бесѣды.

3) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточн. Церквамъ упоминалъ о обращеніи Армянъ отъ Іаковитскихъ заблужденій. Его ученикъ Аврамій былъ Амидійскимъ митрополитомъ въ Арменіи. Смотри. Историч. ученіе обѣ Отцахъ Церкви. Томъ III, стран. 323. С. П. Б. 1859 г. — Филар. А. Ч. и П. —

4) Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Tomus prior. Vindobonae, 1860. pag. 383 et sequent.

5) Известно изъ Житія его, перещисаннаго въ Асоно-Хиландарскомъ монастырѣ въ 1626 году съ старой книги, при Игуменѣ Иларіонѣ, монахомъ отъ земсѣ Херцка (изъ Герцеговины).

въ такое время, когда въ Константинопольскомъ патріархатѣ искоренены были всѣ ереси, было предопредѣлено свыше по особенной милости Божіей къ нимъ. Ибо если бы они рагѣе наслушались разныхъ еретическихъ учений, то едва ли бы составили одно крѣпкое государство.

Итакъ изъ разсмотрѣнной бесѣды Фотія мы узнаемъ, что въ дни его совершилось громадное событіе, то есть, искорененіе всѣхъ ересей въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата и соединеніе Церкви съ государствомъ, такъ что она послѣ многолѣтнихъ страданій достигла содружества съ нимъ.

Достойны вниманія проявленія и послѣдствія этого двойнаго событія. Указываю важнѣйшія изъ нихъ для округленія понятія о немъ.

Послѣ содружества государства и Церкви, при Василии Македонскомъ съ 870 года начало сосредоточиваться *многочисленное* монашество на Аѳонѣ подъ царскимъ (sic), а не патріаршимъ, покровительствомъ, какъ проявленіе *каволичества* Церкви, соединяющей въ себѣ народы и царей ихъ не политическими трактатами, а союзомъ Вѣры, Любви и Надежды, какъ сила, оберегающая утвержденное вселенскими Соборами и царями Православіе отъ прибавленій къ нему догадокъ ума, какъ живопримѣрное напоминаніе всѣмъ объ усовершеніи души и о вѣчной жизни, и какъ звено, соединяющее человѣковъ съ ангелами. Аѳонскіе и прочіе монастыри, имѣвшіе такое значеніе, поддерживаемы были щедротами царей, которые, въ доказательство своего глубокаго уваженія къ нимъ, какъ учрежденіямъ православнаго народа и средоточіямъ его благочестія, и во свидѣтельство своего единовѣрія, часто выражались въ жалованныхъ имъ грамотахъ, что какъ человѣку свойственно дышать, такъ царю свойственно обезпечивать намъпаче тѣхъ, которые живутъ для одного Бога, *тогда тотчасъ изъ этихъ грамотахъ краткое исповданіе Вѣры*, и всегда подписывали ихъ такъ: «въ Христа Бога вѣренъ царь и самодержецъ». Такимъ образомъ даже въ судебныхъ актахъ выразилось единеніе Церкви и государства. Вотъ какъ широко пустила свои корни мысль Василія Македонскаго объ этомъ единеніи. Кромѣ сего, оно проявилось въ жизни, или что тоже, въ исторіи, не какъ преобладаніе, или подчиненіе одной стороны, а какъ равноправное и равносильное содружество обѣихъ сторонъ¹⁾. Христоименный народъ, священный клиръ его, и богомѣщанный царь съ своимъ законнымъ правительствомъ, составили одну Церковь и вмѣстѣ одно государство, какъ три разумныя Личности и Свободы, не стѣсняющія другъ друга, однако ограничивающія себя уваженіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Народъ, по праву самосохраненія тѣлеснаго и духовнаго и по долгу общежитія, самъ заботился о воспитаніи и обученіи юныхъ поколѣній своихъ, содержа училища своими складчинами, и самъ надзиралъ за учителями, а многозаботливаго вмѣшательства клира и правительства въ это семейное дѣло не зналъ и не видалъ. Такимъ образомъ грамотныхъ людей на службу Богу и царю доставляли семейства, разугается, не по обязательству, а по склонности членовъ ихъ къ той,

1) Преобладаніе Церкви надъ государствомъ есть проявленіе папскаго католицизма. Преобладаніе государства надъ Церковію, или разрозненность ихъ, есть проявленіе протестанства. Содружество Церкви и Государства есть проявленіе Православія. Подумайте объ этомъ, и поймите меня.

или другой службѣ. Царское правительтельство, по долгу заботливости о облегченіи борьбы человѣка съ природою, объ удобствахъ общественной жизни, о справедливомъ уравновѣшеніи взаимныхъ отношеній людскихъ, и о распространеніи въ народѣ вѣрнаго, обширнаго и полезнаго Вѣдѣнія, общественною казною поддерживало такъ называемыхъ философовъ и Упатовъ ихъ, которые въ Константинополѣ публично преподавали всѣ высшія Науки туземцамъ и иностранцамъ, желавшимъ слушать ихъ, имѣя въ своемъ распоряженіи огромную бібліотеку (въ 36000 томовъ), но никогда не рѣшалось и не помышляло учредить въ своихъ Упатствахъ богословскія каѳедры подлѣ каѳедръ философскихъ, юридическихъ и прочихъ, потому что знало и исполняло свой удѣльный долгъ, о которомъ сказано сей-часъ ¹⁾. За то и патриархъ и всѣ епископы съ священствомъ своимъ никогда и нигдѣ не имѣли отдѣльныхъ училищъ своихъ, и не сочиняли богословскихъ системъ, довольствуясь однимъ общецерковнымъ Символомъ Вѣры. Духовное Вѣдѣніе всѣмъ преподавалось въ храмахъ Божіихъ, въ этихъ общедоступныхъ и даровыхъ училищахъ, преподавалось съ наоя, съ клироса и съ каѳедры: съ наоя читалось слово Божіе, именно, Псалтирь, Бытописанія, Притчи, Пророчества, Апостолъ и Евангеліе; съ клироса внушалось полное ученіе о благодатномъ спасеніи человѣка тріединнымъ Богомъ, внушалось посредствомъ пѣснопѣній, изъ коихъ многія сочинены были царями, Львомъ мудрымъ, Константиномъ багрянороднымъ, Θεодоромъ Ласкаремъ, и мірянами, Андреемъ Пирромъ, Византіемъ, Львомъ магистромъ, Еммануиломъ Палеологомъ, и по нынѣ слышатся и у насъ; съ каѳедры преподавалось толкованіе священнаго писанія, и догматическое и нравственное ученіе, и читались житія Святыхъ, составленныя Метафрастомъ и другими писателями. Эти три способа сообщенія духовныхъ познаній, кромѣ домашняго чтенія, признавались достаточными для духовнаго просвѣщенія всѣхъ членовъ Церкви и государства, грамотныхъ и не грамотныхъ. Кто имѣлъ даръ извитійствованія молитвъ и пѣснопѣній, патриархъ ли Фотій, царь ли Θεодоръ, мірянинъ ли Пирръ, монахиня ли Кассія, госпожа ли Пастада, тотъ и назидаль Церковь, то есть, вѣрующій народъ. Изъ греческихъ царей одинъ Левъ мудрый произносилъ въ церквахъ (sic) проповѣди своего сочиненія ²⁾: прочіе же не принимались за это дѣло. Монахи, священники и епископы назидали, по крайней мѣрѣ должны были назидать народъ своимъ благочестіемъ и духовною жизнію. Это,

1) Царь Константинъ порфирородный въ Константинополѣ усовершилъ главное училище, пренебреженное во время иконоборства. Тутъ преподавались науки, γυμνασις καὶ λογικαὶ τέχναι καὶ ἐπιστήμαι, φιλοσοφία, словесность, математика и астрономія, но не богословіе. Философскимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Константинъ Протоспазаръ, Словеснымъ Никейскій митрополитъ Александръ, Математическимъ Никифоръ патрицій, а Астрономическимъ Григорій Аскритъ. Государь пригласялъ учениковъ въ своему столу, и ихъ, въ свое время, ставилъ судьями и провоздителями дѣлъ. Изъ нихъ въ послѣдствіи избирались и митрополиты. — Παιδείας ἀρίστους προέκρινεν. Εἰς Κωνσταντῖνον πρωτοσπαζάριον τὸ τῶν φιλοσόφων παιδοτροφεῖον δίδωσκεν, εἰς δὲ τὸ τῶν ῥητόρων Ἀλέξανδρον μτροπολίτην Νικαίας, εἰς δὲ τὸ τῆς γεωμετρίας Νικηφόρον πατριχίον, εἰς δὲ τὸ τῶν ἀστρονόμων Γρηγόριον ἀσκηρῆτιν. καὶ πολλὴν ἐπιμέλειαν καὶ σπουδὴν εἰς τοὺς φοιτητὰς ὁ αὐτοκράτωρ ἐποιεῖτο, ὁμοδιαιτοῦς καὶ ὁμοτραπέζους τοὺτους καὶ ἑκάστην ποιῶν καὶ ἀργύρια παρέχων καὶ βιβλίαις μετ' αὐτῶν προσρηγεῖς ποιοῦμενος. Καὶ οὐ πολὺς χρόνος διελθὼν, τὰς μεγάλας ἐπιστήμας καὶ τέχνας τῇ συνέσει τοῦ αὐτοκράτορος κατερρώσαντο, καὶ κριτὰς καὶ ἀντιγραφεῖς καὶ μτροπολίτας ἐξ αὐτῶν ἐκλεξάμενος τέτιμηκεν. — Theophan. continuati L. VI. pag. 446. Editio Bonnæ 1888.

2) Одна изъ нихъ помѣщена въ нашемъ Сборникѣ церковныхъ проповѣдей, читаемыхъ народу.

и наипаче это назиданіе требовалось отъ нихъ, и считалось дѣйственнымъ, спасительнымъ. Что касается до священнопроповѣдниковъ; то они, до вступленія въ клиръ, *божій даръ имъ слова* развивали и усовершенывали въ высшихъ училищахъ *государственныхъ*, слушая тутъ правила витѣйства и діалектики, философію и прочія науки, но не богословскія, кои никогда и нигдѣ не преподавались. Такимъ и только такимъ развитіемъ ихъ дара слова царское правительство помогало Церкви, не нуждавшейся въ заботливости его о духовномъ просвѣщеніи, благодарной ему за эту содружественную помощь, и спокойной отъ того, что не оно задавало предложенія для проповѣди Христоименитому народу. Итакъ народное обученіе, правительственное любомудріе, и духовное просвѣщеніе *посредствомъ святаго житія и божьяго дара слова*, по причинѣ содружества государства и Церкви, проявлялись въ жизни точно такъ, какъ тяжесть, блескъ и теплота проявляются въ солнечномъ свѣтѣ, составляя одно нераздѣльное цѣлое и сопронящаясь, но не теряя своихъ особыхъ свойствъ, движеній и дѣйствій. Вѣрующій клиръ священствовалъ, но не безъ философіи; вѣрующее правительство любомудрствовало, но Вѣру при епископахъ присно-живыхъ не брало подъ свою опеку; Христоименитый народъ трудился и жилъ, но самъ хранилъ свой языкъ; свои нравы и обычаи, самъ себя училъ необходимому, и самъ берегъ свою Вѣру, и строилъ себѣ храмы, кладбища, монастыри, больницы и разнаго рода богадѣльни. Но вотъ и другія проявленія содружества Церкви и государства. Народъ въ городахъ и селахъ изъ среды себя свободно избиралъ достойныхъ и зажиточныхъ поселянъ, гражданъ и дворянъ, для священнослуженія въ многочисленнѣйшихъ храмахъ, *зажиточныхъ*, дабы они туне давали, чтѣ туне пріяли, то есть, богатое освященіе *посредствомъ таинствъ* ¹⁾. Многочисленные Епископы (не говорю о соборахъ ихъ) изъ среды своей свободно избирали достойнѣйшихъ, а иногда и богатѣйшихъ родовымъ имѣніемъ, избирали на каедры митрополичьи, а изъ клира возводили достойныхъ на каедры Епископскія, такъ что въ *выборы* ихъ не вмѣшивался ни патріархъ, ни государь ²⁾. Первый только рукополагалъ избранныхъ епископами митрополитовъ, какъ эти рукополагали избранныхъ изъ клира епископовъ, а второй утверждалъ выборъ только одного патріарха. Всѣ же избиратели отвѣчали предъ Богомъ въ случаѣ кривды. Исполнительная власть Церкви сосредоточивалась въ одномъ патріархѣ и въ священномъ Синодѣ его; и всѣ церковныя дѣла рѣшались только ими и народовались съ ихъ подписями, вотъ такъ: «Мы во святомъ Духѣ объявляемъ то и то — *ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀποφαίνομεθα*». Какъ Церковь никого не производила въ чинъ сенатора, или полковника, а предоставляла это царю: такъ и царь никого не объявлялъ ни преподобнымъ, ни богоноснымъ отцемъ, а признавалъ угодникомъ Божиимъ того, кого признала такимъ св. Церковь, имѣющая въ себѣ Духа Божія. Такимъ

1) Нѣкоторые изъ нихъ были очень богаты. На примѣръ: недалеко отъ Авоны въ селѣ Оздравикѣ, что у рѣки Стримона, священникъ Модиносъ, жившій въ концѣ 18-го вѣка, имѣлъ родовую пахатную землю, которая давала 8000 мѣръ пшеницы. *Ἰερεὺς τις Μοδηνὸς πρὸ χρόνων εἶχε διὰ χριστοβούλλου γῆν μονῶν τρισχίλων ἑλευθέρων. μετὰ δὲ τῆν ἐκείνου τελευτὴν παρετίμηθη ἢ τοῦτῃ γῆ πρὸς τοὺς τρεῖς υἱοὺς αὐτοῦ.* — Извлечено изъ хрисовула царя Андроника, пожалованнаго Авоно-Хиапандарскому монастырю въ 1821 году.

2) Смотри 4 правило св. вселен. Собора Никейскаго, — 28 правило св. вселен. Собора Халкидонскаго, — 3 правило св. вселен. Собора седмаго.

образомъ у народа, кѣпра и царя, была своя доля церковной свободы, было свое участіе въ дѣлахъ церковныхъ, и при равновѣсіи взаимнаго воздѣйствія была своя отвѣтственность предъ Богомъ за небрежное исполненіе удѣльнаго долга. Государи, признавъ и утвердивъ однажды на всегда единство государства и Церкви, были властны прибавлять, и прибавляли къ правиламъ церковнаго благочинія свои распоряженія, касающіяся этого же благочинія, и Церковь охотно вносила ихъ въ свою Кормчую книгу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сами стали въ рядъ отвѣчающихъ за дѣлность и неприкосновенность Вѣры и Церкви: и было нѣсколько случаевъ, когда они должны были гласно давать такой отвѣтъ матери своей Церкви. Перечисляю эти случаи, между прочимъ, и для того, чтобы никто не смѣлъ укорять Греческую Церковь въ рабскомъ подчиненіи Византійскимъ государямъ. — 1) Когда недоброжелатели царя Константина Мономаха (1042 — 1054 г.) оклеветали его въ неправославіи; тогда онъ обнародовалъ свое изложеніе Вѣры для облеченія клеветниковъ своихъ, *πρός ἐλεγχον τῶν διαβαλλόντων αὐτόν*¹⁾. Въ этомъ Изложеніи, кромѣ анаемъ еретикамъ, Савелію, Арію, Несторію, Евтихію, Севиру, особенно замѣчательны слѣдующіе члены Вѣры. *Членъ 3.* Вѣрую, что Духъ святой отъ Отца исходитъ прежде время и вѣковъ. *Членъ 6.* Вѣрую, что едиnorodный Сынъ Отца, не оставивъ лона Отчяго, сошелъ на землю ради грѣховности моей, ибо паденіе праотца есть и мое паденіе, и не измѣнивъ божественнаго естества, сдѣлался чловѣкомъ совершеннымъ. *Членъ 9.* Вѣрую и исповѣдую, что святая Богоматерь Марія безъ мужа зачала Господа нашего Иисуса Христа, и родила его безъ боѣзней. А ее самую почитаю такъ, что она выше Херувимовъ и святѣе Серафимовъ и чище всякаго естества рождаемаго. *Членъ 12.* Во имя трехъ лицъ святой Троицы крещень я, и знаменательно сдѣлался причастникомъ смерти Христовой трижды погружившись въ воду, а трижды воспрянувъ изъ нея стать соучастникомъ и воскресенія его. *Членъ 14.* Поклоняюсь и служу иконѣ воплощеннаго Сына Божія, очертанію тѣла святой Матери его, и написаннымъ красками образамъ Святыхъ, отъ вѣка благоудовившихъ ему, не останавливаясь вниманіемъ своимъ на этихъ очертаніяхъ, а возводя умъ свой къ первообразамъ». Тутъ члены 3-й и 12-й направлены противъ Латинъ, признававшихъ изхожденіе Духа святаго и отъ Сына и крестившихъ чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе, 6-й противъ Пелагіанъ, отрицавшихъ наслѣдственность первороднаго грѣха, 14-й противъ иконоборцовъ, а въ 9-мъ выражено ученіе православной Церкви о пресвятой Дѣвѣ Маріи, что она съ минуты преестественнаго воплощенія Сына Божія стала чище всякой твари и выше Херувимовъ и Серафимовъ, по особенному дѣйствию Духа святаго и силы Вышняго. Стало быть, Константинъ Мономахъ оклеветанъ былъ, какъ Палисъ, Пелагіанецъ, иконоборецъ и противникъ онаго ученія о Богоматери, но защитился Изложеніемъ Вѣры. — 2) Въ царствованіе Мануила Комнина и въ дни патріарха Михаила Анхіала (1169—1177 г.) въ Константинополь пріѣхали многіе архіереи и монахи Латинскіе, и предлагали соединеніе Церквей, восточной и западной, ничего болѣе не требуя отъ Гре-

1) Это Изложеніе найдено мною въ бібліотекѣ Лоано-Иверскаго монастыря, и помѣщено въ моемъ Сборникѣ Вѣроисповѣданій.

ковь, кромѣ того, чтобы они уступили Папѣ первенство и право верховнаго суда, и поминали бы имя его въ церквахъ: τῶν ἐκκλησιῶν ζητοῦντες τὴν ἑνωσιν, καὶ μηδὲν ἕτερον τι ἀπὸ τῶν Γραμμῶν ἀπαυτοῦντες, ἢ παραχωρήσαι τῷ Πάπᾳ τὸ πρῶτον καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίᾳ, δοῦναι δὲ τούτω καὶ τὸ μνημόσυνον. По этому случаю царь Мануилъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ патриархомъ Михаиломъ въ присутствіи всего священнаго Синода, и настаивалъ, чтобы предложенія Папистовъ были приняты и приведены въ исполненіе, но встрѣтилъ сильный отпоръ. Этотъ разговоръ, *Διάλογος*, найденный мною въ библіотекѣ Аеоно-Иверскаго монастыря, занимателенъ въ высшей степени. Передаю сущность его. «Патріархъ Михаилъ не признавалъ ни первенства Папы, ни верховнаго суда его въ дѣлахъ церковныхъ: *ни первенства*, потому что оно древле представлено было Римскому епископу только ради чести Рима, какъ царствующаго города; а такъ какъ этотъ городъ уже не столица царства, то съ утратою столичной чести его утрачено и первенство тамошняго епископа: *ни верховнаго суда*, потому что Папа, какъ еретикъ, прибавившій къ Символу Вѣры «и отъ Сына», и *потому мишшійся благодати архіерейства и ставшій въ ряду мірянъ*¹⁾, не можетъ быть верховнымъ судіею епископовъ, которые пребыли вѣрными догматамъ, опредѣленнымъ вселенскими Соборами. Выслушавъ эти доводы, царь Мануилъ возразилъ, что не было вселенскаго Собора, который осудилъ бы еретичность Папы, и что самъ Фотій, въ началѣ писавшій грозныя разсужденія = *γράφας δεινότητας* противъ Папъ, подъ конецъ имѣлъ церковное общеніе съ ними, = *πάλιν τὴν τοῦτων κοινωνίαν προσήκατο*. На это возраженіе патріархъ отвѣчалъ: «еретичность Папъ, дѣйствительно, не осуждена никакимъ вселенскимъ Соборомъ, дабы не остановилась она далеко за морями²⁾; но такъ какъ Паписты вездѣ сами, обнажа голову, упорно проповѣдуютъ свое лжеученіе, то этимъ они сами себя осуждаютъ предъ всѣмъ свѣтомъ, а потому не могутъ быть и верховными судіями у насъ; ибо не слышано, чтобы уличенный, или уличающій себя въ чемъ бы то ни было, могъ быть признанъ судіею правыхъ. Наши предшественники, православнѣйшіе епископы по бережливости *κατ' ὁμορμίαν* объявили Папу только раскольникомъ (*σχισματικόν*); но и раскольникъ не можетъ быть судіею въ единой, святой и соборной Церкви, и не долженъ быть поминаемъ въ молитвахъ. Что касается до Фотія, то онъ погрѣшилъ, вступивъ въ общеніе съ Папами, которыхъ лжеученіе было извѣстно ему: а погрѣшность его ни мало не оправдываетъ ихъ; да притомъ нельзя намъ и осуждать сего святѣйшаго мужа, потому что онъ возобновилъ свое общеніе съ Папами уже тогда, когда они прислали къ нему правое Исповѣданіе Вѣры (безъ прибавленія, «и отъ Сына») и не только къ нему, но и ко всѣмъ прочимъ патріархамъ на Востокѣ». Послѣ этой отвѣди патріарха Мануилъ, душевно согласный съ нимъ какъ православный христіанинъ, началъ умолять его, какъ несчастный государь, говоря: «Но Насъ пощади,

1) Такъ думалъ о папѣ патріархъ Михаилъ. Но это мнѣніе его, не подтвержденное никакимъ Соборомъ, не важно.

2) То есть, дабы не остановилось распространеніе христіанства среди отдаленнѣйшихъ народовъ языческихъ ради оглашенія еретичности папы, въ которой онъ могъ раскаяться рано, или поздно. Благоразумное снисхожденіе! Но, къ сожалѣнію, оно не оправдалось.

умоляю тебя; пощади и все воинство наше. Оно непрестанно сражается, и — безуспѣшно. Мы потеряли многие города и области, бывъ лишены помощи Итальянцовъ по причинѣ церковнаго разъединенія съ ними, и подвергаясь нападеніямъ печестивыхъ. Магометане ругаются надъ нашею вѣрою и надъ честнымъ крестомъ. Многие знаменитые храмы, какъ всѣ вы знаете, обращены ими въ мечети. Итакъ не лучше ли соединиться съ тѣми, которые согласны съ нами хоть въ чемъ нибудь = *κατά τι*, нежели подпасть подъ иго невѣрныхъ?» — Но эта мольба Мануила была отринута патриархомъ, который не могъ пожертвовать вѣчную Вѣру расчетамъ политики временной. Онъ отвѣчалъ царю: «Заботиться о тѣлѣ хорошо, а радѣть о душѣ несравненно лучше. О магометанахъ, вредящихъ тѣлу, говорить мнѣ горько, а Итальянцамъ, губящимъ душу, у меня готовъ отпоръ сильный. Мы, какъ *живые орамы Бога*, не потеряли никакого душевнаго вреда отъ овладѣвающихъ нами магометанъ, а когда соединимся съ Итальянцами, тогда получаемъ отъ нихъ величайшій вредъ, подвергаясь опасности потерять Вѣру. Пусть Агарянинъ завладѣетъ моею землею, лишь бы Итальянецъ не отнималъ у меня неба. Тому я подчинюсь, не слѣдуя лжеученію его, а отъ этого принимая искаженную Вѣру, отлучаю себя отъ Бога моего. Чего тотъ лишаетъ меня, все то, быть можетъ, я еще возвращу себѣ, если не потеряю правой Вѣры, а потерявъ ее, лишусь всего; ибо я страшно боюсь, и страха моего никто не назоветъ безпричиннымъ¹⁾. Отданъ я магометанамъ? Это значить, что я грѣшникъ, но покрайней мѣрѣ не богохульникъ. А съ Итальянцами я изреку ложь о св. Духѣ, и отъ нихъ понесу рабство двойное (политическое и церковное), да и безъ всякой надежды освободиться отъ него когда либо. При томъ, есть высшая причина, по которой Господь спаситель оставилъ насъ *еще на одно тѣло* (какъ смоковницу) въ тяжкихъ обстоятельствахъ: *авось, мы не потеряемъ бодрости, страдавая ради его, испытующаго насъ*. Посему не должны мы унывать, когда онъ обличаетъ насъ. Ибо онъ любитъ всякаго сына, котораго хочетъ исправить посредствомъ наказанія.» На эту рѣчь патриарха государь отвѣчалъ: «Ты говоришь отлично. Твои поученія убѣждаютъ меня, да и всякій убѣдится ими. Лучше же ты тяти насъ за уши, нежели другіе потянутъ насъ за носъ, какъ говоритъ пословица.» Этотъ разговоръ заключенъ былъ Синодальнымъ одобреніемъ сужденій патриарха и многолѣтнемъ ему и царю. Итакъ предложеніе Мануила было отринуто непоколебимыми въ Православіи Святителями, которые по совѣсти не могли пожертвовать Вѣру политикѣ, а по расчету человѣческихъ вѣроятностей предвидѣли сохраненіе Православія и своей народности подъ игомъ вѣротерпимыхъ магометанъ, и даже надѣялись когда нибудь свергнуть съ себя иго ихъ, уступки же Палистамъ считали началомъ вѣковѣчнаго рабства, политическаго и народно-церковнаго. Время оправдало ихъ. Греческое царство разрушилось, но Церковь уцѣлѣла. Еллада теперь свободна, а Турція скована христіанскими Державами. Православіе неизблемо, а Пализмъ разпалывается. Но вотъ другія доказательства свободности православной Церкви въ Византійскомъ царствѣ и ея равноправности съ нимъ. 3) Когда царь Михайлъ Палеологъ отнялъ у Латинъ завоеванный имп Константинополь (1261 г.), но

1) Патриархъ опасался взытія Царьграда Латинами: что и случилось въ 1204 году.

по роковой неизбежности, отъ нихъ же чаялъ спасенія уже небольшого царства своего, которое громилъ Турки и Сербы, и въ этомъ чаяніи рѣшился соединить Церкви, восточную и западную, такъ, чтобы первая подчинилась второй въ лицѣ Папы, яко главы всего христіанскаго міра; тогда встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны своего народа, клира и наипаче монастырей Аѳонскихъ, въ которыхъ въ это время спасались иноки Грузинскіе, Сербскіе, Болгарскіе и Русскіе. Эти монастыри всѣ съ обща отправилъ къ нему свое посланіе, въ которомъ основательно доказали, что ни первенство и главенство Папы, ни помянъ его въ церквахъ, ни служеніе Евхаристіи на опрѣснокахъ, ни прибавленіе къ Символу Вѣры «и отъ Сына», не могутъ быть терпимы, и назвавъ царя Михаила еретикомъ, умоляли его оставить многотревожное и опасное предпріятіе ¹⁾. Они между прочимъ писали: «Мы ясно видимъ, что ты еретикъ = ἕρμης διὰ ταῦτα καὶ ὡς αἰρετικὸν προφανὸς θεωροῦμεν σε, но умоляемъ тебя: оставь все это и пребывай въ томъ ученіи, которое ты принялъ и которое *отререно тебѣ*, зная, кѣмъ ты наученъ. Храни добрый залогъ, и отринь несвятыя нововученія ложнаго вѣдѣнія (γνώσεως), прибавляющаго къ Вѣрѣ догадки, да чрезъ тебя, съ тобою и съ Совѣтомъ твоимъ, и мы со всѣми христіанами явимся въ день пришествія Господа, какъ православные и Богу любезные, и сподобимся вѣчнаго наслѣдія царства небснаго.» Михаилъ Палеологъ, какъ извѣстно, не вянулъ увѣщаніямъ Аѳонскихъ отшельниковъ и даже гналъ и жегъ ихъ, но ни въ чемъ не успѣлъ, и, жалкій, скончался неприсоединенный къ Церкви западной и отлученный отъ Церкви восточной (1283 г.). 4) По смерти его вдовствующая царица Теодора (приготовьтесь выслушать чрезвычайное дѣло) обнародовала Исповѣданіе = ОМОЛОГІА, которымъ обязалась предъ Церковію никогда не помянать души усопшаго супруга своего Михаила. Перевожу по Русски этотъ важнѣйшій актъ, найденный мною въ Каирской бібліотекѣ Александрійскаго патріарха. — «Теодора въ Христа Бога вѣрная царица и самодержица Ромеевъ, Княгиня Комнина Палеологина. О Вѣрѣ я думаю не такъ, какъ о прочихъ дѣлахъ добрыхъ, какія кто можетъ совершать для спасенія себя самого. Хорошо скрывать сіи дѣла отъ всѣхъ, да видящій ихъ втайнѣ небесный Отецъ и Богъ воздастъ за нихъ явно: а Вѣру, какъ источникъ, начало, матеръ всякой добродѣтели, не скрывать, но исповѣдовать предъ всѣми и народовать спасительно. Она-то, какъ мнѣ кажется, и есть тотъ свѣтъ, который, по заповѣди святаго евангелія, долженъ свѣтиться предъ челоуѣками. Посему Царственность моя никогда не скрывала Вѣры и теперъ не скрываетъ ее, напротивъ объявляетъ и подтверждаетъ, что Она вѣруетъ такъ, какъ слыше научила ее вѣровать и исповѣдовать Церковь Божія. Это знаетъ Богъ, испытующій самыя глубины сердца нашихъ: но да будетъ вѣдомо и всѣмъ людямъ, что мы не содержимъ никакого другаго ученія, кромѣ того истиннаго, которое преподааетъ Церковь соборная и апостольская. Поелику же Царственность моя, по благодати Божіей, такъ мыслить и такъ полагаетъ; то явно, что Она всею душою отвергаетъ, ненавидитъ и считаетъ мерзкимъ то дѣло (унію), которое недавно случилось въ Церкви и смутило ее всю, какъ бы ни называли оное, миръ, или эконо-

1) Это посланіе найдено мною въ бібліотекѣ Аѳоно Иверскаго монастыря, 2 декабря 1845 года.

номія, или инымъ подобнымъ именемъ, а тѣхъ, которые еще и теперь хвалить и одобряютъ оное, признаетъ преоборителями Церкви Божіей, противниками собственного спасенія, врагами и заразителями всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ ихъ, и отвергаетъ какъ виновниковъ погибели душъ. Ибо ежели душевредность этого дѣла и необнаруживалась прежде, то не скрывается отъ моей Царственности теперь, бывъ обличена дѣлами и рѣчами, которыхъ истинность не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ Царственность моя, по благодати Божіей, еще и тогда, когда началось это дѣло, весьма тяготилась имъ, и едва терпѣла необычайность и *новость* его, даже негодовала, хотя и не постигала всей опасности отъ него, а теперь негодуетъ тѣмъ болѣе, что ясно видитъ худой конецъ онаго недобраго замысла. Но довольно объ этомъ. Поелику же Церковь Божія осудила Векка (патріарха) за хульные догматы его, и съ нимъ Мелитинѣота и Метохита, какъ единомысленниковъ, и ославила = *ἀπεχρήσθη* и отлучила отъ общенія съ собою; то и Царственность моя, въ слѣдствіе такого рѣшенія ея, должно считатьъ ихъ отобщенными и отверженными. А такъ какъ сія же святая Церковь Божія *отредѣлила* не удостоивать уставныхъ поминовеній и скончавшагося супруга моего и владыку и царя за помянутое дѣло и смятеніе; то Царственность моя, предпочитающая всему страхъ Божій и покорность святой Церкви, любить и принимаетъ и *это отредѣленіе ея*, и никогда не понудитъ ее совершать поминовеніе души владыки моего и царя и супруга, или что либо другое сверхъ заповѣданнаго мнѣ. Ибо согласоваться во всемъ съ Церковію Божіею и слѣдовать ей *ахотѣ* царственность моя, устрояющая такимъ образомъ спасеніе свое, и желающая явно исповѣдать предъ всѣми Вѣру свою, которую приняла отъ отцовъ, сохранила до настоящаго времени, и сохранить до конца, будучи хранима силою создавшаго и воцарившаго ее милосердаго Бога.» (Къ этому Исповѣданію была привѣшена золотая печать на шелковомъ шнуркѣ пунцоваго цвѣта, а на печати, съ лица, вычекана была пресвятая Богоматерь, носящая Младенца, на оборотѣ же — сама царица у стола.) Вотъ актъ, вотъ свидѣтельство о величайшей силѣ греческой Церкви, которая о царяхъ своихъ грубныхъ, по любви, съ надеждою молилась, да помилуетъ ихъ Богъ, а царей искажавшихъ Вѣру ея, по праву самосохраненія и по данной ей отъ Бога власти, предавала вѣчному забвенію, какъ бы ихъ вовсе не было! *Sapientī sat. Αἰδύομ' ἀβάσα.* Ему же предоставляю рѣшить вопросъ: вездѣ ли и всегда ли такъ быть должно все это, что было въ Греческой Церкви? А самъ обращаю вниманіе на послѣдствія искорененія всѣхъ ересей.

Послѣ того, какъ Православіе восторжествовало надъ ними, всѣ обращенные еретики приняли текстъ священнаго писанія отъ Константинопольской Церкви, которая получила его отъ святаго мученика Лукіана, и отъ Епископовъ, Евсевія Кесарійскаго и Аванасія Александрійскаго, а свои прежнія *перемѣненныя* евангелія и прочія книги священныя покинули. Изъ числа этихъ еретическихъ изданій однѣ попали въ монастырскія бібліотеки, какъ были, и оттуда въ послѣдствіи взяты въ Ватиканъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣну, Венецію, другія исправлены были по общецерковному тексту, то, книгопродавцами, то, владѣльцами ихъ, и употреблялись при богосудженіи, а въ нѣкоторыхъ старое письмо очищено было пемзою, и по очищенному были написаны или тѣже книги, или другія: отъ чего и явились такъ называе-

мые Палимпсэсты, и явились именно съ девятого не еретичнаго вѣка восточной Церкви. Съ этой же поры греческіе филологи въ малой Азіи, Фракіи, Македоніи, Фессалии, и наипаче въ Константинополѣ, въ разное время издали подлинныя творенія святыхъ Отцовъ, Григорія Нисскаго, Василія Великаго, Аванасія и Кирилла Александрійскихъ, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, Прокочія Софиста и другихъ, издали съ вѣрнымъ и одинаковымъ текстомъ св. Писанія, текстомъ Константинопольскаго семейства ¹⁾, и составили много толковыхъ евангелій, апостоловъ и ветхозавѣтныхъ книгъ съ немалочисленными выписками изъ подлинныхъ твореній древнихъ учителей Церкви. Такая работа, удивляющая насъ огромностію своею, предпринята была ими не потому, что у нихъ не было творческихъ дарованій, производящихъ что либо самородное, а потому что любовь, оберегавшая буквальную дѣлность вѣрнаго текста священнаго Писанія и Отеческихъ твореній, признала необходимымъ распространить такой текстъ между Возсоединенными съ православною Церковію въ замѣнъ текстовъ еретическихъ, и Отеческими изъясненіями его доказать неизмѣнную одинаковость пониманія его этою Церковію ²⁾.

Отвращеніе каволическихъ христіанъ отъ пагубнаго разномыслія еретиковъ и отъ разрозненнаго у нихъ чина Богослуженія было причиною того, что эти христіане и пастыри ихъ, въ предѣлахъ четырехъ патріархатовъ, соединенные единовѣріемъ и убѣжденные въ догматической чистотѣ греческой Церкви, *постепенно* установили у себя однообразіе въ богослуженіи. Изъ Іерусалима, куда со всѣхъ концовъ христіанскаго міра сходились толпы поклонниковъ мірскаго и духовнаго званія, заняты были Церквями, Александрійскою, Антіохійскою и Константинопольскою, пѣснопѣнія Козмы Маюмскаго, Иоанна Дамаскина и другихъ, и раздѣленіе псалтири на каизмы, кои послѣдовательно читались тамъ въ храмѣ воскресенія Христова ранѣе 862 года ³⁾. Изъ Константинополя вездѣ приняты были пѣснопѣнія Іосифа, Теофана, Кассія, Льва мудраго, и прочихъ пѣснотворцовъ. Около 1070 года Антіохійскій патріархъ Теодосій заповѣдалъ всей своей паствѣ въ Сиріи соблюдать Успенскій постъ ⁴⁾. Въ 1203 году Александрійскій патріархъ Маркъ отсовѣтовалъ христіанамъ своимъ, жившимъ въ странѣ Сарацинъ, то есть, въ нижнемъ Египтѣ, слушать литургію, усвоенную евангелисту Марку, и присудилъ замѣнить ее литургіями Златоустаго и Василія великаго ⁵⁾.

1) Ежели уцѣлѣли Отческія Творенія не съ этимъ текстомъ; это значить, что онѣ были переиначены и переписаны еретиками.

2) Изданія этихъ филологовъ и старинные списки съ нихъ, хранящіеся въ восточныхъ бібліотекахъ, и суть самыя лучшія рукописи, кои надобно печатать.

3) Καὶς φέλλομεν ἐν τῇ αἴτῃ χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσι. — Такъ сказано въ принадлежащей мнѣ непечатной Псалтири греческой, написанной на пергамиѣ в 8^о косвенными унциальными буквами въ 6870—862 году, когда индиктъ былъ п-й, по повелѣнію Тиверіадскаго епископа Ноя рукою Теодора Діакона Святаго Воскресенія Христа Бога нашего. — Лист. 307. Ἐυράζη καὶ ἐτελειώθη τὸ παρὸν ψαλτήριον καλέουσι τοῦ ἁγίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Νάθε προέδρου τῆς φιλοχριστοῦ μεγαλοπόλεως Τιβεριάδος, ἐτους κόσμου 5760 Ἰνδικτιων. ΓΔ. χειρὶ Θεοδώρου ἐλαχίστου διακόνου τῆς αἴτας χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως.

4) Это свѣдѣніе заимствовано изъ Арабскаго хронографа объ Антіох. патріархахъ, составленнаго іереемъ Іоанномъ Жѣми въ 1766 году, и хранящагося въ Уніатской патріархіи въ Іерусалимѣ.

5) Это заимствовано изъ рукописнаго Панекта въ бібліотекѣ Синае-Каирскаго подворья, содержащаго, кромѣ многихъ статей, кормчую книгу. Рукопись 14-го вѣка.

Въ Палестинскихъ епархіяхъ прекратилось совершеніе литургіи, усвоенной апостолу Іакову, и установился полный чинъ богослуженія Константинопольской Церкви въ началѣ 16 вѣка, когда въ Иерусалимѣ туземный Арабскій клиръ передалъ патриаршую власть Грекамъ. Для Сирійскихъ христіанъ, у которыхъ въ церковныя книги на Сирскомъ языкѣ вкрались еретическія мнѣнія Арианъ, Монофизитовъ и Моноелитговъ, переведены были съ Греческаго на принятый въ Сиріи Арабскій языкъ три литургіи, Златоустова, Василева и Преждеосвященная, требникъ, часословъ, прологъ, и другія церковныя книги, Алеппскимъ митрополитомъ Мелетіемъ въ теченіи 12 лѣтъ, съ 1623 года по 1635-й, въ который онъ скончался уже въ Дамаскѣ, бывъ тутъ патриархомъ только восемь мѣсяцовъ подъ именемъ Евѳимія¹⁾.

Кромѣ единства священнаго текста и однообразія въ Богослуженіи, въ восточной Церкви съ девятаго не еретичнаго вѣка ея появилась однообразность, историческая достоверность и догматическая непреложность священной живописи въ отвѣтъ раскольничьимъ вымысламъ Запада. Мозаическіе и живописные цвѣты и птицы, коими иконоборцы испещряли храмы Божіи, исчезли вездѣ, кромѣ церкви св. Георгія въ Θεσσαλονικίѣ (нынѣ мечеть), въ которой они оставлены, вѣроятно, въ память торжества Православія надъ ихъ ересью. Въ монастыряхъ Аѳонскихъ, Метеорскихъ, Оссо-Олимпійскихъ, и въ Θεσσαλійскихъ городахъ, Стагόνѣ, Трикалѣ, Зѳркѣ, Тирнавѣ, на островѣ Халки близъ Константинополя, стѣны храмовъ въ разные вѣка украсились живописными изображеніями точь въ точь въ томъ порядкѣ, въ какомъ Кесарь Василій Македонскій, въ первый разъ послѣ иконоборства, украсилъ стѣны своей дворцовой церкви образами мозаическими.

Какъ въ ней по словамъ Фотія, —

Ἐπ' αὐτῆς τῆς ὁροφῆς ἀνδρείκελος εἰκὼν μορφὴν φέρουσα τοῦ χριστοῦ πολυανθέσι ψηφίσιν ἐγγέγραπται. Ἐπιπὸς αὐτὸν τὴν γῆν ἐφορᾷ, καὶ τὴν περὶ αὐτῆς διανοεῖσθαι διακόσμησίν τε καὶ κυβέρνησιν. Τοῖς δὲ περὶ αὐτῆ ὁροφῆ τοῦ ἡμισφαιρίου τμήμασιν ἐγκύκλιοι πληθὺς ἀγγέλων τῷ κοινῷ δεσπότῃ δορυφοροῦντες διαμυρόφρονται. Ἡ δὲ ἀπὸ τοῦ συσταστῆριου ἀνεγειρομένη ἀπὸ τῆ μορφῆ τῆς παρθένου περιαστραπτέται, τὰς ἀχράντους χεῖρας ὑπὲρ ἡμῶν ἐξαπλοῦσης καὶ πρατομένης τῷ βασιλεῖ τὴν σωτηρίαν καὶ κατ' ἐξῆρῶν ἀνδραγαθήματα. Χορὸς δὲ ἀποστόλων

такъ и тамъ, по моимъ наблюденіямъ, въ небѣ купола написанъ мужуподобный образъ Христа, какъ Господа вседержителя, призирающаго на землю и помышляющаго объ устройствѣ и украшеніи ея. Въ шеѣ купола изображены дорупосящіе ангелы, служащіе общему владыкѣ своему, въ алтарномъ углубленіи (абсидѣ) — Богоматерь съ распростертыми руками молящаяся о нашемъ спасеніи и о побѣдѣ надъ врага-

1) Это свѣдѣніе заимствовано изъ рукописной исторіи Антиох. патриарховъ, составленной священникомъ Михаиломъ Брекомъ на Арабскомъ языкѣ, и переведенной для меня въ Дамаскѣ на греч. языкъ въ 1844 году.

καὶ μαρτύρων, καὶ δὴ καὶ προφητῶν καὶ πα-
 ρισαρχῶν, ὅλον πληροῦντες ταῖς ἐκκόσι τὸ τέ-
 μενος ἐξωραϊζοῦσιν¹⁾.

ми, а на стѣнахъ — лики апостоловъ, муче-
 никовъ, пророковъ и праотцевъ.

Поразительное сходство! Удивительное увѣковѣченіе пзящнаго вкуса царя Василія, утвердившаго Православіе! Такое подражаніе ему, мнѣ кажется, возбуждено было и признательностію потомства къ этой заслугѣ его. Лицевые святцы, составленные при этомъ государѣ не неуксусными живописцами, и сказанія о чертахъ лица и внѣшнемъ видѣ Святыхъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ, и даже нѣкоторыхъ пророковъ, помѣщенные въ Синаксарѣ, который составилъ нѣкто Петръ въ десятомъ вѣкѣ, эти Святцы и сказанія придали иконной и стѣнной живописи историческую достовѣрность и ту просопографическую = лицеписную неизмѣнность, по которой на старинныхъ иконахъ съ разу узнаёшь, напримѣръ, апостоловъ Петра и Павла, великомученицу Екатерину, святителей Николая чудотворца, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, и прочихъ²⁾. Съ той поры, когда царь Романъ изъ Едессы перенесъ въ Константинополь нерукотворенный образъ Спасителя (944 г.), извѣстный еще святому Ефрему Сирину, историку Евагрію († 593 г.), Иоанну Дамаскину и Льву тщепу Константинопольской Церкви (787 г.), правослаивный Востокъ почиталъ и живописью воспроизводилъ только этотъ образъ, но никогда не принималъ Убруса Веронки, ни старинаго безъ терноваго вѣнца, о которомъ письменное извѣстіе въ первый разъ появилось въ послѣдней четверти одиннадцатаго вѣка, ни поздняго съ онымъ вѣнцомъ и съ страдальческимъ окровавленнымъ ликомъ І. Христа, появившагося съ 1495 года³⁾, не принималъ, потому что этотъ Убрусъ былъ неизвѣстенъ древнимъ историкамъ даже западнымъ. На этомъ Востокѣ, послушномъ евангелію, никогда въ церквахъ не былъ изображаемъ Богъ Отецъ, котораго никто нигдѣ не видалъ, а у главы едиnorodнаго Сына его І. Христа надписывалось евангельское слово Ο ΩΝ = ΩΝ, для означенія Божеской Упостаси его, воспринявшей въ себя человѣческое естество⁴⁾; Богоматерь съ божественнымъ Младенцемъ на иконахъ всегда изображалась, какъ небесная Владычица и Царица, ΔΕΣΠΟΙΝΑ, ΠΑΝΤΑΝΑССΑ, которой *созорилъ величіе Сильный, да ублажатъ ее вси роди*, и которую всѣ любили привѣтствовать, Радуися, но никогда не писалась, какъ земная Матерь скорбящая, Mater dolorosa, особенно чтимая католиками. Достойны вниманія

1) Φωτίου Ἐφρασίς τῆς ἐν τοῖς Βασιλείοις νέας ἐκκλησίας τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, ὑπὸ Βασιλείου τοῦ Μακεδόνος οὐλοδότησεως. — Patrolog. Graecae cursus complet. T. СП. Paris. 1860. pag. 572.

2) Я имѣю Синаксаръ вышепомянутаго Петра, переписанный въ 1249 году. Въ предисловіи къ нему сказано, что многіе ученые мужи принимались *кратко* составлять Житія Святыхъ и обозначать дни памяти ихъ, но нѣкоторые изъ нихъ по невнимательности своей, а иные по недостатку матеріаловъ (ἀπειρία), изложили ихъ беспорядочно и не послѣдовательно: οὐ κατ' εἰρηδόν, οὐδὲ κατὰ τάξιν, ἀλλὰ συχυμειμένως καὶ ἀνακολούθως ἐξέ-
 ζευτο: наконецъ нѣкто Петръ, пользовавшійся лучшими сочиненіями древнихъ писателей, составилъ и издалъ въ свѣтъ Синаксаръ полный и отчетливый. Онъ, какъ видно изъ моей рукописи, жилъ вскорѣ послѣ царя Льва мудраго.

3) Waagen, Handbuch d. Geschichte d. Malerei. 1862.

4) Иоанн. 1, 18. — 3, 13. — 6, 46. — Смотри. Библейскую рѣдкость А. П. У. 1864. стран. 50, 51.

живописные отвѣты православнаго Востока раскольникъ Западу. Выдумалъ этотъ Западъ, въ противность древнему преданію, своевольно изображать у распятаго Господа стопу на столбѣ, пронзенную однимъ гвоздемъ, а Его — еще живаго на крестѣ, съ открытыми глазами, иногда безъ бороды, иногда въ Палской тиарѣ, иногда съ выраженіемъ лица страдальческимъ, которое непристойно Богочеловѣку, не имѣвшему грѣха, и возшедшему на крестъ добровольно¹⁾: на такое изображеніе Востокъ отвѣтилъ своимъ живописнымъ распятіемъ, представляя Господа на крестѣ съ двумя порознь пригвожденными стопами, съ закрытыми глазами, съ спокойнымъ выраженіемъ лица, и тѣмъ внушая, что все уже совершилось, добровольныя страданія перенесены съ твердостью духа, жертва принесена и принята Богомъ, смерть для насъ есть уже успение, сонъ, а не наказаніе за грѣхи. Отмѣнилъ оный Западъ преподаніе мрянаемъ животворящей крови Христовой: эту отгнѣну Востокъ, помнившій слово Господа, — *пейте отъ нея вси*, — обличилъ изображеніемъ Тайной Вечери, на которомъ Спаситель преподаетъ апостоламъ тѣло и кровь порознь. Самое старшее изображеніе ея въ такомъ видѣ помѣщено въ живописной псалтири десятаго вѣка, принадлежащей Пандократорскому монастырю на Аѳонѣ. Оно отподоблено мною. Выдумалъ оный Западъ Пургаторіумъ, то есть, огонь будто бы очищающій души усопшихъ: на эту выдумку Востокъ, послушный евангелію, въ которомъ сказано, — *идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный*, — отвѣтилъ изображеніемъ Рая и Ада, и въ первомъ — олицетвореніемъ покоя душъ въ лонѣ Авраама, а во второмъ — размѣщеніемъ ихъ въ вѣчномъ огнѣ, мразѣ, мракѣ, и среди червей неусыпающихъ. Такое изображеніе было извѣстно тамъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Я на Аѳонѣ въ Иверѣ нашелъ его въ Житіи Индѣйскаго царевича Іоасафа, переписанномъ въ этомъ вѣкѣ, и отподобилъ съ красками.

Благотворно было для восточной Церкви мирное обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе въ предѣлахъ Греческаго царства. Послѣ этого событія уже никогда не было тамъ ни гоненій, ни мученій за разномысліе о Вѣрѣ. Эта Церковь, по праву и долгу самосохраненія, хотя и продолжала анаематствовать разномыслящихъ и упорныхъ, то есть, отлучать ихъ отъ общенія съ собою; но анаемы ея, произносимыя въ недѣлю Православія, были не наказанія, а духовно-нравственныя средства къ вразумленію заблуждающихъ и непокорныхъ вселенской Правдѣ, или, святой истинѣ, исповѣдуемой многочисленными соннами вѣрующими и засвидѣтельствованной многими Соборами и святыми мужами. Притомъ въ ней самой ослабѣлъ тотъ сильный порывъ къ утонченнымъ преніямъ богословскимъ, который прежде крушилъ ее, и надолго отдѣлывалъ отъ нея многочисленныхъ чадъ. Ей стали неприятны измѣнчивыя мудрованія не святыхъ людей о непреложныхъ тайнахъ Вѣры, откровенной Богомъ. Она признала, что для вѣчнаго спасенія душъ достаточно исповѣдовать тѣ одни догматы Вѣры, которые опредѣлены были семью вселенскими Соборами и уяснены св. Отцами, особенно, Василіемъ великимъ, Григоріемъ богословомъ и Іоанномъ Златоустымъ. Съ той поры, когда св. Игнатій патріархъ Константинопольскій въ 871 году вновь совершилъ Послѣдо-

1) Christus Archaeologie von Glückselig. Prag. 1868. Seite 145 und folg.

ваніе Службы въ недѣлю Православія, составленное св. Меодіемъ при царигѣ Θεодорѣ¹⁾, возгласы въ этомъ послѣдованіи, — Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православныхъ (ὁρθόδοξον), сія вѣра вселенную утверди — эти торжественные возгласы повторылись восточною Церковію во всѣ послѣдующіе вѣка. А неизмѣнная преданность ея ученію Василія, Григорія и Иоанна, ознаменовалась даже установленіемъ особаго праздника въ 1084 году въ память сихъ трехъ учителей, которые названы вселенскими. Творенія же ихъ переписывались, читались и перечитывались въ царскихъ чертогахъ, въ домахъ вельможъ и богатыхъ людей, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ; посему-то и дошли до насъ многочисленныя списки съ нихъ, хранящіеся во всѣхъ лучшихъ бібліотекахъ на Востокѣ и Западѣ. Эти Творенія любимы были Славянами и прочими народами православными, любимы даже такъ, что у нихъ въ теченіи многихъ столѣтій рѣдко кто говорилъ проповѣди своего сочиненія. Напримѣръ: въ Сиріи съ девятаго вѣка извѣстны только два проповѣдника, іеродиаконъ Абдалла Антіохіянинецъ, скончавшійся въ 1052 году, и Алеппскій митрополитъ Мелетій, преставившійся въ 1635 году²⁾, а въ Палестинѣ одинъ Аванасій патриархъ Іерусалимскій, который живъ былъ въ 1236 году³⁾. Священное Писаніе, догматы и правила семи вселенскихъ Соборовъ, апостольскія и отеческія преданія, литургіи, пѣснопѣнія и Творенія св. Отцовъ древнихъ, вотъ все, чѣмъ наипаче утверждалась вѣра православныхъ христіанъ съ девятаго нееретичнаго вѣка ихъ, и чѣмъ отстаивали ее просвѣщенные архипастыри и учителя, когда имъ нужно было обличать мудрованія Папистовъ и братски приглашать ихъ къ единомыслію вселенскому. Въ ихъ посланіяхъ къ Папамъ, въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ихъ мудрованій, рѣдко употреблялись силлогизмы, или, умствованія о предметахъ Вѣры, вызванные силлогизмами же Папистовъ, напротивъ чаще всего просто излагались древнія ученія вселенской Церкви. Всѣ они, начиная отъ Фотія до современныхъ намъ восточныхъ святителей, отвѣчавшихъ Папѣ Пію IX, всѣ

1) Въ рукописи Аеоно-Кутлумушскаго монастыря, содержащей эту службу, а написанной на пергаментѣ вскорѣ послѣ 1352 года, сказано «что Богъ, вспомявъ поношеніе, которымъ уничтожили Церковь иконоборцы, вознекичь Православіе, въ первый разъ послѣ многолѣтняго поруганія св. иконъ, и во второй спусти почти 80 лѣтъ послѣ этого поруганія.» А такъ какъ первое торжество Православія было вскорѣ по смерти послѣдняго иконоборнаго царя Θεοφιλα при супругѣ его Θεοδорѣ въ 841 году; значитъ второе, бывшее спустя 80 лѣтъ, совершено было въ 871 году при патриархѣ Игнатіи.—Τούτου του ὀνειδισμοῦ, οὐ δυνείδισταν οἱ ἔχθροὶ κυρίου.. ἐπιμνησθεῖς ὁ θεὸς ἡμῶν, . πέπραχε δεύτερον, ὅπερ ἐτέλεσε πρότερον. πρότερον μὲν γὰρ μετὰ πολυετή τινα χρόνον τῆς τῶν ἁγίων εἰκόνων ἐκαρυσίσεως καὶ ἀτιμίας ἐπαπέστρεψε τὴν εὐσεβίαν εἰς αὐτὴν· νυνὶ δὲ, ὅπερ ἐστὶ δεύτερον, μικροῦ μετὰ τριάνταετηρίδα κλιμάσεως ἀναγέρσαστο τοὺς ἀναξείους ἡμῖν τῶν θυοχερῶν ἀπαλλαγῆν, καὶ τῆς εὐσεβείας ἀνακήρουξιν, καὶ τῆς εἰκονικῆς προσκυνήσεως τὴν ἀσφάλειαν, καὶ τὴν πάντα φέρουσαν ἡμῖν τὰ σωτήρια εὐρητήν.

2) Ἐναρετώτατος ἱεροδιάκονος Ἀπθάλλας ὁ Ἀντιοχεὺς ἐφώτισε τὴν Συρίαν μετὰ τὰς δεκάς ἐρημησίας καὶ διδασχὰς του, καταλιπὼν εἰς τὴν ἐκκλησίαν πολλὰ συγγράμματα, καὶ μετὰ γῆρας βαδὺ ἀπῆλθεν ἐν εἰρήνῃ πρὸς κύριον τῷ 8680 ἔτει ἀπὸ τῆς κοσμογονίας, καθὼς ἀναφέρεται εἰς τὸ προοίμιον τοῦ βιβλίου καλουμένου, Ἄγαλλαμα τοῦ πιστοῦ. — Ἡ διδασχὰ τοῦ Μελετίου ἐμαλάκισεν τὰς καρδίας καὶ εἰλεον αὐτὰς εἰς ἔλεον καὶ ἐργασίαν τῆς ἀρετῆς, ὥστε πολλοὶ τῶν χριστιανῶν διὰ τὴν πρὸς αὐτὸν ἀγάπην παρήρησαν τοὺς τόπους των καὶ μετακίνησαν εἰς τὸ Χαλέππι. (Καταγραφή τῶν κατὰ καιροῦς ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχουσάντων συντεθείσα παρὰ τοῦ ἱερέως Μιχαὴλ Μπλίρεκ.)

3) Дл меня переведены двѣ проповѣди Аванасія съ Арабскаго языка на новогреческій. Онѣ будутъ напечатаны, когда Богъ велитъ.

твердили соперникамъ своимъ одно и тоже: «Глава Церкви Христось: основаніемъ ея служить исповѣданіе Петра, — Ты еси Христось сынъ Бога живаго: Седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ суть седмь столповъ богословствующей мудрости¹⁾: нельзя ничего ни прибавлять, ни убавлять въ Символѣ вѣры и во всемъ прочемъ, чтѣ узаконено этими Соборами²⁾: вселенскій Соборъ судитъ всѣхъ, а самъ не судится никѣмъ: всѣ христіанскія Церкви равны и свободны; слѣдовательно, ни одна изъ нихъ не можетъ быть главою и владычицею прочихъ³⁾: нѣкоторымъ изъ нихъ присвоено, не первенство, и не главенство, а старшинство — *προσβία*, и присвоено властію вселенскихъ Соборовъ, а не самимъ Господомъ⁴⁾: совершеніе Евхаристіи на пресномъ хлѣбѣ непристойно христіанамъ, западнующимъ Иудейскую пасху, и проч.» Вся эта вселенская Правда не была уважена западною Церковію. Эта Церковь, какъ извѣстно, не только не отмѣнила обычныхъ еще Фотіемъ мудрованийъ, но даже увеличила число ихъ, вымысливъ чистилище душъ, индульгенціи, вмѣненіе заслугъ людей святыхъ людямъ грѣшнымъ и кающимся, непричастность св. Дѣвы Маріи первородному грѣху, и проч. А восточная Церковь удержала древнее вселенское Православіе, и ничего не прибавивъ къ нему и не убавивъ отъ него, только уяснила оное соборнѣ. Такъ, когда догматъ объ единосущіи Отца и Сына и о равенствѣ всѣхъ совершенствъ ихъ, сопоставленный съ словами Иисуса Христа, — Отецъ мой боліи мене есть, Боже мой, Боже мой, вскую оставилъ мя еси, — оказался неудобопонятнымъ для нѣкоторыхъ христіанъ и епископовъ, Константинопольскій Соборъ въ 1166 году уяснилъ его по смыслу св. Отцовъ, опредѣливъ такъ: «Отецъ больше Сына не только въ томъ смыслѣ, что Сынъ добровольно *зъмалъ себя, зракъ раба примъ, въ подобіи челоувчестнѣ бывъ* (Филиппис. 2, 7.), но и въ томъ, что Отецъ раждаетъ изъ себя Сына единосущнаго и равносовершеннаго, Сынъ же не раждаетъ никого: Иисусъ Христось Сынъ Божій на крестѣ возопилъ, — Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ — возопилъ отъ лица всѣхъ челоувковъ, ибо оставлены были они, какъ грѣшники, повинные наказанію, а не Самъ Онъ, не сотворившій грѣха; слѣдовательно этотъ крестный вопль есть вопль всего челоувчества, просившаго и просящаго себѣ примиренія и соединенія съ Богомъ⁵⁾. Въ другой разъ, когда по случаю толковъ Ѡтаворскомъ свѣтѣ, многіе не до-

1) Это — слова Кіевскаго митрополита Іоанна († 1089 г.) въ посланіи его къ папѣ Клименту, бывшему архіепископу Равенскому, который признанъ былъ папою императоромъ Генрихомъ.

2) Смотри 1-е правило 6-го вселенскаго Собора.

3) Смотри 8-е правило Ефесс. вселенск. Собора.

4) Никейск. Собора правило 7. — Ефесск. Собора правило 8. — Перв. Константи. Собора правила 2, 3, 6. — Халкидон. Собора правила 9, 17, 28. — Шест. всел. Собора правило 86.

5) Ἐζητήτο, ὅπως ἢ κατὰ τίνα μεζων τοῦ λέγοντος Χριστοῦ ὁ πατήρ ἐκλαμβάνεται. . . . Οἱ μὲν (ἐπίσκοποι ἐν Συνόδῳ) τῶν τισί Γ ρ α φ ι κ ῶ ν ἀποχωρόμενοι χρεῖσων, μόνω τῷ αἰτίῳ τῆς ἀχρονοῦ γεννήσεως τοῦ μονογενοῦς υἱοῦ τοῦ θεοῦ τὴν ἐξήγησαν ταυτοσί τῆς φωνῆς (ὁ πατήρ μου μεζων μου ἐστίν) περιέγραφοι. . . Οἱ δ' ἴδσαν καὶ τινὰς τῶν πνευματοφόρων τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας Πα τ ῆ ρ ο ν καὶ διδασκάλων τὴν τοῦ κυρίου ταυτην φωνὴν ἐρητύσαντας κατὰ τὸ αἴτιον τῆς ἀκαταλήπτου πρώτης γεννήσεως. . . Οἱ δὲ κατὰ μόνον τὸν τῆς κενώσεως, ἢ συγκαταβάσεως τρόπον, εἰρήσασαι μεζωνα τοῦ υἱοῦ τὸν πατέρα διανοοῦντο. . . Ἐντευθεν καὶ ὀρογραφεῖται τὰ περὶ τῆς ταύτης τοῦ κυρίου φωνῆς, ὅπως ἀκολουθῶς τοῖς ἀνάκειν τῶν ἱερῶν συνόδων εὐσεβεστάτοις δόγμασιν ὀφείλει παραλαμβάνεσθαι. Ἐκύρωται γάρ

умѣвали, какъ надобно думать о дѣйствованіи (ἐνέργεια) всемогущества Божія, — соприсносуцно ли оно Божескому естеству, или является, когда нужно, какъ произведеніе воли Божіей = *κτίσιμα*, — Константинопольскій же Соборъ въ 1352 году опредѣлилъ, что оно соприсносущно и совѣчно Божескому естеству, а не творимо »¹⁾. Правда, въ восточной Церкви, послѣ девятаго нееретичнаго вѣка ея, не много было такихъ Соборовъ, которые подобнымъ образомъ уясняли принятыя отъ вселенскихъ Соборовъ догматы; но за то она, утомленная богословскими преніями и довольная этими спасительными догматами, обратилась къ изученію опытовъ духовной жизни. Преподобный Симеонъ Метафрастъ († 936) написалъ 122 житія Святыхъ, къ коимъ послѣ него присоединены были еще 539. Такая полная Четь-Миня читалась въ церквахъ и домахъ. Кромѣ ея особенно любимы были христіанами душеспасительныя Творенія Макарія великаго, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Марка подвижника, Аввы Исаи, Симеона новаго Богослова, и другихъ подобныхъ имъ св. мужей, которые что писали о спасеніи души, то писали по опыту, бывъ просвѣщаемы благодатно всеовершенствою Духа. Изданія этихъ Твореній были многочисленны. Увлеченіе ими было сильное. Царь Левъ мудрый († 911 г.), по подражанію имъ, писалъ книгу о врачеваніи душъ = *ἀκαιοτική τῶν ψυχῶν ὑποτύπωσις*; царица Евдокія, супруга Романа Діогена

καὶ κατὰ τὰς διαφόρους μὲν παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων δοθείσας ἐξηγήσεις νοεῖσθαι ταύτην καὶ λέγεσθαι, οὐ μὴν δέ, ἀλλὰ καὶ κατ' αὐτὴν τὴν ἐν τῷ χριστῷ ἀνθρωπίνην κτιστὴν καὶ περιγραπτὴν φύσιν. — Ἐγκωμιαζήσθαι παρὰ τοῦ πατρὸς ἐπὶ σταυροῦ κρεμάμενος ἀνακέκραγεν. ὅπερ οἱ θεοὶ Πατέρες προσώπῳ τῆς κοινῆς τῶν ἀνθρώπων φύσεως λεγθὲν ἐκλαμβάνονται. ἐκείνης γὰρ — ἡ ἐγκρατλήσις, ἣ ταῖς ἀμαρτίαις ὑπέκδοτος γέγονεν, οὐ γὰρ δὴ Χριστοῦ αὐτοῦ, ὃς ἀμαρτίαν οὐκ ἐποίησε. — [Βασιλικὸς καὶ συνοδικὸς Τόμος, 530^ος ἔτους, ἐπὶ Μάνουηλ βασιλέως πορφυρογενήτου, ἐχθαρογέμενος ἐν τῷ θεῷ ναφ' τῆς ἁγίας σοφίας ἐν κλάκας μνημαρτίαις, χειρογράφων ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἐραρς μονῆς τῆς ἐν τῷ ὄρει Σινᾶ.]

— Τοῖς μὴ δεχομένοις τὴν τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ καὶ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ φωνήν, τὴν « ο πατήρ μου μεῖζον μου ἐστὶ » καθὼς κατὰ διαφόρους τρόπους οἱ ἅγιοι ταύτην ἐξηγήσαντο, οἱ μὲν, κατὰ τὴν αὐτοῦ θεότητος λέγοντες ταύτην ρηθῆναι, διὰ τὸ αἶτιον τῆς ἐκ τοῦ πατρὸς τούτου γεννήσεως, οἱ δὲ κατὰ τὰς φυσικὰς ἰδιότητας τῆς προσηλωθείσης παρ' αὐτοῦ σαρκὸς καὶ ἐνκοστάσης τῇ αὐτοῦ θεότητι . . . ἀνάθεμα Γ. — [Ἐπωφιλόμενη πρὸς θεὸν ἐτήσιος εὐχαριστία = Служба въ недѣлю Православія — Χειρογραφὸν ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἐραρς μονῆς τοῦ Κουτλουμουσίου ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω.]

1) Τὰ κατὰ μῆνα Ἰουλίον τῆς ἐ' Ἰνδικτιῶνος τοῦ 6860 ἔτους καληθέντα καὶ πραχθέντα παρὰ τῆς θείας καὶ ἐραρς συνόδου, τῆς συγκροτηθείσης κατὰ Βαρλαάμ καὶ Ἀκυνθίνου ἐν τῷ θεοφουρήτῳ παλατίῳ τῶν ἐραρῶν Βλακερῶν, ἐνθον τοῦ μεγάλου τρικλίνου τοῦ λεγομένου Ἀλεξιακοῦ: †

Β. Τοῖς φρονοῦσι καὶ λεγοῦσι μηδεμίαν ἐνέργειαν φυσικὴν εἶχειν τὸν θεόν, ἀλλὰ μόνην οὐσίαν, εἶναι ταυτόντε καὶ ἀδιάφορον παντελῶς οἰομένοις τὴν τε θείαν οὐσίαν καὶ τὴν θείαν ἐνέργειαν, καὶ μηδὲ μίαν εἶσθαι τούτων κατὰ τι διαφοράν, ἀλλὰ τὴν αὐτὴν ποτὲ μὲ νοεῖσθαι, ποτὲ δὲ ἐνέργειαν λέγεσθαι, ὡς καὶ αὐτὴν ἀνοήτως τὴν θείαν οὐσίαν παντάπασι ἀναρροῦσι καὶ εἰς τὸ μὴ ἂν ἄγουσιν · ἐνεργείας γὰρ μόνον τὸ μὴ ὄν στερεοῦσθαι φασὶν ἐπὶ λέξεως οἱ τῆς ἐκκλησίας διδάσκαλοι · — ἀνάθεμα Γ.

Γ. Ἐτι τοῖς αὐτοῖς φρονοῦσι καὶ λεγοῦσι κτιστὴν εἶναι πᾶσαν φυσικὴν δύναμιν καὶ ἐνέργειαν τῆς τρισυποστάτου θεότητος, ὡς κτιστὴν ἐκ τούτου πάντως καὶ αὐτὴν τὴν θείαν οὐσίαν ἀναγκαζομένους θεοδέξιν · κτιστὴ γὰρ, κατὰ τοὺς ἁγίους, ἐνέργεια κτιστὴν δηλώσει καὶ φύσιν, ἄκτιστος δὲ ἄκτιστον χαρακτηρήσει οὐσίαν. καντεῦθεν ὅδη κινδυνουοῦσιν εἰς ἀθεταν παντελῆ περιπίπτει, καὶ τὴν Ἑλληνικὴν μυθολογίαν, καὶ τὴν τῶν κτισμάτων λατρείαν τῇ καθαρᾷ τῶν χριστιανῶν πίστει προστριβομένοις, μὴ ὁμολογοῦσι δὲ κατὰ τὰς τῶν ἁγίων θεοπνεύστους θεολογίας καὶ τῆς ἐκκλησίας ἐυσεβῆς φρόνημα, ἄκτιστον εἶναι πᾶσαν φυσικὴν δύναμιν καὶ ἐνέργειαν τῆς τρισυποστάτου θεότητος, ἀνάθεμα Γ. [Ἐπωφιλόμενη πρὸς θεὸν ἐτήσιος εὐχαριστία. . . Χειρογραφ. Κουτλουμουσιανόν.]

(1067 — 1071 г.) писала сочиненіе о житіи монахинь. Григорій Синаитъ, Максимъ Кавсокаливскій, Григорій Палама, въ 14 вѣкѣ, словомъ и примѣромъ возбуждали, наипаче въ монахахъ, рвеніе въ внутренней молитвѣ и къ духовному совершенству. Весьма замѣчательно, что до десятаго вѣка ни одинъ царь и ни одна царица у Грековъ не постриглись въ монашество, а послѣ этого вѣка Теодоръ Дука, Андроникъ старшій, Іоаннъ Палеологъ, Мануилъ Палеологъ, Марія, Ирина, Теодора, Елена, Инокъ, Исенія, Евгенія, Евгенія, Ипомони, скончались въ власяницахъ, и легли въ сырой землѣ подлѣ многихъ патріарховъ и епископовъ, вельможъ и богачей, именитыхъ женъ и дѣвъ, которые приняли схиму, показанную ангеломъ святому Пахомию. Такое явленіе — не безпричинно. Когда христіанская Вѣра опредѣлена и уяснена, тогда остается только философствовать по христіански, то есть, быть благочестивымъ, уповать на Бога, любить его всѣмъ сердцемъ, и готовиться къ вѣчной жизни.

Таковы были проявленія и послѣдствія мирнаго обращенія всѣхъ еретиковъ въ православіе и соединенія Церкви и государства!

Объ этомъ событіи не упомянули Византійскіе историки, потому что они повѣствовали только о гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ въ Греческомъ царствѣ, а не о церковныхъ; но оно совершилось, какъ совершилось возстановленіе иконопочитанія при Фотіи, переселеніе мірскихъ жителей съ Аэона въ Пелопонесъ при Алексѣ Комнинѣ¹⁾, подчиненіе Валахской Церкви Константинопольскому патріарху и Синоду его въ 1359 году: о чемъ однако нѣтъ ни слова у оныхъ историковъ, нарочито не говорившихъ ни о законодательствѣ, ни о военномъ и мореходномъ искусствѣ, ни о зодествѣ и живописи, ни о народномъ просвѣщеніи у Византійскихъ грековъ. Это событіе подготовилъ Фотій вмѣстѣ съ государями Михаиломъ и Василиемъ: отъ же и оповѣстилъ его въ своемъ столповомъ Словѣ, которое имѣетъ всю силу достовѣрнаго свидѣтельства очевидца.

Фотій былъ великій человекъ. Отъ него узнали мы и событія великія, какъ то, первый походъ Россовъ къ Константинополю, вторичное возстановленіе иконопочитанія, обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе и соединеніе Церкви и государства. Это знаніе есть драгоценный прирѣтокъ нашъ. Но надлежало бы намъ лучше знать и самого Фотія. А никто у

1) Это свидѣніе заимствовано изъ хрисовула царя Андроника старшаго, Палеолога, 1292 года. А хрисовулъ этотъ хранится въ Аэоно-Ватопедскомъ монастырѣ. «Τῷ πρώτῳ βασιλεὶ Ἀλεξίῳ τῷ Κομνηνῷ μετὰ πάσης συνέσεως ἔδοξε μετακίσει τοὺς ἑγχωρίους ἐκ τοῦ ἀγιονύμου ὄρους τοῦ Ἄθω πρὸς Πελοπόννησον, παντὶς κοσμικοῦ θορυβοῦ ἀπληθύνοντο, τότε τὸν μονήρη βίον προαιρουμένους τὸν τόπον καταλιπνάντων ἡσυχου καὶ ἀτάραχον. Ἐτυχε δὲ μένασα ἡ χώρα τοῦ Μιχαὴλ ἐν μέσῳ κειμένη τοῦ Βατοπεδίου καὶ τοῦ Ἐσφιγμένου, ἐφ' ᾧ πλείστα ταραχαὶ καὶ θόρυβοι καὶ τῆς αὐτῶν ἐπαγγελίας ἀπέβια μισθὴ ἀλλήλους προαναφεύοντο . . . ὁ βασιλεὺς ἐπρόσταξεν, ἵνα διαχωρισθῇ ἡ χώρα αὕτη εἰς δύο μέρη.

насъ до сей поры не написали полного житія его. Однако онъ будетъ имѣть своего Метафраста. Подождемъ его, а теперь на основаніи разсмотрѣнныхъ бесѣдъ составимъ себѣ понятіе о строѣ и свойствахъ рѣчи Фотія, и о познаніяхъ, способностяхъ и качествахъ его.

Начала, или приступы всѣхъ бесѣдъ этого витія — блистательны, заманчивы, увлекательны. Логическое расположеніе каждой изъ нихъ просто, а содержаніе богато и для насъ ново. Рѣчь его, рѣчь возвышенная, сильная, звучная, плавная, соответствующая предметамъ ея, настроена по образцамъ Твореній древнихъ Еллинскихъ писателей, и особенно Фуклида и Димосена, которыхъ выраженія замѣтны въ Бесѣдахъ ¹⁾. Она искусственна. Самъ Фотій дома не говорилъ такъ, какъ бесѣдовалъ въ храмѣ св. Софіи. Однако слушатели понимали его, потому что въ школахъ изучали сказанныя Творенія, и потому что онъ, по обычаю Греческихъ проповѣдниковъ, произносилъ бесѣды наизусть и нараспѣвъ, какъ они произносятъ ихъ и нынѣ. Особенности свойства рѣчи его суть игривость отъ созвучія словъ, стремительность и великоразмѣрная картинность. Представляю примѣры, въ которыхъ видны эти свойства. Вотъ игра словъ созвучныхъ (рѣчь):

— Οὐτὼ μαστίζετα λαὸς ἀμαρτάνων ἢ
ξίφει πολέμων ἑριζόμενοι, ἢ ἑρρίων
ἄδοσι κατ᾽εσιόμενοι, ἢ ἀέρος φθόρου
συνφ᾽εσιρόμενοι.

— Δακρύω καγὼ σὺν ὑμῖν, ἔπερ ἐστὶ
δακρύων καιρὸς ὁ παρὼν καιρὸς, ἀλλὰ μὴ
πολλῷ μεζῶν τῆς δακρύων φορᾶς ἡ κατα-
λαβοῦσα συμφορᾶ.

— Ἐγὼ ὑμῖν ἐγγυῶμαι τὴν σωτηρίαν,
ἂν αὐτοὶ συντηρήσητε τὰς ὁμολογίας.
ἐγὼ τὴν τῶν δυσχερῶν ἀπαλλαγὴν, ἂν
ὑμεῖς πάγιον τὴν ἐπιστροφὴν. ἐγὼ τὴν
ὑποχώρησιν τῶν ἐχθρῶν, ἂν τὴν ἀνα-
χώρησιν ὑμεῖς τῶν πασῶν.

— Ταύτης (τῆς Μητρὸς τοῦ Λόγου) τὴν
παρηρησίαν εἰς σωτηρίαν ἐπιβώμενοι.
αὐτὴν ἑραῦσαι τὸ ἑράσος τῶν βαρβάρων
κατακτείνοντες.

Такъ карается народъ грѣшный: то мечи враговъ *пожигаютъ* его, то зубы звѣрей *пожираютъ* его, то порча воздуха *портитъ* его.

И я плачу съ вами, если только время теперь плакать, и если охватившій насъ *потокъ* горя не больше *тока* нашихъ слезъ. Иначе: если постигшее насъ *горе* не такъ *горько*, что еще можно выпронять слезу.

Поручимся другъ другу, я за ваше *спасеніе*, а вы за то, что нѣтъ *опасенія* касательно договоровъ, я за *отвращеніе* бѣдствій, а вы за *обращеніе* къ Богу, я за *удаленіе* враговъ, а вы за *отдаленіе* отъ страстей.

Ея (Матери Слова) *дерзновеніе* призывали во *спасеніе*: ее умоляли *сдерживать дерзость* варваровъ.

1) Напр. τιμωρίαν ὑπέχειν, Thucid. — Ἠλικὸς ἐστὶ, Demosth.

— Ὁ ρ γ ἦ ν εἶχον εἰς τὴν κατὰ ἡμᾶς ἐπι-
δρομήν, συνελάνουσαν αὐτῆς φιλανθρωπίαν
εὐρομεν θεοῦ, τούτων ἀναστέλλουσαν ὁ ρ μ ἦ ν.

— Μηδεὶς τὰς τοιαύτας ὑποσχέσεις λήθη
λυμανάσω. ἡ γὰρ τούτων λήθη ὀργήν
οἶδεν ἀνάπτειν θεοῦ.

— Τί τοσαύτην ἔχει τῆς μοχθηρίας τὴν
ὑπερβολήν, ὡς τηλικαύτην κινεῖν ἀπει-
λήν;

— Ὅταν κατορθοῦντες μὲν οἰκειώμεθα
θεῶ, καὶ τὸ κρατεῖν ἡμῶν παραγίνεται
τῶν ἐχθρῶν τῷ κρατεῖ τῶν παθῶν.

Ихъ привелъ къ намъ *ипсѣ*; но за ними,
какъ мы видѣли, слѣдовала Божія милость
и отвратила ихъ *набли*.

Пусть никто *не забывается* и обѣщаній
своихъ *не сбываетъ* какъ нибудь; ибо заб-
венеіе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій.

За какіе чрезвычайныя *пороки*, даны та-
кіе страшныя *уроки*;

Когда мы, исправляясь, приближаемся
къ Богу, тогда удается намъ и *державити*
надъ врагами при *сдержаніи* страстей.

Фотій, какъ извѣстно, любилъ поэзію, и самъ сочинялъ стихи, и церковныя риемическія пѣснопѣнія. Поэтичность его выразилась и въ бесѣдахъ увеселительными созвучіями словъ. А быстрота его мыслей и воображенія придавала рѣчи его стремительность. Онъ былъ вихрь, когда говорилъ: «знаю, что и вы сами горюете. но время не терпитъ, судія неумолимъ, угроза страшна, беззаконій много, покаяніе недостаточно». Онъ былъ мгновенно-рисующій свѣтъ, когда показывалъ, какъ карается народъ грѣшный: «то мечи враговъ пожираютъ его, то зубы звѣрей пожираютъ его, то небесныя молніи испепеляютъ его, то порча воздуха портитъ его»: или, когда изображалъ мнѣніе Россовъ: «они губятъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женъ, дѣтей, старцовъ, юношей, всѣхъ сражая мечами. Гибель всеобща. Они, какъ саранча на нивѣ и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ ягучій зной, тифонъ, наводненіе, явились въ странѣ нашей». Онъ поражалъ слушателей крупнымъ градомъ, когда твердилъ имъ: «такъ, мы побиты нашими беззаконіями, изурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ». Онъ металъ огни у стремнинъ, когда предостерегалъ отъ бѣдъ и наказаній, говоря: «Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда. Худое дѣло ненависть къ братьямъ, гнѣвъ на ближняго, презрѣніе, зависть, убійство. Худое дѣло лѣнь и безпечность. Все это скопила гроза.» Онъ разсыпался въ хвалахъ, когда благодарный побѣдою Церкви надъ иконоборствомъ говорилъ: «Вся хороша она! Отъ пораженій укрылась, отъ язвъ исцѣлилась, прахъ отрясла, ругателей низринула въ тартаръ, пѣвцовъ превознесла до неба. Недостатка нѣтъ въ ней! Она лучше стала. Раны ея зажили. Старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. Увидѣли ея дѣвы, и ублажаютъ ее царицы: кто она, прекрасная, какъ луна? превосходная, какъ солнце?» Можно ли говорить живѣе, какъ говорилъ такъ Фотій? Любо слушать такія стремительныя рѣчи его. Онъ *похищаетъ* тебя въ высокую область истины, когда говоритъ: «Сынъ проповѣдуется единосущный Отцу. Духъ совчисляется съ ними въ едино Божество. Слово, пріявшее плоть

отъ Дѣвы, не отдѣляется отъ человѣческаго естества. Всякое заблужденіе и мечтаніе прогнано далеко. Переселеніе душъ уже не проповѣдуется. Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на высоту, съ которой упали они по злой волѣ своей. И самъ Христосъ уже не осмѣивается. . . » Не будь такихъ краткихъ выраженій, такихъ легучихъ зарницъ : рѣчь Фотія не была бы стремительна. Но какъ на небѣ рѣдко блистаютъ зарницы, такъ и въ бесѣдахъ этого витія не часто употребляются быстрыя рѣчи, а только тогда, когда нужно, и только тамъ, гдѣ надобно. Фотій, какъ искусный ораторъ, бережливъ на нихъ. Онъ не щедръ и на картины. Но за то онѣ огромны и великолѣпны у него. Таковы картины, изображающія входъ Россовъ въ Константинопольскій проливъ, ихъ мщеніе, покаяніе Византіи, и чудо отъ ризы Богоматери. На первой картинѣ представлено услоенное море; по этому морю въ виду всѣхъ жителей Царьграда плывутъ Русскіе корабли. И навѣвають на нихъ что-то свирѣпое и дикое и убійственное; а на корабляхъ стоятъ вооруженные воины, и простерши на седмисолмный городъ обнаженные мечи свои, потрясаютъ ими и грозятся. Византійцы — всѣ въ ужасѣ. На второй картинѣ, вдали, показаны холмы, долины, пещеры, роцци и нивы, всѣ покрытыя трупами; ближе, умираютъ люди зараженные язвою, а на первомъ планѣ въ устьяхъ рѣчекъ струится кровь, на берегахъ пролива дома горятъ, водоемы завалены мертвыми тѣлами, у камней лежатъ разможенные младенцы и подлѣ нихъ матери, рыдающія, умпрающія, растерзанныя на части, вездѣ по мѣстамъ раздѣльно бѣтятся трупы мушницъ и воловъ, юношей и коней, и зарѣзанныя жены и кокоши. На третьей картинѣ есть что посмотреть! Гордые смиряются, сластолюбцы постыжся, у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текутъ по щекамъ, ростовщики раздадутъ деньги бѣднымъ, плюнувъ на свое серебро и золото, многіе руками и ногами даютъ знать, что впредь они будутъ служить образцами добродѣтели. На четвертой картинѣ идетъ крестный ходъ по стѣнамъ Царьграда. Фотій несетъ на рукахъ своихъ ризу Богоматери, а въ эти минуты Россы отъ какого-то непонятнаго страха обращаютъ тылъ свой, насыпь же ихъ осыпается, какъ по данному знаку; наконецъ, Господь съ неба призираетъ на покаявшихся и гонитъ полки Россовъ, а они послѣдно удаляются. Эти витійственные картины Фотія стоятъ того, чтобы воспроизвестъ ихъ красками, но — на мѣстѣ, въ Царьградѣ, на берегахъ его пролива. Пусть другіе исполняютъ это художественное дѣло, какъ умѣютъ : а мы округлимъ свое понятіе о великомъ витіи.

Онъ говорилъ всѣмъ душевнымъ силамъ своихъ слушателей, воображенію цвѣтисто, памяти впечатлительно, сердцу чувствительно, совѣсти просто, правдиво и строго, уму ясно и глубокомысленно. Онъ не доказывалъ святія истины, а указывалъ и освѣщалъ ихъ. Въ бесѣдахъ его отразилась вся душа его со всѣмъ богатствомъ ея познаній, и даже съ пережитымъ бытомъ. Былъ онъ въ военной службѣ: военныя и выраженія его слышались на патріаршей каедрѣ: «мы совѣсть свою признали побѣдительницею, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ.» «Былъ онъ предсѣдателемъ государственнаго Совѣта: государственное и сужденіе произнесъ съ патріаршей каедрѣ:» невозможно, совершенно невозможно одолѣть враговъ вѣгипскихъ тому, кто, какъ цѣлникъ, связанъ врагами домашними и проданъ страстямъ. . . . Напередъ удалимъ отъ себя мятежныя умы, и потомъ легко обезсилимъ

силу иноплемениковъ.» Любилъ онъ дома Иліаду Омира : не утерпѣлъ и въ храмѣ, сказалъ, что никто не могъ бы описать раззоренія Царьграда стихами Иліады. Помнилъ онъ Мѹеологию : не забылъ и въ проповѣди сравнить еретиковъ съ Вахханками, г'Аршіями и Коривантами, и примолвить, что басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой они упали. Зналъ онъ медицину и врачевалъ больныхъ : умѣлъ и сказать, какъ медикъ, что у всѣхъ трусовъ дрожь начинается въ предсердіи (граесгadium), и оттуда, какъ изъ источника, пробѣгаетъ по всему тѣлу, и что у пораженныхъ величайшимъ горемъ не льются слезы, отъ того что у нихъ сжимается и цѣпенѣетъ вся внутренность. Занимался онъ Правовѣденіемъ и судебнымъ дѣлами : судебнымъ и языкомъ выразился, припомнивъ» какъ въ день суда Божія каждый самъ дѣлался неумолимымъ судіею грѣховъ своихъ, не упрекая обвинителей въ напраслибѣ, дабы отклонить обвиненіе, не требуя постороннихъ уликъ, и не извертываясь приглашеніемъ свидѣтелей для своего оправданія.» Прислушаемся къ другимъ рѣчамъ Фотія, дабы по нимъ узнать его короче. «Чего люди боятся по мнительности своей, то почитаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ : а чего даже и не подозрѣвали, то хотя и висятъ надъ головами, но имъ кажется, что до того еще далеко.» Это говорилъ Психологъ, то есть, знатокъ человѣческой души. Но вотъ отрывки и изъ Логики и Физиологіи его!» Пониманіе посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха, какъ это доказываетъ и опытъ. Склонилъ ли кто слухъ свой къ рѣчамъ: воображеніе его схватываетъ слышанное, а здравый смыслъ обжуживаетъ и передаетъ памяти. Не менѣе сего, ежели не сильнѣе, дѣйствуетъ и зрѣніе. Ибо и оно, посредствомъ тока глазныхъ лучей какъ бы уловляя и схватывая видимый предметъ, представляетъ его уму, а онъ передаетъ памяти для приобщенія къ точнымъ свѣдѣніямъ.» Мы слышали рѣчи Фотія, какъ бывшаго воина и государственнаго мужа, какъ поэта и мѹеографа, какъ врача, правовѣда и знатока души, и какъ учителя Логики и Физиологіи : теперь припомнимъ, какъ онъ богословствовалъ. «Сынъ единосущенъ Отцу. Духъ святой Богъ. Слово пріяло плоть отъ Дѣвы для спасенія человѣческаго рода. Дѣва родила его безстрастно и сверхъестественно. Въ немъ два естества и два дѣйствованія, божеское и человѣческое, и оба не слитны но и нераздѣльны. Богъ благъ, безгнѣвенъ и безстрастенъ, потому что въ существѣ его нѣтъ никакого движенія вещества, получившаго бытіе непостижимымъ образомъ, но онъ постановилъ законъ, по которому грѣхъ влечетъ за собою наказаніе. Богъ милостивъ ко всѣмъ кающимся. Помощь его надобно умѣть снискивать наилучшими дѣлами. Пророки суть языки Бога, прорицавшіе будущность, а апостолы — тайноводители, то есть, учредители таинствъ. Петра апостола сама Истина назвала камнемъ и основаніемъ Вѣры, а не Церкви. Мучениковъ и страстотерпцовъ произвела любовь къ Господу, а украсили молитва, постъ и другіе подвиги. Православіе безъ иконъ угрюмо. Иконы поучаютъ. Единство Вѣры освобождаетъ вселенную отъ раздраженія и предупреждаетъ многія бѣдствія. Будетъ судъ страшный и неумолимый. Будутъ осуждены тѣ, которые оказались неготовы въ царство небесное.» Итакъ почти все христіанское вѣроученіе содержится въ четырехъ бесѣдахъ Фотія. Оно выражено въ нихъ православно по преданію древнихъ Отцовъ Церкви, любившихъ свя-

ценную краткость богословія¹⁾. Что касается до правоученія, то оно, по требованію обстоятельствъ, высказано тономъ обличительнымъ, но такъ, что слышны выговоры, укоризны, увѣщанія наилучшаго отца худымъ дѣтямъ, огорченнаго непослушаніемъ и безнравственными поступками ихъ, отца, который боялся, какъ бы и самое исправленіе ихъ не кончилось съ завтрашнимъ днемъ, и однако желалъ имъ прочнаго счастья и душевнаго спасенія. Тотъ не понялъ бы Фотія, кто, прочитавъ обличенія его, подумалъ бы, что языкъ у него былъ насмѣшливый, язвительный. Насмѣшникъ не плачетъ и не поучаетъ, когда насмѣхается: а Фотій плакалъ и поучалъ, когда обличалъ своихъ слушателей. Нѣтъ спору, что нѣкоторыя обличенія его весьма рѣзки; но онъ доказываютъ только то, что онъ говорилъ людямъ правду, какъ говорили ее пророки, какъ говорилъ ее *несмысленнымъ* Галатамъ апостолъ Павелъ, какъ изрекалъ ее книжникамъ и фарисеямъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. Фотій, какъ извѣстно, жилъ неукоризненно. Даже враги его не очернили поведенія его. Будучи строгъ къ себѣ самому, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Правдивая душа его поражена была жестокими поступками христіанъ, умертвившихъ нѣсколько безвинныхъ Россовъ — язычниковъ, и взявшихъ въ неволю ихъ молотильщиковъ, а развратъ и неестественные грѣхи этихъ обидчиковъ, знавшихъ евангеліе, въ сравненіи съ неукоризненными нравами Россовъ, имѣвшихъ неправильныя понятія о божествѣ, огорчали и крушили его чистое сердце тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще онъ замѣчалъ, что всѣ прежнія увѣщанія его падали въ терніи. Въ такомъ состояніи нельзя было человѣку Божию, пастырю, учителю, патриарху, нельзя было говорить этимъ людямъ спокойно и кротко, когда самъ Богъ послалъ ему въ помощь такихъ грозныхъ проповѣдниковъ, каковы огонь, копье и мечъ Россовъ: надлежало ему гремѣть, надлежало скребкомъ скрести жестокаго сердца, и лить огонь на озорниковъ, воровъ, блудодѣевъ, прелюбодѣевъ, неестественныхъ грѣшниковъ, и на такихъ нечестивцовъ, которые только и дѣлали, что надъ всѣмъ смѣялись и пѣли блудныя пѣсни подъ музыку похабную, нападали, на кого ни попало, какъ зараза какая, величались какъ нечистые наруку сановники, и жить не хотѣли, когда не успѣвали мстить по одному подозрѣнію, или, за ворота выталкивали бѣдныхъ и нищихъ въ то время, когда весельчаки питались ихъ богатою трапезою и расхваливали ихъ благонавіе, пугающее бѣдныхъ. Огненное Фотій переимавилъ всѣхъ ихъ и представилъ Богу, какъ новыя златицы. Огненное слово его было дѣйственно, спасительно. Хорошо бы и намъ занять у него этого священнаго огня, и вылить его на современныхъ намъ нечестивцовъ, дабы они хоть одинъ разъ въ жизни сказали, Господи помилуй. Мы только свѣтимъ, и, кажется, не очень ярко, и не во всѣхъ мѣстахъ. Потомство прочтетъ наши проповѣди и подумаетъ, что наши слушатели всѣ были святые, или малосвѣдующіе. Впрочемъ оно и не станетъ судить о нихъ по нашимъ словамъ и бесѣдамъ, кои, какъ извѣстно, не соотвѣтствуютъ душевному состоянію современнаго міра грѣшнаго, а о насъ самихъ скажетъ справедливо, что въ числѣ Русскихъ проповѣдниковъ первой половины девят-

1) Образецъ такой краткости предложенъ въ моей книгѣ подъ названіемъ, Вѣроученіе, Богослуженіе и Чиноположеніе Египетскихъ христіанъ (Коптовъ), на стран. 20-й.

надпатаго столѣтія не было ни одного, который походилъ бы на огненный клубъ, пожигающій тернія грѣховъ и согрѣвающій холодныя сердца. Но, говоря это, не уклонился ли я отъ главнаго предмета своего разсужденія? Нѣтъ, я только остановился на минуту, чтобы посмотреть: есть ли между нами проповѣдникъ, равный Фотію. Вижу, что нѣтъ его, и снова обращаюсь къ сему великому витіи, и продолжаю рѣчь свою о немъ, или лучше о томъ, что онъ умѣлъ говорить, и что въ бесѣдахъ его отразилась вся душа его, одаренная воображеніемъ сильнымъ, вкусомъ изящнымъ, умомъ тонкимъ, и твердо вѣрующая въ Бога. Завидна находчивость Фотія, съ какою онъ умѣлъ пользоваться внезапными волненіями своихъ слушателей, и въ нихъ почерпая гораздо большую силу рѣчи связаной. Заплакали они: заплакалъ и онъ, но ободрился, и самыя слезы ихъ обратилъ въ обличителей грѣховъ ихъ. Зашумѣли они: не утихъ и онъ, а заговорилъ еще громче: «не шумите . . . страданія неизбежны для всѣхъ живущихъ беззаконно» . . . Завидна такая находчивость Фотія. А впечатлительность и увлекательность его рѣчи сердечной, простой, и разомъ освѣщающей сопоставленное добро и зло, достойна подражанія. Онъ располагаетъ души къ исповѣди, когда говоритъ: «многократно мы были избавляемы отъ бѣдъ: надлежало бы благодарить Бога? не заблагодарасудили. Были спасаемы? облѣнились. Получали прощеніе? не миловали ближнихъ. А обрадованные всѣхъ огорчали, прославленные безчестили, сильные и всѣмъ довольные обижали, и безумствовали!» Слышишь эти слова его, и говоришь про себя: грѣшнень. Онъ трогаетъ и смиряетъ души, когда высказываетъ свои страхи: «пожалуйте, узнайте, что я сильно боюсь того, что слезы у васъслучайны, милостыя времена, цѣломудріе только дозавтра; того, что вы братолюбивы, пока сдружаетъ васъ общая бѣда; смиренны и благоправны, пока плѣнь впереди васъ, набожны, пока грозитъ вамъ смерть.» Прислушиваясь къ такому трепетанію и къ такимъ вѣщаніямъ отеческаго сердца Фотія, и, склонивъ голову къ груди, молишься: Господи, беззаконіе мое азъ знаю . . . воздаждь ми радость спасенія твоего, и духомъ владычнимъ утверди мя. Фотій вразумляетъ и умиляетъ души, когда увѣщаваетъ: «прещеніе Бога остановлено поканіемъ: не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ смѣхомъ и безпрерывными потѣхами. Услышалъ Богъ воздыханія сердца нашего и не презрѣлъ волей нашихъ: не прекратимъ же ихъ, да всегда помогаетъ намъ человеколюбіе Божіе. Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда и проч., и проч.» Всѣ такія рѣчи его превосходны, повторяю, потому что онѣ сердечны, просты, и разомъ освѣщаютъ намъ добро и зло. — Фотій принадлежалъ къ числу не тѣхъ людей, которые сперва думаютъ, а потомъ говорятъ, и не тѣхъ, которые напередъ говорятъ, а потомъ подумаютъ, а тѣхъ, которые когда думаютъ и чувствуютъ, тогда и говорятъ. Мысль, чувство и слово у него близнецы. Кипитъ у него сердце, кипитъ и рѣчь; плачетъ душа, плачевные изрѣкаетъ и причеты; радуется духъ, радостныя произноситъ и вѣщанія. Чѣмъ больше изучаешь бесѣды его, тѣмъ больше понимаешь, что онѣ суть самородное произведеніе его счастливыхъ дарованій. Фотій никому не подражалъ въ витійственномъ искусствѣ, и ни у кого ничего не заимствовалъ. Правда, одно изрѣченіе въ пятомъ отдѣленіи третьей бесѣды его, — «уни-

дѣлъ умъ, воспринималъ, вообразилъ впечатлѣнія, безъ труда передалъ изъ памяти.» — это изреченіе сходно съ фразою Немезія, писателя четвертаго вѣка, помѣщенною въ его ученіи о душѣ и тѣлѣ¹⁾; но оно (если не прибавлено къмъ нибудь послѣ Фотія) появилось тутъ, не какъ заѣмъ, а какъ невольное припоминаніе этой фразы, насловившейся въ памяти Фотія, вѣроятно, еще тогда, когда онъ слушалъ уроки философіи. Не ему приходилось жить чужимъ добромъ, когда самъ онъ былъ богатъ. Не ему нужда была занимать у когонибудь свѣтъ, когда самъ онъ свѣтилъ, какъ солнце. Многія выраженія и рѣчи въ бесѣдахъ его доказываютъ, что онъ одаренъ былъ воображеніемъ роскошнымъ, блестящимъ, сильнымъ, творящимъ даже диковинные, но живописные, образы. У него Моисей молитвою и словомъ пашетъ облака, какъ поля, и оттуда подаетъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустыні; царь Михаилъ прозваетъ самую внутренности ересей *богокованнымъ копыеломъ*, то есть, пшеничнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ; еретики сидятъ въ аду на насѣсти, какъ черные вороны; раскольники съ медвѣжьими ушами слушаютъ всякія прищичи и внимаютъ всему, кромѣ истины; грѣхи суть не что иное, какъ подтопка достаточная для возженія вѣчнаго огня; отъ нихъ засыхаетъ Столица, какъ сохнетъ дерево отъ зноя. Поразительны всѣ такія сравненія и подобія, безъ которыхъ однако и рѣчь — не рѣчь на востокѣ. Но вотъ и другіе величественные и прекрасные образы, воспроизведенные роскошнымъ воображеніемъ Фотія. Россійское воинство у него — страшный перунъ, зіяющая молнія, грозное море, которе не стебли пшеницы ломаетъ и не колосья попираетъ, не виноградныя лозы истребляетъ и не молодья лѣтораси побиваетъ, а людей губитъ за неправду и за жестокость ихъ. Это воинство, какъ громадный исполинъ, можетъ поднять на свое копые цѣлый Константинополь, или схватить его, какъ птичку гнѣздо. Иныя краски рѣчи употребилъ Фотій, когда изобразилъ Церковь, получившую право ввзстановленія святыхъ иконъ. Она представлена имъ то — какъ невѣста, одѣвшаяся во все старинное убранство свое, то — какъ царица, облеченная въ одежду позлащенную и испещренную драгоцѣнными камнями. Иначе описано имъ заматорѣвшее время, которое внезапно породило такое чрезвычайное событіе, каково обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе. Оно олицетворено въ видѣ почтенной жены, которая давно не раждала и вдругъ принесла плодъ прекрасный, царственный, цвѣтущій подъ освѣщеніемъ Истины. — Одни эти образы дали бы намъ понятіе о томъ, что Фотій имѣлъ вкусъ изящный. Но въ бесѣдахъ его есть и другія рѣчи, въ которыхъ выразилась его любовь къ изящнымъ искусствамъ, освященнымъ Церковію. Припомните его художественное описаніе той иконы богоматери, которая при немъ внесена была въ Софійскій храмъ; припомните, что она, по словамъ его, была радость очей, веселіе душъ; припомните, что онъ съ пророкомъ Исаіею самого Бога называлъ живописцомъ, который на рукахъ своихъ расписалъ стѣны храма, и тѣмъ далъ примѣръ Рафаэлямъ и Панселинамъ; выслушайте плачевныя причеты его: — «О, красота и велегѣпіе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество, и художе-

1) Nemesius. De la nature de l'homme. Paris. 1844. «L'intelligence les phénomènes reçoit, les juge et les confie à la mémoire.» Эту фразу я привелъ по французски, потому что въ моеи библіотекѣ нѣтъ подлиннаго Творенія Немезія, которое весьма замѣчательно.

ственное убранство! О, храмъ мой, св. Софія, недреманное око вселенной!» — и согласи-
 тесь, что такъ плакать, такъ говорить, и такъ описывать, могъ только тотъ, кто любилъ жи-
 вопись, зодчество, ваяніе, и искусства, гранильное и литейное, и кто зналъ и понималъ всю
 привлекательную силу онаго недреманнаго ока прекраснаго, которое привлекло къ Спасите-
 лю Грузію, Арменію, Сербію, Болгарію, Паннонію, Дакію и Россію. — Фотій ваялъ нѣко-
 торыя рѣчи свои, и подобно искусному художнику, отдѣлывающему тонкія черты статуи
 рѣзцомъ тонкимъ, выражалъ ихъ весьма тонко и замысловато, потому что имѣлъ умъ тонкій.
 Такъ, когда онъ, въ слезахъ, говорилъ своимъ слушателямъ: «и я плачу съ вами, если
 только время теперь плакать, и если постигшее насъ горе не такъ горько, что еще можно
 выронить слезу; ибо случаются несчастія безслезныя»: тогда этими словами намекнулъ
 имъ, что несчастіе ихъ такъ велико, что другіе отъ него оцѣпнѣли бы, а они только пла-
 чутъ немного. Понявши этотъ намекъ, осязаешь всю грѣховную дебелость Византійцевъ, у
 которыхъ изъ очей текли *малыя капли* во время такого страшнаго несчастія, которое у дру-
 гихъ засушило бы всѣ слезы. Разсмотримъ и другія тонкости рѣчи Фотія: онъ стоятъ вни-
 манія. «Цареградцы отъ страха разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ста-
 вить въ зачетъ собственного плѣна, и *воображеніемъ придумывать*: кто бы долженъ от-
 мстить за несчастныхъ¹⁾.» Говоря такъ, Фотій весьма тонко освѣтилъ ту трусость Визан-
 тійцевъ, въ минуты которой они не знали, что и дѣлать, и вмѣсто того, чтобы вступить въ
 переговоры съ неприятелемъ, начали *вообразать*, что онъ-де удовольствуется мщеніемъ
 тѣмъ согражданамъ, которыхъ захватилъ въ предмѣстіяхъ Константинополя, а ихъ не тро-
 неть, и что ктоинибудь сейчасъ подоспѣетъ имъ на помощь и отмстить врагу. Это напоми-
 наетъ тѣхъ растрепанныхъ и растерянныхъ, которые, когда загарается ихъ домъ, берутъ
 въ руки не вещи свои, и не ведра съ водою, а кочергу и щетки, да и ходятъ съ ними, какъ
 угорѣлые. Искусно, ловко сказана Фотіемъ правда о государѣ Михаилѣ, который долго не
 занимался царскими дѣлами.» Славны подвиги царя нашего на браняхъ, послѣ того какъ
 онъ *присмотрѣлся* къ своему царству; но исчислять ихъ я не намѣренъ²⁾.» Витія глаголомъ,
присмотрѣлся, похвалилъ царя Михаила, но вмѣстѣ и напомнилъ о прежней разсѣянности
 его, однако напомнилъ кратко, вскользь, и потомъ насаказалъ множество похвалъ ему. Такая
 мимолетность напоминанія правды, прикрытаго хвалами, и доказываетъ умѣнье Фотія гово-
 ритъ о царяхъ, какъ должно. Онъ рѣчь свою о Михаилѣ искусно изваялъ какъ бюстъ. Видно,
 что этотъ государь былъ разсудителенъ и твердъ духомъ, добръ, привѣтливъ и щедръ; но
 прищуренные глаза его смотрѣли въ сторону. Не съ меньшимъ искусствомъ сказана Фотіемъ
 правда и о священникахъ и архіереяхъ по случаю искорененія всѣхъ ересей. Обратившись
 къ нимъ послѣ похвалъ патриціямъ и военачальникамъ, совершившимъ это дѣло, онъ только
 спросилъ ихъ, — а вы почему молчаливы, — и этимъ вопросомъ намекнулъ на ихъ прежнее
 бездѣйствіе и на ложный стыдъ, по которому они молчали и тогда, когда совершилось доброе

1) Смотри 2-е отдѣл. втор. бесѣды. — 2) 2-е отдѣл. четверт. бесѣды.

дѣло, и молчали потому, что оно не имъ было сдѣлано, началъ хвалить ихъ. Но какъ? — назвалъ ихъ *перелитыми* отъ радости и улады, и такъ, опять, далъ почувствовать имъ и всѣмъ прочимъ, что до перелитія они были какъ бы слѣпое серебро, которое, обыкновенно, переливается¹⁾. Отчеканилъ же ихъ Фотій! однако придалъ имъ много блеску, сказавъ, что взоры и мысли ихъ вперены въ величіе совершившагося событія. И все это правда! Что какъ было, то такъ и пересказано, только кратко, ловко, прикровенно, замысловато! Замѣчательны дальнѣйшія слова Фотія. «Тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость.» Въ своемъ мѣстѣ я пояснилъ эти слова въ связи съ предъидущею рѣчью. А здѣсь, по поводу ихъ, снятаю не излишнимъ сказать, что, по ученію Фотія, совершенство человѣка состоитъ въ равновѣсіи всего, что есть въ немъ, и нѣсколько поясняю это ученіе, предоставляя другимъ свободу развить его вполнѣ. Совершенно тотъ, кто въ дни радости не забываетъ, что онъ прежде горевалъ. Совершенно тотъ, въ комъ воображеніе не преобладаетъ надъ разсудкомъ, умъ ладитъ съ сердцемъ, образованность соединена съ благонавіемъ, доброта — не слабость, строгость — не жестокость, вѣра оправдывается добрыми дѣлами, миръ душевный приобрѣтенъ исполненіемъ *всѣхъ* добродѣтелей, и проч.

Много совершенствъ имѣлъ Фотій, котораго самое имя значить, Свѣтозарный. Превосходнѣе же всѣхъ ихъ была вѣра его, вѣра живая, сильная, чудодѣйственная. Онъ показалъ ее, особенно, во время осады Константинополя Россами. Всѣ тогда дрогнули и не знали, что дѣлать; сгрусилъ даже и тѣ, которымъ предоставлено судить о военныхъ дѣлахъ: а онъ не поблѣднѣлъ среди всѣхъ ужасовъ, и даже съ дерзновеніемъ сказалъ самымъ тяжкимъ грѣшникамъ: «я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы покаетесь и исправитесь.» Откуда въ немъ такая увѣренность, такое дерзновеніе? и когда же? когда всѣ съ часу на часъ ожидали паденія твердынь Царьграда и переселенія жителей его? Полно, онъ ли говорилъ это въ такое время? Не самъ ли Богъ устами его вѣщалъ: ручаюсь? Или, этотъ глаголь былъ глаголь вѣры его, той вѣры, которая можетъ переставлять горы? Да! Онъ вѣровалъ, что Богъ милуетъ кающихся и хранить праведныхъ, и потому ручался за спасеніе погибавшихъ согражданъ подъ условіемъ ихъ покаянія и праведности. Онъ вѣровалъ, что въ нихъ есть запасъ духовныхъ силъ, кои могутъ исправить ихъ, и потому предлагая это условіе и ручательство, а когда они воспользовались этимъ запасомъ и исправились, тогда примолвилъ: «я вижу, что теперь вамъ легко дѣлать то, чего не дѣлали прежде.» Его вѣра видѣла несуществующее, какъ существующее, предощутила дѣйствіе оныхъ запасныхъ силъ во время общаго несчастія, примѣтила за грознымъ станомъ Россовъ появляющуюся милость Божию; и — присоветовала грѣшникамъ сбыточное дѣло: «*исправьте пути ваши и дѣла ваши*»: и вѣрно предсказала имъ, что *прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ*. Фотій вѣровалъ, что молитва вѣры есть сила, и что ежели она можетъ спасти болящаго (Іаков. 5, 15),

1) Слѣпымъ серебромъ у насъ называются ходячіе денги, на которыхъ едва видны слова и изображенія.

то можетъ спасти отъ бѣды и христіанскій городъ, какъ нѣкогда спасла Нисиву отъ огня Персовъ; вѣровалъ, что эта сила Богомъ дана душамъ, какъ особенный токъ, стремящійся въ лоно Божества и оттуда возвращающійся къ намъ съ притокомъ того могущества, которое творитъ чудеса, не нарушая основныхъ законовъ природы, зеленить деревянный желъзъ Аарона, придаетъ спасительную силу ризѣ Богоматери, родившей Одѣвающаго свѣтомъ, яко ризою; вѣровалъ такъ, и — молился пламенно, одинъ, и вмѣстѣ съ своими страдальцами, съ ними и вмѣстѣ со всѣми святыми и съ Богоматерью, молился въ храмѣ св. Софіи, на перекресткахъ города и на стѣнахъ его, молился въ виду непріятелей, нося на рукахъ своихъ оную ризу. А его и общая молитва вѣры, эта сила, усиленная содѣйствіемъ всемогущества Бога вездѣсущаго и всеобъемлющаго мольбамъ душъ и духовъ, потрясла, не солнца и звѣзды, и не основанія земли, а осадный валъ Россовъ, произвела въ нихъ внезапный страхъ, и обратила ихъ въ бѣгство, когда имъ, какъ посланнымъ бичамъ, уже нечего было бичевать, потому что всѣ грѣхи Византіи были изглажены покаяніемъ и благодію Бога. Такъ все это было. Велика была вѣра Фотія. Убѣдительно было слово ея: сильна была молитва ея. Дивенъ былъ Богъ въ немъ. Чту священную память его. Удивляюсь величію его въ тѣ страшные дни Константинополя, когда онъ, одинъ, смогъ спасти этотъ городъ своею проповѣдію, вѣрою и молитвою. Запечатлѣваю въ умѣ своемъ его пониманіе и объясненіе чуда отъ ризы Богоматери въ связи съ молитвою вѣры покаявшихся христіанъ. Онъ говорилъ, что какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по стѣнѣ, и — варвары перестали осаждать городъ, и потомъ примолвилъ: «тогда Господь воззрѣлъ, не на грѣхи наши, а на покаяніе, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ.» Слышишь это и понимаешь, что гдѣ христіанинъ вѣруетъ и молится, тамъ Богъ творитъ чудеса.

И такъ въ бесѣдахъ Фотія отразилась вся душа его, твердо вѣрующая въ Бога, правдивая, строгая къ себѣ и другимъ, и одаренная воображеніемъ роскошнымъ, вкусомъ изящнымъ, умомъ тонкимъ, отразилась съ богатствомъ познаній и съ пережитымъ бытомъ его. Особенности свойства рѣчи этого витія суть игривость отъ созвучія словъ, стремительность и великоразмѣрная картинность.

Достопамятны изреченія его: «Пророки — языки Бога: Иконы изобрѣла любовь къ Господу. Икона Матери Слова — радость очей и веселіе душъ: Храмъ святой Софіи — недреманное око вселенной: Праведный Судія (Богъ) не очень склоненъ прощать, когда надо осуждать: Нѣтъ недостатка въ наказаніяхъ соответствующихъ искусству грѣшить: Грѣхи — подтопка вѣчнаго огня: Не торгуй милосердіемъ.

Рукописныя бесѣды Фотія давно были извѣстны ученымъ мужамъ въ Европѣ. Въ 1670 году Газскій митрополитъ Памсій Лигаридъ, судившій нашего патріарха Никона, подарилъ

списокъ съ нихъ нѣкоему Николаю Гейнзию. Онѣ значились въ каталогѣ Мадридскаго книгохранилища, и у Фабриція въ его описаніи Греческихъ книгъ. Но никто не напечаталъ и не перевелъ ихъ всѣ сполна. Въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ скрывались эти досто-славныя Творенія Фотія среди сокровищъ, завѣщанныхъ намъ мыслившимъ Востокомъ. Наконецъ четыре изъ нихъ у меня въ рукахъ! Дорожу и люблюсь ими, но не такъ ихъ въ кельѣ своей, а передаю всѣмъ въ переводѣ.

Какъ же переведены онѣ? Послѣшно, или обдуманно? дословно, или свободно, но точно? соотвѣтственно, или не соотвѣтственно свойствамъ рѣчи Фотія и тону ея?

Прежде нежели приступилъ я къ переводу сообщенныхъ бесѣдъ, онѣ прочитаны были мною нѣсколько разъ. Въ бытность свою въ Иерусалимѣ въ первой половинѣ 1860 года, я окончательно уяснилъ себѣ смыслъ ихъ и понялъ тонъ ихъ съ помощью одного ученаго Грека Г. К., который основательно знаетъ еллинскій языкъ, и даже говорить имъ, съ кѣмъ надобно. Послѣ этого уясненія начать былъ переводъ ихъ на Русскій языкъ. Онъ конченъ. Трудности этой умственной работы преодолены. Смыслъ Бесѣдъ великаго витія переданъ точно и ясно. Его стремительныя рѣчи выражены мною кратко, а игра созвучныхъ словъ удержана и въ переводѣ, гдѣ только можно было сдѣлать это¹⁾. Даже звукоподражательность въ самомъ началѣ первой Бесѣды, гдѣ Фотій сравнилъ Россю съ громовою стрѣлою и съ молніею, выражена мною, только гораздо короче. У него шесть трескучихъ звуковъ кр. др. нр. тр. пр. стр. выражаютъ шибку судьбы, подобную шибкѣ зенрныхъ пузырьковъ въ облакѣ, при которой они лопаются и производятъ громъ и молнію: а у меня трещатъ только два звука, крп. тр. Надлежало мнѣ выказать всѣ эти свойства рѣчи Фотія: иначе, я былъ бы не traduttore, а traditore, то есть, не переводчикъ, а перевозчикъ, одно маравищій, другое ломающій, кое-чего не доставляющій, да и читатели мои не узнали бы, что Свѣтозарный говорилъ иногда стремительно, иногда увеселительно. Долгъ исправнаго переводчика заставилъ меня прискаты въ Русскомъ языкѣ и поговорки, соотвѣтственные поговоркамъ Грековъ. Греки бають: *καὶρὸς ὄψις*: а мы говоримъ, *время не терпитъ*; они, *χεῖρὸν ἄρουα ἀδύκων*: а мы, — *нечистый на руку сановникъ*; они — *χαλεπὸν ὄχλος ἐπὶ θυροῦ βαίνε* = бѣды ходятъ по лезвию, то есть такъ легки и быстры на ходу, что по лезвию ножей пройдутъ, и тебя нагонятъ: а мы баемъ: *отъ бѣды куда не укроешься*: она вездѣ тебя найдетъ. Не возможно мнѣ было дословно передать иконописное выраженіе Фотія: «въ храмѣ св. Софїи изглажены были *ταῖς τῶν εἰκόνων ἀπειρίας* = *δραστῶς μυστήρια*.» Мы не говоримъ такъ, хотя и знаемъ, что иконы посредствомъ зрѣнія напоминаютъ намъ невидимые предметы и таинства Вѣры. Посему я принужденъ былъ сказать: «изглажены были священныя изображенія»²⁾. По необходимости же, ради ясности перевода, расширено и истолковано мною сжатое и отвлеченное выраженіе Фотія въ описаніи иконы Софїйской Богоматери: *μῆδ'*

1) Всѣ созвучія напечатаны особеннымъ образомъ.

2) Напрасно же говорить и пишутъ, что въ св. Софїи уцѣлѣли образа времени царя Иустиніана I-го (6 вѣк.).

ἕτερον μέρος τῶ ἀτελεῖ ἐξυβρίζουσα. Я перевелъ эти слова такъ: «вполнѣ выражая не одну дѣвственность, но и материнство»: а Фотій сказалъ: — «^{не скрывая}_{не обижая} ни той, ни другой стороны (т. е. ни дѣвственности, ни материнства). Не ясна такая рѣчь, да и не соотвѣтствуетъ величію описаннаго предмета, хотя въ подлинникѣ терпима. Вообще сказать: я перевелъ Бесѣды Фотія не дословно, какъ переведены на примѣръ наши церковныя книги, но передалъ буквальный смыслъ ихъ съ точностію, позволивъ себѣ только укладывать Русскія слова такъ, какъ требовала плавность нашей рѣчи, и кое-гдѣ укоротить длинныя періоды Фотія. Что касается до разныхъ тоновъ рѣчи этого витія; то они, смѣю сказать, не понижены и не повышены мною. Рѣзки, печальны, веселы, отрывисты они у него: таковы и у меня. Всѣ аккорды Фотія я изучалъ съ особеннымъ стараніемъ, дабы переводъ мой былъ полное эхо сердечнаго витійства его. Но за чѣмъ говорю все это я, когда вмѣсто меня громче говорить подлинникъ и переводъ на очной ставкѣ ихъ?

Многія части подлинныхъ Бесѣдъ Фотія и *всѣ* тѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Россѣяхъ, напечатаны мною для оправданія точности и вѣрности моего перевода, для ознакомленія знатоковъ Еллинскаго языка съ классическимъ слогаемъ Фотія, и напаче для того, чтобы они, прочитавъ подлинникъ, сами, вмѣстѣ со мною, или независимо отъ меня, внесли въ исторію тѣ важнѣйшія событія, кои разсказаны въ Бесѣдахъ, и внесли такъ, какъ разсказалъ ихъ Свѣтозарный. Ручаюсь за полное сходство напечатаннаго мною греческаго текста Бесѣды съ тѣми подлинниками ихъ, которые нашелъ я на Аеонѣ. Но да будетъ извѣстно, что сообщенныя въ переводѣ Бесѣды раздѣлены на части, означенныя цифрами I. II. III. и пр., раздѣлены для ясности мною. Въ подлинникахъ нѣтъ такихъ раздѣленій. Тутъ все написано сплошь.

Трудъ мой конченъ.

Благодарю Бога, сподобившаго меня найти Бесѣды Фотія, и удѣлившаго мнѣ даръ понимать языкъ его.

Радуюсь тому, что эта книга, сего дня моя, завтра будетъ общая.

Иди книга въ міръ, и повѣдай ему великія дѣла Божіи, оповѣщенныя Свѣтозарнымъ Фотіемъ.

Ораніенбаумъ.

1864 года, 14 сентября.

Vade liber.

Ο Π Ε Ч Α Τ Κ Η .

Напечатано:

Читай:

Стран. 1	ἄτυτη πληγὴ	ἄτυτη καὶ βαρεῖα πληγὴ
» 3	ὡς πάλαι Ἰακώβ	ὡς ὁ πάλαι Ἰακώβ
» 4	ἄμασι	αἵμασι
» 7	μετὰ ψαλμωδοῦ ἢ θεῶ ἀκοῆν	μετὰ τοῦ ψαλμωδοῦ ἢ θεῶ τὴν ἀκοῆν
» 19	ἐλεινότερον	ἐλεινότερον
» 27	εκο	εγο
» 58	λιμενήροις	λιμενήροις
» 58	поллица	πολιτῖα
» 59	дѣднымъ	δῆδνυμъ
» 79	так торое	такое событие, которое
